Д. ШТУРМАН

"НАШ НОВЫЙ МИР"

ТЕОРИЯ ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Д. ШТУРМАН "НАШ НОВЫЙ МИР"

Д. ШТУРМАН

"НАШ НОВЫЙ МИР"

ТЕОРИЯ. ЭКСПЕРИМЕНТ. РЕЗУЛЬТАТ.

Издательство "Лексикон"
ИЕРУСАЛИМ 1981

D. SHTURMAN

"OUR NEW WORLD"

THEORIE. EXPERIMENT. RESULTS.

© D. Shturman

Designed by L. Fisher
Published by "Lexicon"
JERUSALEM 1981

Галине и Леониду Гербер — друзьям,
которые вывезли с собой из "большой зоны"
эту книгу. Я очень хочу надеяться, что риск,
которому вы подвергли сына, родителей и себя,
был хотя бы отчасти оправдан.

Ваша Дора

СОДЕРЖАНИЕ

Письмо к воображаемому издателю 10
Предисловие 14

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ТЕОРИЯ.
1. Марксизм и определение понятия "класс" . . . 17
2. Уничтожение классов и диктатура пролетариата 35
3. Советское государство, именовавшееся до 1960-х г.г. "диктатурой пролетариата" . . . 51
4. Где впервые победит социалистическая революция 68
Выводы. 73

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ.
1. Почему капитализм следует заменить другим способом производства. 82
2. Кем (или чем) следует заменить буржуазию как организатора общественного производства . 84
3. Экономические рекомендации классического марксизма 89
4. Советская экономическая наука говорит о себе 93
5. Экономика и проблемы централизованного управления ею 103
6. Отступление в область естествознания . . . 115
7. Социалистическая централизованная экономика и критерий оптимальности 129

8. Социализм и проблема стимула 163
9. Некоторые количественные итоги шестидесятилетнего приложения "великолепной теории" к практике 171
10. Марксизм и проблемы распределения общественного продукта 239
Выводы 255

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕМОКРАТИЯ – ЧТО ЭТО ТАКОЕ?
1. Диктатура и демократия 266
2. Примитивная демократия 291
3. "Трибализм" или централизация? 297
4. Нравственность партократии 304

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. А ЗАТЕМ?! 330

ИТАК – О "ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ТЕОРИИ" (ЗАКЛЮЧЕНИЕ) 360

Биографическая справка 365
Список публикаций Д. Штурман. 366

*ПИСЬМО К ВООБРАЖАЕМОМУ ИЗДАТЕЛЮ**

СССР, 1975

Кем бы Вы ни были, сударь: вчерашним нашим соотечественником, нашедшим новую родину, или изгнанником, или вынужденным беглецом, не нашедшим, да и не ищущим новой родины, или гражданином и сыном другой страны, почему-либо занятым судьбой СССР, найдите, пожалуйста в себе терпение прочитать эту рукопись, даже в том случае, если она Вас не сразу заинтересует.

Представьте себе, что Вы находитесь в больничной палате. Рядом с Вами – другой больной, много более тяжелый, чем Вы. Он невольно слушает Ваши беседы с родственниками, врачами, друзьями, которые заботливо сменяют друг друга у Вашей постели. Он одинок, молчалив, но вдруг, улучив минуту, когда Вы с ним оказались наедине, он говорит:

– Я стал невольным свидетелем Вашей жизни. Моя болезнь зашла очень далеко – у Вас есть возможность сравнительно быстро выздороветь. Когда-то я был примерно в таком же состоянии, как Вы сейчас. Теперь я вижу, что совершил тогда роковые ошибки: передо мной лежали пути к спасению – я пренебрег ими и выбрал путь ги-

* За два года до своего выезда из СССР, еще не помышляя об эмиграции, я передала микрофильм рукописи этой книги в Израиль, снабдив ее (в надежде на публикацию) данным письмом. Оно казалось мне куда более убедительным, чем явилось на деле.

бельный. Мой опыт мог бы помочь Вам: вы стоите перед опасностью, повторив мое прошлое, прийти к моему настоящему и от него – к моему ближайшему будущему... Соблаговолите выслушать меня, не гнушаясь неполнотой и сбивчивостью моего рассказа. У меня мало надежды договорить до конца, но главное Вы поймете...

Для обретения горького опыта народов современного СССР не обязательно с риском для свободы и жизни входить в пресловутые "спецхраны", хотя в них, как и в зарубежных архивах и книгохранилищах, глубоко безразличные их окружению, лежат несметные исторические сокровища.

На полках всех советских библиотек и в открытых книгозапасниках громоздятся бесчисленные тома, не только не запретные, но и директивно навязываемые читателям. Их упорно не хотят читать: мы твердо убеждены, что все доступное – скучно и что все легальное – лжет.

Между тем, эти книги – сама история. Первоисточники – так они и называются в казенном контексте. А ведь они и на самом деле первоисточники... Ибо и здесь "вначале было Слово"...

Мировоззрение наше формировалось в поле магически-неотразимого воздействия непрочитанных книг, воспринятых в тенденциозном пропагандистском пересказе, приспособленном к мироощущению воспитуемых.

Магия пересказа преодолевалась нами посредством прочтения всех этих томов, как говорится, от корки до корки, во множестве переизданий, с дополнениями, документами и комментариями, заключенными в них.

Исследование началось как попытка освоить самостоятельно и полностью священные тексты марксистских первоисточников, догматы которых упорно не воплощались в жизнь.

ПОЧЕМУ?

Вначале недоверие вызывали не догматы, а непослушная им действительность, которая то ли по чьему-то преступному умыслу, то ли по несовершенству человеческой природы, то ли по невежеству устроителей не следовала догматам.

Как все истинно верующие, усомнившиеся на горе и стыд себе самим, прежде всего мы перебрали все, что могли найти и сказать в оправдание наших законо- и вероучителей. И они в конце концов собственными своими устами произнесли неопровержимые обличительные монологи против себя самих, против собственного учения.

Вероятно, сознанию, взращенному на другой эмоциональной и умственной почве, чем та, которой питались мы, не нужны многоступенчатые и многолетние кропотливые взвешивания всех "про" и "контра" социализма и коммунизма. Но для тех, кто, подобно нам, рос в марксистско-ленинской вере и полвека мыслил ее категориями, нет иной дороги. Да и вообще, можно ли без ревизии отвергать доктрину, владеющую бесчисленными умами так много лет?

Важно ли рыться сегодня в учении более чем столетней давности?

Учение это будет, по-видимому, шагать через границы и по человеческим головам /в той его политической форме, которую придал ему Ульянов-Ленин/ независимо от своей теоретической бессодержательности, практической опасности, конструктивной беспомощности и нравственной неправоты – точнее, благодаря своей уникальной способности пренебрегать правотой, общественной пользой и нравственными запретами.

Но для нас, поскольку мы существа мыслящие и признающие за собой право выбора, важно знать, почему мы

приемлем или отвергаем тот или иной образ мыслей и действий, ту или иную фразеологию.

Может быть, это важно еще для кого-нибудь?

Может быть, наши размышления помогут кому-нибудь быстрее пройти наш путь – путь от бездумного преклонения перед нечитанными книгами к сознательной переоценке книг прочитанных?

Может быть, кто-нибудь да увидит, что История для всех нас, детей Земли, едина, что она не укрыта от нас за семью печатями: стоит протянуть руку – и можно снять какой-то из фрагментов ее с полок бесчисленных библиотек.

*Если эта рукопись покажется Вам заслуживающей внимания, помогите ей увидеть свет.**

* Случилось так, что никто не откликнулся на этот призыв. Пришлось протянуть руку помощи самим себе и попытаться вырваться из безгласности.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга была написана в 1968 – 1969 г.г. и с тех пор обращается под псевдонимом В.Е.Богдан в советском внутреннем Самиздате в ее первоначальном варианте. Однако автор, а также те, кто словом и делом помогли ему создать и сохранить книгу, но не могут еще быть названы, полагают, что в целом она не устарела.

Сегодня слишком многие люди во всем мире представляют себе аксиоматику, литературную логику и практику коммунизма не более отчетливо, чем десятилетия тому назад. Риторика марксизма-ленинизма – одно из его могущественных и агрессивных орудий – заслоняет от миллионов людей его, казалось бы, давно очевидную реальность. Человечество разыгрывает на сцене своей истории чапековскую "Войну с саламандрами": оно не борется против этой риторики, хотя борьба против словесной мимикрии марксизма-ленинизма для западных стран еще могла бы быть и бескровной, и весьма эффективной.

Эта книга дополнена и обновлена данными конца 1970-х г.г. Дополнения свидетельствуют, что тенденции, подчеркнутые статистикой 1960-х г.г., за десять лет не изменились, противоречия углубились, тупики стали еще отчетливее.

Это исследование возникло в лоне марксизма-ленинизма и начиналось в 1940-х годах именно как исследование, а не как отрицание коммунистического миропонимания.

Оно несет в себе признаки и исходной семантики, и исходной методологии, которые преодолевались изнутри, без априорного неприятия.

Мы начинали рано /разумеется, не с этой книги/, и начинали с желания постичь истину в ее истоках, а не с намерения раскрыть несовершенства первоисточников. Наши выводы оказались неожиданными для нас самих. Такой путь был для нас биографически неизбежным. Полагаю, что для читателей, воспитанных в марксистской традиции /или в уважении к ней/, подобный ход исследования убедительней и естественней, чем взгляд на их миропонимание со стороны и отрицание его в изначально другой системе отсчета.

Эта книга есть повторение авторского пути, производимое совместно с читателем.

Я надеюсь, что для многих людей это совместное путешествие окажется своевременным.

Дора Штурман

1969 – 1981

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Пояснения, имеющие непосредственное отношение к основному тексту настоящего издания, даются постранично и помечены звездочкой.

2. Ссылки на первоисточники пронумерованы и приводятся в конце каждой части.

3. В книге приняты следующие выделения: жирный шрифт – для акцентирования отдельных мыслей в авторском тексте; курсив – для подчеркивания существенных моментов в приводимых цитатах.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ТЕОРИЯ

"Учение Маркса всесильно, потому что верно".

В. И. Ленин

"Прежняя наша программа была теоретически правильна, но практически несостоятельна."

В. И. Ленин, изд. 4, т. 32, стр. 201.

"Литературная газета" раздраженно рекомендует мне хотя бы в общих чертах ознакомиться с основными трудами основоположников учения. Вероятно, я и в самом деле ознакомился с ними кое-как, ибо в противном случае я сумел бы, пожалуй, полностью объяснить себе, почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам." /Ян Прохазка, "Товарищам", ЛГ №26, 1968/.

Действительно – **почему**?

Когда в науке ставится эксперимент, направленный на подтверждение какой-нибудь теории, и его результат не соответствует ожидаемому, ученые считают, что либо эксперимент был поставлен нечисто, либо теория не верна.

"Великолепная теория", о которой идет речь, поставила ряд экспериментов в разных условиях. То, что резуль-

таты не совпали с предполагавшимися, ясно большинству людей, занятых этим вопросом. Но в оценке причин этого несовпадения согласия нет.

Задача настоящей работы – попытаться ответить на вопрос, сформулированный Яном Прохазкой.

На наш взгляд, основные причины несовпадения марксистской теории с марксистской практикой коренятся в ошибках самой теории. Мы попытаемся дать аргументацию своему суждению.

Классы, классовая борьба, проблемы распределения общественного продукта, построение бесклассового общества, диктатура пролетариата как инструмент его построения – таковы центральные вопросы марксистской политической экономии.

С марксистского проекта уничтожения классов мы и начнем свое исследование теории и практики коммунизма.

1. МАРКСИЗМ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ "КЛАСС"

Говоря о классах, Маркс, Энгельс и Ленин пользуются весьма разнообразными формулировками. Маркс пишет в "Критике Готской программы", что господствующее при социализме равное право "не признает никаких классовых различий, *потому, что каждый является только рабочим, как и все другие*". "Рабочий" означает здесь, по-видимому, вообще "трудящийся", а не только работающий на фабрике или заводе в качестве рабочего. Ибо иначе куда же деваются граждане всех иных профессий, неизбежных для современного общества?

В "Эльберфельдских речах" Энгельс утверждает, что при коммунизме "о разорении отдельных классов, о классах вообще, подобных тем, какими в настоящее время

являются *богатые и бедные*, разумеется, не будет и речи". А в "Принципах коммунизма" Энгельс пишет: "Общество будет производить достаточно продуктов для того, чтобы организовать распределение, рассчитанное на удовлетворение потребностей всех своих членов. Тем самым станет излишним деление общества на различные враждебные друг другу классы. Но оно не только станет излишним, оно будет даже несовместимым с новым общественным строем". Здесь, как мы видим, деление общества на классы связывается с проблемами распределения, и, как и в "Эльберфельдских речах", здесь классы – это группы людей, отличающихся друг от друга в имущественном отношении /"богатые и бедные", удовлетворенные и не удовлетворенные в их потребностях/.

В романе Ст. Гейма "Бумаги Андреаса Ленца" [1] воспроизведен такой разговор между Марксом, Энгельсом и представителем немецких повстанцев 1848 года:

" – Вы знаете что-нибудь о классах?

Криштоффель насупился.

– Об общественных классах? – Маркс был неумолим. – Люди ведь неодинаковые, а?

– Есть бедные... – Криштоффель мгновенно подумал. – И есть богатые.

– Основа ему ясна, – одобрительно сказал Энгельс. – А ведь отсюда все и начинается.

– Бедные работают? – Маркс взглянул на Криштоффеля.

– Большинство работает, да... им приходится работать.

– А богатые?

Криштоффель, вначале раздраженный этой игрой в вопросы, теперь увидел в ней какой-то толк.

– А богатые – нет, – ответил он. – Или делают не то, что мы считаем работой.

—... Видимо, — продолжал Маркс, — у богатых, которые не работают, есть какая-то власть, чтобы забрать себе что-то у бедных, которые работают.

— Они крадут у бедных? — догадался Криштоффель.

— Присваивают, — поправил его Маркс, пряча улыбку в густой бороде. — Экспроприируют.

— Но это несправедливо! — с укором сказал Криштоффель.

— В этом корень всех несправедливостей, — согласился Маркс."

Ст. Гейм сочувственно и добросовестно передает взгляды Маркса и Энгельса на суть классовой дифференциации. Эта интерпретация классовости характерна для массово-пропагандистских работ основоположников. Для толпы, для массы тех, от кого добиваются эмоциональной реакции, суть классовости — в **имущественном** неравноправии, **имущественном** насилии, **имущественной** несправедливости. Такую суть легче понять и проще преобразовать в побуждение к действию.

Однако в более серьезных работах основным критерием, позволяющим отделить один класс от другого и выделить классы эксплуататорские, оказывается у "основоположников" отношение того или иного класса к средствам общественного производства. Отношение это трактуется, в первую очередь, как **право собственности на средства общественного производства.** Оно и дает богатым власть "забрать себе что-то у бедных", работающих на них.

Вот одно из наиболее полных и известных определений такого рода: "Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению /большей частью закрепленному и оформленному в законах/ к средствам производства, по их роли в общест-

венной организации труда, *а, следовательно,* по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства" /Ленин, "Великий почин"/.

Казалось бы, определение классов "по их роли в общественной организации труда" должно было приковать внимание преобразователей общества к функционально-технологической стороне вопроса. Если отвлечься от чисто пропагандистских политических формулировок, то из их размышлений об образовании классов можно вывести такую последовательность: разделение общественного труда порождает правовой перевес определенных общественных групп; правовой перевес включает в себя и потребительские преимущества этих групп. Такой перевес в значении, правах и потреблении стал возможным благодаря особому месту этих групп в обществе и его производстве. Примем эту последовательность и рассмотрим структуру общественной занятости нескольких социально-экономических формаций /в их схематическом, отвлеченном от конкретно-исторического своеобразия варианте/.

Надеюсь, читателя не отпугнет марксистская фразеология этой части книги: обойти ее при анализе основных понятий и постулатов марксизма нельзя.

Общество занято испокон веков несколькими основными делами:

1/ Добыванием средств к своему существованию, или производством;

2/ Своей самозащитой;

3/ Своей самоорганизацией для выполнения этих задач;

4/ Познанием своего Источника, своим самоосозна-

нием, познанием среды и субстанции, поисками совершенных способов бытия — собственного и общего и т.д.*

В исполнении каждой из этих задач есть 2 необходимых этапа: 1-й этап — планирование направления, объема, средств, результатов предстоящей деятельности, т.е. производство информации, необходимой для совершения целенаправленных действий; и 2-й этап — реализация планов, выработанных на 1-м этапе, т.е. воплощение произведенной информации в жизнь.

В предельно упрощенном виде соотношение двух этапов решения трех задач, которые мы согласились рассматривать, как основные задачи общества, может выглядеть примерно так:

СХЕМА № 1

ЭТАПЫ	ЗАДАЧИ		
	Производство и распределение	Самозащита	Самоорганизация
	1	2	3
I Произв-во информации			
II Физическое воплощение информации в жизнь			

* Я, по возможности, буду сохранять свойственное марксизму представление о главных типах социальных формаций и о формационном разделении общественного труда и поэтому ограничусь рассмотрением, в основном, первых трех задач, расположенных в порядке, естественном для марксизма. Поэтому та задача, которая в другой системе ценностей должна была бы оказаться первой, здесь упомянута последней.

В узких рамках первобытнообщинного, или первобытнокоммунистического, производства /**в том его виде, каким оно представляется Марксу и Энгельсу**/ в деятельности каждого взрослого члена общины совмещены производство информации для выполнения всех трех основных социальных задач и воплощение этой информации в жизнь.

Охотничьи и рыболовецкие угодья находятся в собственности общины. Простейшие орудия производства пребывают в естественном распоряжении тех, кто ими пользуется. Источником производственной энергии служит сам человек.

Схематически общественную жизнедеятельность /по Марксу и Энгельсу/ первобытнокоммунистической общины можно изобразить так:

СХЕМА № 2. ПЕРВОБЫТНЫЙ КОММУНИЗМ

ЭТАПЫ	ЗАДАЧИ		
	1	2	3
I	Все взрослые и здоровые члены общины		
II	Все взрослые и здоровые члены общины		

Внимательно перечитав работы и эпистолярное наследство Маркса и Энгельса, легко убедиться, что главной задачей человечества они считают возвращение последнего к утраченному первобытнокоммунистическому идеалу — на новой технологической основе и уже не в общинных, а во всемирных масштабах.

Переломным моментом в истории человечества, позволяющим ему уничтожить классы и возвратиться к "архаическому виду собственности" на новой основе, /опять же по Марксу и Энгельсу/, является капиталистическая формация.

Почему?

Правовой, а за ним и имущественный перевес добуржуазных правящих классов /рабовладельческой, кастовой и феодальной аристократии/ вырастал из их роли военных и старейшин, выдвинутых обществом из его среды для руководства ведением войн и для управления.

Технологически /производственно-процессуально/ эти классы ни земледельцу, ни скотоводу, ни ремесленнику, ни рыболову, ни охотнику не нужны: их вызвали к жизни внешнеполитические /военные/ и административно-организационные потребности общества.

Правовой статус и экономические возможности капиталиста растут из его роли организатора общественного производственного процесса, из потребности общества в таком организаторе, обусловленной усложнением производственно-сбытового цикла, его новыми технологическими качествами.

Предельно схематизируя эволюцию общественного производства от первобытной общины до современного капитализма, можно сделать следующий вывод: первобытное единство было обусловлено технологической невозможностью для человека обеспечить свое выживание и воспроизводство вида без объединения с себе подобными. Отсутствие классовой дифференциации в первобытном обществе обусловливалось отсутствием устойчивых разделений общественного труда *. По мере развития и совершенствования технологии необходимость в объединении технологического характера падает: сельскохозяйственное и ремесленническое производство позволяют одной семье самостоятельно обеспечить свое выживание. Общины объединяются только для коллективных, круп-

* Поло-возрастные категории не учитываются.

номасштабных работ /ирригация, строительство дорог, работы по требованию государственной власти и храмов и т.п./. А стоящая над ними кастовая власть того или иного рода носит, как я уже говорила, характер политический, надпроизводственный. Однако дальнейшее безостановочное развитие технологии преодолевает индивидуализм натурального и ремесленнического хозяйства. Возникают и быстро развиваются новые формы объединения, предполагающие, с одной стороны, разделение труда на простые стандартизованные и все более механизированные операции, с другой — интегрирование этих действий в едином процессе.

Это объединение и воспринимается социализмом и коммунизмом 19 века как симптом восстановления распавшегося когда-то единства. Социалистические и коммунистические мыслители предположили, что капитализм является последней формацией классового, **междукоммунистического**, периода, завершающей путь человечества от единства общинного к единству всемирному через многоплановую дифференциацию. Между тем, капитализм разворачивает перед нами **не унификацию**, а **небывалое** до него **разнообразие** социальных функций, причем в картине этого разнообразия нет технологических признаков превращения пролетариата в класс, управляющий общественным производством. Та растущая инициатива профессиональных союзов, которая, с одной стороны, надежно ограждает интересы рабочего класса, а с другой — непрерывно дезорганизует производственную жизнь общества, целиком реализуется в области распределения и условий труда, а не производства и его технологии.

Отсутствие универсализации функций, рост многообразия разнокачественных занятий, а не их единообразия, свойственного первобытной общине, отчетливо просту-

пают при попытке уложить эти занятия в предложенную выше простую схему.

СХЕМА № 3. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ФОРМАЦИЯ

ЭТАПЫ	ЗАДАЧИ			
	Производство–распределение		Самооборона	Самоорганизация
	1		2	3
I Произ-во информации: команды, планирование, целеполагание	Рынок: потребители, поставщики товаров и услуг, включая государство. Поставщики информации. Профсоюзы в сфере условий труда	Все перечисленные участники рынка. Профсоюзы, партии, общественные организации	Государство демократического типа	Государство демократического типа, партии, общественные организации
	СПЕЦИАЛИСТЫ, ОПЛАЧИВАЕМЫЕ ВСЕМИ УЧАСТНИКАМИ РЫНКА И ГОСУДАРСТВОМ			
II Исполнение	Рабочие, служащие, фермеры, работники сферы обслуживания, специалисты		Государственная армия	Государственные исполнительные аппараты, общественные организации

Безусловно, предлагаемая здесь картина капиталистической структуры общественной занятости далеко не полна, ибо мы, **по предварительному условию, опускаем все**

виды деятельности, кроме экономической, военной и организационной. Тем труднее понять, как из этого многообразия должна была возникнуть та гармоническая простота, которую коммунисты 19 века собирались положить в основу сначала диктатуры пролетариата, а затем бесклассового общества социализма.

СХЕМА № 4. ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

ЭТАПЫ	ЗАДАЧИ		
	1	2	3
I	Пролетариат и контролируемые им необходимые специалисты		
II	Ассоциированные производители		

Не трудно заметить, что эта схема тождественна схеме первобытного коммунизма. Объединяет их отсутствие классов и совмещение всеми членами общества обязанностей управления и исполнения. Как же осуществится это возвращение к проблематичному первобытнообщинному единообразию и равенству из разнообразия, демонстрируемого капитализмом?

Основоположники строили свою гипотезу бесклассового общества /**для них она была не гипотезой**, а **теорией**/ на убеждении, что капиталисты перестали справляться со своей задачей организации общественного производства и более последнему не нужны. Так в работе "Общественные классы – необходимые и излишние" Энгельс пишет: "Экономическая функция капиталистического класса заключалась действительно в том, чтобы создать современную систему паровых фабрик и паровых путей сообщения, сокрушив все экономические и политические препятствия, замедлявшие или тормозившие развитие этой системы. Не

подлежит сомнению, что, пока капиталистический класс выполнял эту функцию, он был при тех условиях необходимым классом. Но так ли обстоит дело еще и теперь? Продолжает ли он выполнять свою важную функцию руководителя общественного производства, расширяющего его в интересах всего общества в целом? Посмотрим." И, рассмотрев вопрос на основании весьма ограниченного набора статистических и литературно-публицистических данных 3-й четверти 19 века, Энгельс приходит к следующему выводу: "Итак, капиталист уже больше не может предъявлять права на свою прибыль как на "заработную плату за руководство", так как он ничем не руководит. ...класс капиталистов стал неспособен также управлять огромной системой производительных сил нашей страны. Мы приходим к тому выводу, что не только можем отлично управиться в крупных отраслях промышленности нашей страны без вмешательства класса капиталистов, но что их вмешательство становится все более и более вредным". Естественным логичным следствием подобного утверждения было бы решение посмотреть, **кто** же **управляет /или должен бы управлять/** промышленностью вместо переставших управлять ею /неспособных управлять ею/ капиталистов. Но марксизм идет не этим путем.

Несмотря на отсутствие каких бы то ни было технологических признаков перехода /или приближения/ пролетариата к задаче управления производством и несмотря на отсутствие той универсализации функций, которая, **согласно марксистскому взгляду на движущие силы истории,** одна только и могла бы обусловить уничтожение классов, Маркс и Энгельс **решают,** что уничтожение классов назрело, что его следует проводить революционными приемами и что выполнить эту задачу должен пролетариат. Здесь и возникает та очень наглядная и, казалось бы,

бесспорная ошибка, которая делает утопической всю конструктивную часть учения.

Но не тут то было: ей по сей день не придают существенного значения и спорят о следствиях, не останавливаясь на первопричине. "Уничтожение классов" – это словосочетание не режет нашего слуха: мы к нему привыкли. Между тем именно для сознания, воспитанного в марксистской экономико-технологической традиции, оно должно было бы казаться странным: если классовость общества есть функция определенной структуры занятости, то следует говорить об изменении структуры занятости, стихийном или искусственном, а не об "уничтожении классов". Однако Маркс, Энгельс и марксисты-ленинцы 20 века ведут себя так, словно производственно-технологические предпосылки /условия/ уничтожения классов уже наличествуют и обществу следует всего-навсего юридически санкционировать это уничтожение. "Уничтожение классов – наше основное требование, без него уничтожение классового господства, с экономической точки зрения, – бессмыслица", – пишет Энгельс в 1891 году /К.М.и Ф.Э., Соч., т.21, стр. 235/.

Уничтожение частной собственности на средства производства и классов, утверждает далее Энгельс*, становится осуществимым не вследствие осознания того, что "существование классов противоречит справедливости, равенству и т.д., не вследствие простого желания отменить классы, а в силу известных новых экономических условий. Разделение общества на классы – эксплуатирующий и эксплуатируемый, – господствующий и угнетенный – было неизбежным следствием прежнего незначительного развития

* Цитаты из Энгельса без указания на произведение взяты из книги "Развитие социализма от утопии к науке".

производства. Пока в совокупности общественный труд дает продукцию, едва превышающую самые необходимые средства существования всех, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства членов общества, до тех пор это общество неизбежно делится на классы". Мы могли бы возразить, что в безнадежно идеализируемой марксизмом первобытной общине совокупный труд давал продукцию, вряд ли удовлетворяющую потребности даже примитивного общества, и отнимал все его время, но классов не было, ибо не было классообразующих разделений труда /по Энгельсу же/. Но продолжим цитату: "Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д. *Следовательно, в основе деления общества на классы лежит закон разделения труда.* ... Поэтому, если разделение на классы и имело историческое оправдание, то оно имело его лишь для известного периода и при известных общественных условиях. Оно обусловливалось недостаточным развитием производства и будет уничтожено полным развитием современных производственных сил".

"Коль скоро производительная сила человеческого труда развилась до такого высокого уровня, – исчезает всякий предлог для существования господствующего класса. Ведь последним доводом в защиту классового различия всегда было следующее: нужен класс, избавленный от необходимости изнурять себя добыванием хлеба насущного, чтобы он мог заниматься умственным трудом для общества. Этой болтовне, находившей до сих пор немалое историческое оправдание /странная болтовня! –

прим. Д.Ш./, навсегда подрезала корни промышленная революция последнего столетия /19-го! – прим. Д.Ш./. Существование господствующего класса становится с каждым днем все большим препятствием развитию науки, искусства, а в особенности культурных форм общения".[2]

Удивительна легкость, с которой Энгельс объединяет в один класс людей, занятых "такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т.д.", а затем утверждает, что "существование господствующего класса", т.е. людей, занятых перечисленными делами, вредит всему тому, чем они занимаются: промышленности, науке, искусству, "культурным формам общения". Не менее удивительно, что свое собственное обоснование существования классов /"закон разделения труда"/ Энгельс именует "болтовней", а "болтовне" находит "немалое историческое оправдание". Но не будем придираться к словам и отметим главное: по Марксу и Энгельсу капиталистическое производство второй половины 19 столетия технологически созрело для уничтожения классов. Теоретически оно должно было начать разваливаться на глазах у первых читателей работ основоположников. Но оно не разваливалось. И тогда на повестку дня неизбежно выступает тезис о том, что политические действия рабочего класса должны предшествовать уничтожению классов. Рабочие, просвещаемые и организуемые марксистами, **могут** и **должны** политическими средствами приблизить тот момент, когда они станут хозяевами положения в производстве и в обществе и уничтожат классы. Маркс и Энгельс не могут не чувствовать, что этот их тезис не является логическим выводом из их понимания классовости как функции технологии /в самом широком смысле последнего слова/. Поэ-

тому они постоянно дополнительно аргументируют этот тезис: "К чему мы боремся тогда за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна?" – пишет Энгельс Конраду Шмидту 27 октября 1890 года по поводу обратного влияния "политических и т.д. отражений экономического движения на само это движение". И заключает: "Насилие /т.е. государственная власть/ – это тоже экономическая сила".

Не нам с этим спорить, ибо 20 век доказал с небывалой убедительностью, с какой силой способна воздействовать на экономику государственная власть. Но это воздействие, направленное на такие экономические явления, как формы собственности и структура экономического управления и распределения, **не может снять технологических классообразующих разделений общественного труда.** Энгельс же пишет: "Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? – Политическое господство пролетариата. Что же должен делать пролетариат с государственной властью?"[3]

Действительно – **что?**

Еще Спенсер в своих этюдах о социализме показал, что овладев государственной властью и желая владеть ею диктаторски, единопартийно, пролетариат **вынужден будет создать аппарат, во власти которого сам же скоро окажется.**

Э.Бернштейн и его единомышленники, последовательно разделявшие марксистские взгляды на роль производительных сил и технологии в классовой структуре общества, тоже постепенно пришли к выводу о беспочвенности марксистской концепции классоуничтожительного мессианства пролетариата.

Энгельс же пишет: **"Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде**

всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности". Почему? Разве технологическая основа этих различий и противоположностей **уже снята?** Ведь только при этом условии могут быть справедливы следующие утверждения Маркса: "Мы знаем /? – знак Д.Ш./, что новые силы общества для того, чтобы действовать надлежащим образом, нуждаются лишь в одном: ими должны овладеть новые люди, и эти люди – рабочие". /"Капитал", т. 3/. Поскольку же принципиальное изменение технологии еще не осуществлено /или **в принципе неосуществимо** – это сейчас не имеет большого значения для нашего рассуждения/, то поневоле и Маркс, и его леворадикальные последователи **во все большей степени** вынуждены говорить только об отношениях **собственности** и об их политическом изменении, а не о **классообразующих разделениях общественного труда** и об их изменении. Такой подход к вопросу чрезвычайно удобен политически и наиболее тактически продуктивен: отношения собственности, действительно, поддаются политической коррекции, и в любом обществе есть массы людей, недовольных своим экономическим положением, которое легче всего поставить в вину обеспеченным слоям населения, проще всего отнести за счет несправедливого распределения, устаревших форм собственности. Это тем более просто и тактически выгодно, что Маркс говорит о возвращении к самым древним и "простым" формам собственности, к которым **мысленно** можно вернуться от любых социальных укладов. В этом упрощении таится зародыш ныне так грозно расцветшей манеры марксизма адресовать свою агитацию самым отсталым странам, еще и не приблизившимся к той технологии, которую "основоположники" сочли предпосылкой уничтожения классов. В своем пер-

вом наброске ответа на письмо Веры Засулич Маркс пишет, что кризис капитализма "окончится только уничтожением капитализма, *возвращением современных обществ к "архаическому" типу общественной собственности... Не следует особенно бояться слова "архаический".*" В другом наброске ответа тому же корреспонденту /представителю радикально-революционных кругов России/ читаем: *"Народы, у которых оно /капиталистическое производство – прим. Д.Ш./ наиболее развилось, как в Европе, так и в Америке, стремятся лишь к тому, чтобы разбить его оковы, заменив капиталистическое производство производством кооперативным и капиталистическую собственность – высшей формой архаического типа собственности, т.е. собственностью коммунистической".*

Итак, речь идет о восстановлении **архаического** типа собственности, об индустриализации примитива, который древнее и проще **любого** из современных укладов, самых отсталых. Следовательно, на земле нет народов, которым рано было бы приступать к такому движению. При таком обороте дела концептуальная логика марксизма рушится, но политическая тактика коммунизма обретает прочное основание. И это движение **назад** – к технически обновленному примитиву – во всей пропагандистско-агитаторской продукции марксизма искони и по сей день именуется движением **вперед!**

Говоря об овладении средствами производства со стороны пролетариата, основоположники широко и охотно оперируют словами "общий","сообща", "общественный", "весь" и т.п.: "Есть только одно средство положить конец эксплуатации труда капиталом, именно: уничтожить частную собственность на орудия труда, передать все фабрики, заводы, рудники, а также все крупные имения и т.п. в руки всего общества и вести общее социалистическое про-

изводство, направляемое самими рабочими"[4]. "Место частной собственности заступит общее пользование всеми орудиями производства и распределения продукта по общему согласию, или так называемая общность имущества. Уничтожение частной собственности является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности"[5]. "Владение средствами производства возможно только в двух формах: либо как индивидуальное владение, которое в качестве общей формы не существовало для всех производителей никогда и нигде и которое с каждым днем все более исключается промышленным прогрессом, либо как общее владение, т.е. в форме, материальные и интеллектуальные предпосылки которой созданы уже самим развитием капиталистического общества, так, что, следовательно, необходимо всеми средствами, какие имеются в распоряжении пролетариата, вести борьбу за переход всех средств производства в общее владение. Таким образом, общее владение средствами производства выдвигается в программе как единая главная цель, которой надо добиваться. И не только в области промышленности, где почва уже подготовлена, но и повсюду, а значит и в земледелии"[6]. "Цель /сущность/ социализма: переход земли, фабрик и пр., вообще – всех средств производства в собственность всего общества и замена капиталистического производства производством по общему плану в интересах всех членов общества"[7]. И т.д., и т.п.

"Взять в свои руки", "овладеть", "направляемый самими рабочими", "по общему согласию", "общее пользование и распределение" – **что** стоит за этой фразеологией? **Как технически, процессуально, структурно** будет осуществляться это **общее** пользование и распределение? Что

же такое "**общее** владение" /или "общественное распоряжение"/? Классики марксизма многократно повторяют, что инструментом выполнения их программы явится диктатура пролетариата. Попытаемся рассмотреть ряд вопросов, связанных с диктатурой пролетариата.

2. УНИЧТОЖЕНИЕ КЛАССОВ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

Вопрос о диктатуре пролетариата – центральный вопрос **конструктивной** части учения Маркса: "Марксист лишь тот, кто **распространяет** признание борьбы классов до признания **диктатуры пролетариата.** В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого /да и крупного/ буржуа. На этом оселке надо испытывать **действительное** понимание и признание марксизма"[8]. В этом же сочинении[9] Ленин пишет: "Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию **политического господства** пролетариата, его диктатуры, т.е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс. Свержение буржуазии осуществимо лишь превращением пролетариата в **господствующий класс**, способный подавить неизбежное, отчаянное сопротивление буржуазии и организовать для нового уклада хозяйства **все** трудящиеся и эксплуатируемые массы"."Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизменно одна: **диктатура пролетариата**"[10].

В статье "Великий почин" Ленин объясняет: "Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой

язык, означает вот что: только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов".

А в другом своем сочинении Ленин[11] пишет: "Диктатура пролетариата есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплуатируемыми, которые унижены, забиты, задавлены, запуганы, раздроблены, обмануты классом капиталистов, со стороны единственного **класса, подготовленного к такой руководящей роли всей историей капитализма".**

По мнению основоположников учения, пролетариат обладает рядом особых свойств, делающих его способным "совершить этот освобождающий мир подвиг" /Энгельс/ – построить бесклассовое общество. Главное обоснование руководящей роли пролетариата при построении этого общества выглядит у марксистов следующим образом:

А. ПРОЛЕТАРИАТ – НАИБОЛЕЕ ОБЕЗДОЛЕННЫЙ КЛАСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. У него нет спасения от деградации и гибели в рамках капиталистического способа производства. Ему нечего терять, кроме своих оков.

В "Манифесте" сказано, что пролетарии 1840-х годов живут хуже античных рабов и крепостных крестьян. Современные марксисты посредством множества подтасовок "доказывают", что происходит интенсивный рост капиталистической эксплуатации и продолжается обнищание рабочего класса капиталистических стран, в том числе

и наиболее развитых. Допустим, что это так. На определенных этапах развития капитализма пролетариат разных стран действительно был самым обездоленным классом в обществе. Это несомненно делало его самым неудовлетворенным и поэтому наиболее склонным к протесту и эксцессам классом, остро заинтересованным в улучшении своего экономического положения. То же можно сказать о рабах в античном мире и о крепостных при феодализме.

Нищета угнетенного класса может быть доводом в пользу изменения общественного строя или общественного законодательства; она может быть причиной того, что обездоленный класс оказывается главной ударной силой революционного переворота; но она не может быть доводом в пользу того, что этот обездоленный класс, даже разрушив старое общество, сможет возглавить новое, управлять его производством, регламентировать социальное право, обеспечивать его осуществление. Кому было хуже, чем крепостным в России 18 столетия? Никому. Но значило ли это, что русское крепостное крестьянство 18 века, оставаясь самим собою, т.е. классом примитивного, патриархального земледелия, может руководить государством масштабов России того периода?

То, что класс неимущий, бесправный и угнетаемый легко может стать рычагом, ударным орудием, исполнительной силой любого переворота /при достаточно умело подобранных и удачно преподнесенных лозунгах/, – это бесспорно. Но разрушительные или оппозиционные потенции класса не имеют ничего общего с его возможностями как производителя решений для общества, с его функциональной способностью вырабатывать решения и обеспечивать их исполнение.

Марксисты доказывают, что пролетариат беден, но этим они не опровергают того, что пролетариат является

исполнительным классом в области непосредственного производства вещественного продукта. То, что кажется убедительным с некой моральной позиции, не получает здесь обоснования функционального.

Б. ПРОЛЕТАРИАТ СОЗДАЕТ ОСНОВНУЮ МАССУ ПРОДУКТОВ И КОРМИТ ВСЕ ОБЩЕСТВО СВОИМ ТРУДОМ. Поэтому он и должен этим продуктом распоряжаться и этим обществом руководить. "Маркс неоднократно указывал на одно изречение Сисмонди, имеющее грандиозное значение. Пролетарии древности, — гласит это изречение, — жили за счет общества. Современное общество живет за счет пролетариев", — писал Ленин в 1907 году[12].

Нам предстоит в дальнейшем более подробно остановиться на том, какую долю современного промышленного продукта создает пролетариат. Но допустим даже, что это факт, что основную массу продуктов в развитом индустриальном обществе создают рабочие. Это допущение может быть доводом в пользу увеличения доли рабочих в распределении. Но оно не доказывает, что пролетариат должен управлять обществом и что он способен на это, оставаясь пролетариатом.

Рабы и крестьяне-общинники, крепостные и ремесленники действительно создавали в определенные эпохи основную массу общественного продукта. Более того, они сами вырабатывали и основную профессиональную информацию для своего производственного процесса. Но это отнюдь не свидетельствует о возможности совмещения ими их производственной деятельности с военным делом, с управлением государством, с интеллектуальной и эстетической деятельностью и т.д.

Утверждение, что современный рабочий класс производит основную часть совокупного общественного продукта, будь оно даже доказанным, могло бы свидетельство-

вать только о том, что оплата труда рабочих должна быть приведена в соответствие с приносимой ими обществу пользой, и ни о чем более.

В. ПРОЛЕТАРИАТ – ЕДИНСТВЕННЫЙ КЛАСС СОВРЕМЕННОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА, КОТОРЫЙ НЕ УНИЧТОЖАЕТСЯ В РАЗВИТИИ ПОСЛЕДНЕГО, А НАОБОРОТ, ЕСТЬ ЕГО СОБСТВЕННЫЙ ПРОДУКТ. "Движущая сила общественной анархии производства все более и более превращает большинство человечества в пролетариат, а пролетарские массы, в свою очередь, уничтожат в конце концов анархию производства"[13]. "Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все остальные классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть собственный продукт ее"[14].

Для того, чтобы как-то увязать основополагающий тезис "Манифеста" с современной тенденцией к уменьшению числа рабочих /в прежнем марксистском понимании последнего слова/ и к увеличению числа работников сферы обслуживания, администраторов, ИТР и научных работников, марксистам 20 века приходится переосмыслить само понятие "пролетариат" и присоединять, когда зто им нужно, к рабочему классу самые разнообразные категории работающих по найму специалистов и служащих. Можно спорить и думать о том, как дифференцировать по классам и слоям всех этих разнохарактерных специалистов и служащих, но несомненно одно: они не являются теми "городскими и вообще фабрично-заводскими промышленными рабочими"[15], которых Ленин назвал "единственным классом подготовленным к такой руководящей роли всей историей капитализма"[16].

Современным марксистам внушает неприятное чувст-

во факт производственной бесперспективности рабочего класса /в классическом значении последнего термина/, связанной с растущей автоматизацией производства, хотя речь идет не о "вымирании" "социального вида" /и даже не об уничтожении классов/, а всего лишь о переквалификации, постепенной, трудной, но выгодной для общества, для человека, в т.ч. и для рабочего класса.

Этот факт неприятен для марксистов, поскольку им необходимо доказать, что пролетариат – единственный класс на Земле, который просуществует до тех пор, пока на ней существуют классы как таковые. Смотрите, как "обосновывает" дальнейший количественный и относительный рост пролетариата в современном обществе некий Ю.И.Васильчук[17]: "Учет этих процессов образования промышленного пролетариата в сфере нематериального производства (?), развития поточно-конвеерного и ремонтно-технического рабочего класса, создания рабочей (?) технической и административно-технической интеллигенции (?) позволяет сделать главный вывод: современная научно-техническая революция означает не только дальнейший рост удельного веса промышленного пролетариата в обществе, но и превращение его в главную силу научно-технического прогресса".

Тот же автор /в ряду массы других марксистов, включающей в себя и В.И. Ленина/ "присоединяет" к пролетариату крестьянские массы слаборазвитых стран, ибо иначе нельзя объяснить с исходных марксистских позиций включение, втягивание в мировую коммунистическую систему этих почти лишенных пролетариата народов.

Однако еще авторы "Коммунистического манифеста" писали, что *"пролетариат ... который из своего положения простой рабочей силы, единственного оставшегося на его долю положения, вытесняется другими, более мощными*

производительными силами , – этот пролетариат уже в силу этого имеет действительную задачу – революционировать существующие отношения". /"Немецкая идеология"/. Как совместить утверждение, что пролетариат является единственным собственным продуктом современной крупной промышленности, с утверждением, что он вытесняется из этой промышленности *"другими, более мощными производительными силами? "*

Как создатели исторического материализма – учения, гласящего, что все существенные изменения в общественной жизни порождаются изменениями в характере и уровне развития производительных сил, – могут утверждать, что противодействовать вытеснению какого-то класса из производства **"другими, более мощными, производительными силами"** означает **"революционизировать существующие отношения"**, а не тормозить прогресс технологии и всего, что с ней связано?

Не скрыта ли здесь, сознательно или подсознательно, мысль, которую мы высказали выше: пролетариату плохо, и уже поэтому он может и должен стать орудием марксистского переворота? Не заметили ли в свое время Маркс и Энгельс, что пролетариат сразу почувствовал для себя опасность в машине – в интенсивном развитии технического компонента производительных сил? Случайно ли "рабочий класс впервые выступил против буржуазии тогда, когда он силой воспротивился введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота? Так подверглись насилию первые изобретатели, Аркрайт и другие, их машины были разбиты"[18].

Это уже не буржуазия и пролетариат, а интеллигенция и рабочие... Машина потенциально отрицает использование драгоценной человеческой воли и мысли в качестве примитивной рабочей силы, человека – в качестве источника

чисто физической энергии. Чем же революционна и прогрессивна узко-классовая, корыстно-классовая реакция пролетариата на машинизацию производства? Почему радует Маркса, что "вместе с машинами появляется стихийное возмущение рабочего класса против средств труда"[19], насущно необходимых всему обществу?

Маркс и Энгельс пишут о взаимоотношениях между буржуазией и пролетариатом: "В пределах всего противоречия частный собственник представляет собой **консервативную** сторону, пролетарий — **разрушительную**. От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, а от второго — действие, направленное на его уничтожение"[20]. Но ведь именно буржуазия, по собственному признанию Маркса и Энгельса, не может существовать, не революционизируя непрерывно производительных сил, а с ними "и всех общественных отношений" /"Манифест"/, и именно пролетариат чувствует "стихийное возмущение против средств труда" /"Капитал"/, стремясь остановить их поступательное развитие, отрицающее использование человека в качестве "простой производительной силы"!

Кто же является революционизирующей и кто — консервирующей стороной в области базиса, т.е., с марксистской же точки зрения, в определяющей области?

Приведу некоторые данные о динамике количественного и относительного роста пролетариата, почерпнутые мною из советских официальных изданий и материалов. Сборник "Страны социализма и капитализма в цифрах" /М., 1966/ свидетельствует:

за 1940 — 1964 г.г. рост рабочего класса в США составил 35%,

за 1950 —1964 г.г. рост числа инженеров в США составил 312%.

Итак, 312% за 14 лет против 35% за 24 года*. "Согласно обследованию, проведенному Чикагским университетом, применение автоматизации в различных отраслях промышленности США привело к сокращению численности рабочих в среднем на 64%. В США насчитывается свыше трех миллионов так называемых "технологических" безработных... Автоматизация и механизация в США вытесняет из производства ежегодно 1.8 – 2 млн. человек"[21]. По-видимому, капитализм работал бы "на человечество", если бы автоматизация не избавляла рабочих от тяжелого физического труда /добавим, что тот же сборник "Страны социализма и капитализма в цифрах" дает сведения о понижении процента безработицы в США: от 10% – в 1938 году до 1.8% – в 1965 году/.

Советская цензура обычно охотится более на беллетристов, чем на ученых, да еще ученых-естественников, а не гуманитариев /мы говорим о нынешних, а не о сталинских временах/. Между тем представители естественных наук и точного знания часто делают такие важные обобщения, что обобщениям этим впору стоять рядом с разоблачениями, принадлежащими отъявленным бунтарям. Иногда ученые об этом и сами не подозревают... Так, директор Всесоюзного института автоматики и телемеханики академик Трапезников, статьи которого мне еще пред-

* В советских статистических сборниках 1970-х г.г., например, в статистическом ежегоднике ЦСУ СССР "Народное хозяйство СССР за 1978 год" рабочие и служащие везде, где речь идет о динамике их численности, объединяются в одной графе, что само по себе достаточно показательно. Но и по этим смешанным показателям видно, что темпы прироста "кадров" в основных отраслях промышленности и транспорта в 1965 – 1978 г.г. замедлились по сравнению с 1940 – 1965 г.г. примерно вдвое, а темпы увеличения занятости в сферах обслуживания и культуры примерно в два раза возросли.

стоит цитировать, говорит: "... на современном этапе наиболее важен процесс управления, а не сам факт использования мускульной силы. Средняя мощность, отдаваемая человеком, составляет 30 – 50 ватт, а отсюда легко подсчитать, что при существующих тарифах на энергию стоимость механической /мускульной/ энергии, например, землекопа составляет менее 1% от получаемой им заработной платы. ... сейчас ресурсы увеличения производительности труда в значительной мере определяются именно совершенствованием методов управления коллективами людей на самых различных уровнях"[22].

Не то же ли говорит Норберт Винер[23]: "Основная часть зарплаты современного заводского рабочего вовсе не является компенсацией за трату определенного количества энергии. Даже если он занимается самым тяжелым физическим трудом... Ему платят совсем не за то, что он является двигателем, производящим энергию. На самом деле оплачивается прежде всего его опыт и умение наиболее эффективно применить свою силу в *высокоорганизованном производственном процессе*".

Поместите рабочего вне этого процесса, и вы увидите, **что** он может создать самостоятельно, без тех технических средств, против которых он боролся /и борется: вспомните забастовки против введения автоматики! /ради "революционизации" производства. Многого ли современный рабочий добился бы, лишившись специалистов и организаторов, долженствующих, по Марксу, Энгельсу и Ленину, уступить свое место единственному якобы классу, который "не отрицается развитием капитализма, а есть собственный его продукт", т.е. пролетариату?

* *
*

Г. ПРОЛЕТАРИАТ, КАК САМЫЙ ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КЛАСС СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА, ДОЛЖЕН ТАК ЖЕ УНИЧТОЖИТЬ ВЛАСТЬ БУРЖУАЗИИ, КАК БУРЖУАЗИЯ УНИЧТОЖИЛА ВЛАСТЬ АРИСТОКРАТИИ. Это утверждение пронизывает марксизм со времен "Коммунистического манифеста". Однако сравнение производственной роли и судьбы буржуазии с производственной ролью и судьбой пролетариата не имеет под собой серьезного исторического обоснования.

Между буржуазией и аристократией никогда не существовало таких производственных взаимоотношений, как между буржуазией и пролетариатом. Аристократия никогда не являлась организующей и управляющей силой какого-то производства, в котором буржуазия играла бы роль исполнительницы. Свое место организатора и распорядителя машинного производства и связанного /а еще ранее и не связанного/ с ним обмена и распределения буржуазия заняла в рамках военно-административного господства аристократии. Буржуазные революции, как сравнительно мирные, так и кровавые, были по существу своему актами приведения юридического статуса буржуазии в соответствие с ее реальным производственно-функциональным статусом. Буржуазия не переняла у аристократии ее военно-административных обязанностей /их переняло государство, созданное в общих чертах абсолютизмом/, а феодальная знать никогда не выполняла обязанностей буржуазии.

Опыт 20 века наглядно доказывает: обязанности буржуазии тоже могут быть переданы государству и его аппарату, но еще ни разу не удалось передать их пролетариату /или наблюдать стихийное возникновение такой преемственности в границах капиталистического производства/.

Кризисная ситуация, которая периодически возникает

в отношениях между буржуазией и пролетариатом без вмешательства марксистских или других экстремистских партий, обычно относится к сфере распределения продукта и условий труда, а не вытекает из необходимости узаконить уже ведущую роль пролетариата в производственной сфере, как это было когда-то с буржуазией.

Обладая сплоченностью, современный объединенный в профсоюзы пролетариат может ставить перед предпринимателями свои условия и в последовательно демократических обстоятельствах выступать не только как равноправная договаривающаяся сторона, но и как могучий монополист в области предложения рабочей силы, энергично давящий на конкурирующих друг с другом предпринимателей.

Об экономическом характере собственно пролетарского, стихийно возникающего движения достаточно много пишут сами марксисты.

Маркс говорит в "Нищете философии": "Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы, но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления. Коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединенного капитала становится для них необходимей, чем охрана заработной платы... В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы грядущей битвы".

Итак, какое направление ни предсказывали бы и ни придавали бы рабочему движению коммунисты, возникает это движение с целью "охраны заработной платы". Коалиция становится главным оружием рабочих в их борьбе с распределительной инициативой предпринимателей и

принимает политический характер лишь постольку, поскольку оказываются неудовлетворенными экономико-правовые требования рабочих. Там, где забастовка является узаконенным и эффективным способом вмешательства рабочих в распределении общественного продукта, — там участие пролетариев в борьбе политической так и не принимает характера "настоящей гражданской войны"*.

Марксисты отлично понимают с самого начала, что только крайне тяжелое экономическое положение может толкнуть рабочих к политическому перевороту. Поэтому обнищание масс они считают /и вполне резонно/ главным фактором, революционизирующим капиталистическую ситуацию, а рост благосостояния пролетариата — нежелательным обстоятельством, "деморализующим" рабочих, укрепляющим позиции капитализма.

Не будем голословными: некий литератор сокрушается по поводу окончательного обезземеливания связанных с деревней рабочих, потери ими их жалких лачуг. Энгельс дает ему суровую отповедь: "И вот приходит этот плаксивый прудонист и сокрушается по поводу изгнания рабочих из их домашних очагов, видя в этом большой шаг назад, тогда как именно это изгнание и было первейшим условием их духовного освобождения"[24].

Из тех же "освободительных" соображений Энгельс приветствует обезземеливание крестьянства и высмеивает Лафарга, полагающего, "что нужно прямо-таки защищать крестьянина от фиска, ростовщиков и крупных землевладельцев. ...Но с этим мы уже согласиться никак не можем, ибо это, во-первых, глупо, а во-вторых, — и невоз-

* О забастовке в качестве инструмента монополистического шантажа со стороны профсоюзов и о последствиях беспочвенного распределительного давления последних на общество я здесь не говорю. Это особый и достаточно сложный вопрос.

можно". "Глупо" улучшать экономическое положение рабочих, "глупо" защищать от обезземеливания крестьян – глупо, ибо улучшение их экономического положения выбивает из-под марксистской доктрины ее политическое основание: зажиточные крестьяне и хорошо оплачиваемые рабочие в массе своей не революционны и не станут поддерживать марксистов в их политическом перевороте.

Богатая буржуазия шла против феодализма и абсолютной монархии, ибо они мешали ей еще более обогащаться в ходе выполнения ею ее классовых функций.

Пролетариату же должно быть **"нечего терять**, кроме своих цепей", для того, чтобы он поднялся против капиталистов. В прошлом веке и в начале этого английские и американские рабочие были обеспечены материально лучше всех остальных рабочих мира, наиболее свободны политически и поэтому, несмотря на высокое производственное развитие этих стран /т.е. вопреки исходному марксистскому прогнозу/, наименее революционны. Это вызывает постоянные нарекания Маркса и Энгельса, а затем и Ленина, которых сжигает революционное нетерпение. "Вот тут-то и сказалась американско-буржуазная манера "мягкостью убивать" нетвердых социалистов и немецкая оппортунистическая манера отказываться от социализма в угоду "мягкой, любезной и демократической" буржуазии", – пишет Ленин в 1914 году. Он искренне огорчен исходящей от его оппонентов по социал-демократии "истинно русской защитой трудовых хозяйчиков", ибо разорение мелких товаропроизводителей обостряет кризисную ситуацию. Он говорит в 1914 году об улучшении материального положения рабочих США: "С этим надо сопоставить многочисленные указания Маркса и Энгельса на примере английского рабочего движения, как промышленное "процветание" вызывает попытки купить "рабо-

чих" /I,136 "Переписка с Энгельсом"/, отвлечь их от борьбы, как это процветание вообще "деморализует рабочих" /II,218/, как "обуржуазивается" английский пролетариат – "самая буржуазная из всех наций" /английская/ "хочет, видимо, привести дело в конце концов к тому, чтобы рядом с буржуазией иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат" /II,290/; как исчезает у него "революционная энергия" /III,124/; как придется ждать более или менее долгое время "избавления английских рабочих от их кажущегося буржуазного развращения" /III,127/; как недостает английскому рабочему движению "пыла чартистов" /1866,III,305/; как английские вожди рабочих создаются по типу серединки "между радикальным буржуа и рабочим" /IV,209/; как в силу монополии Англии и пока эта монополия не лопнет "ничего не поделаешь с британскими рабочими" /IV,433/[25].

Ленин цитирует Маркса: "...деморализация рабочего класса была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель *какого угодно числа вождей*"[26]. Повторяю: тактически такое отношение марксистов к революционности пролетариата безошибочно, но оно ничего не говорит ни о способности пролетариата возглавить общество, ни о необходимости этого, ни о возможности для пролетариата выступать в такой роли.

Для того, чтобы как-то принять марксистский тезис руководящей роли пролетариата в дальнейшей истории человечества, надо забыть или опровергнуть основной первопостулат самого марксизма – утверждение им примата технологии, примата состояния и характера производительных сил над политической и экономической структурой общества. Остается предположить, что в этом вопросе марксизм совершил роковую ошибку и вынужден был

уже в своих теоретических построениях запутаться в неизбежных противоречиях, что с ним и произошло.

Тем более противоречивой должна была оказаться его историческая практика. Но, – возразят нам, – пролетарская революция все-таки состоялась и пролетарское государство построено, в чем же упрекать теорию?

Заявляет же видный советский экономист А.Бирман[27], что в СССР построено общество, в котором рабочий, в отличие от общества капиталистического, не порабощен, потому что играет огромную роль в управлении производством: "Суть дела в том, что в условиях капитализма человечество разделено на два антагонистических враждебных лагеря – господствующее меньшинство и порабощенное абсолютное большинство. Внешняя форма порабощения в результате классовой борьбы изменилась. Нынешний рабочий-машиностроитель в США или Англии не работает по 14 часов в сутки" /скажем точнее: работает 7–8 часов в сутки/, "прилично одет, может иметь собственную легковую автомашину и коттедж и все равно он порабощен. В чем же состоит его порабощение? Трудящийся подвергается эксплуатации, он не играет никакой роли в управлении производством".

В социалистических же странах рабочий /не имеющий коттеджа и легковой автомашины/, не порабощен, потому что он /по мнению А.Бирмана/ участвует в управлении производством и обществом.

Остается, казалось бы, исследовать реальную диктатуру пролетариата и посмотреть, какие преимущества принесла она рабочему классу и всему народу. Однако мы не в состоянии выполнить эту задачу: дело в том, что диктатура пролетариата принципиально не может быть осуществлена и уже по этой одной причине не была нигде ни разу построена.

Имеет место нечто совсем другое.
Что именно – это нам и следует рассмотреть.

3. СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО, ИМЕНОВАВШЕЕСЯ ДО 1960-Х Г.Г. "ДИКТАТУРОЙ ПРОЛЕТАРИАТА"

А. ЕЩЕ ОДИН ЭКСКУРС В МАРКСИСТСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ. Предоставим слово классикам: как пишет Энгельс, государство – это признание того, что "общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно"*.

Эту же мысль Ленин формулирует в следующих словах, повторяющих мысль Энгельса: "Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены /I, 1/".

В своей лекции "О государстве" Ленин говорит: "Когда появляется такая особая группа, которая только тем и занята, чтобы управлять, и которая для управления нуждается в особом аппарате принуждения, подчинения чужой воли насилию – в тюрьмах, в особых отрядах людей, войске и пр., – тогда появляется государство. ...Оно всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем, или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять. Люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над

* Цитирую по работе В.И.Ленина "Государство и революция", гл. III, раздел 1; цитаты из данного произведения снабжены в этой главе данной работы лишь указанием №№ главы и раздела.

обществом и которых называют правителями, представителями государства".

Ленин многократно выступает против утверждения, что государство – это и орудие примирения противоречивых интересов различных групп населения, и настаивает на том, что государство – только орудие угнетения одних классов общества другими. Следуя Марксу и Энгельсу, он не рассматривает различных типов государственной организации и не делает исключений ни для какого из них.

По Марксу, Энгельсу и Ленину, "чиновничество и постоянная армия, это – "паразит" на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, "затыкающий" жизненные поры /II, 2/". Совершив социалистическую революцию и возглавив общество, пролетариат создаст тем самым государство особого типа, которое тоже является злом, но злом несравненно меньшим, чем любое из государств, существовавших прежде.

Государство диктатуры пролетариата – это, по Марксу, Энгельсу и Ленину, последняя историческая форма государственного устройства общества; его цель – уничтожение классов, а когда классы исчезнут – исчезнет и государство: некого будет подавлять! У Маркса и Энгельса, у дореволюционного Ленина имеются высказывания о том, что уничтожение классовых различий не только возможное, но и сравнительно легкое и недолгое дело: "Возможен общественный строй, – пишет Энгельс в 1891 году, – в котором исчезнут современные классовые различия и в котором – быть может, после короткого, связанного с некоторыми лишениями, но во всяком случае *очень полезного в моральном отношении переходного* времени средства к жизни, средства наслаждения, совершенствования и применения всех физических и духовных способ-

ностей во все возрастающей полноте будут представлены во всеобщее распоряжение..."[28] Если Энгельс все же употребляет слова "быть может", то Ленин не сомневается в этом и вовсе. Говоря о государстве того же "переходного времени", государстве, которое должно послужить орудием построения бесклассового общества, Ленин с уверенностью сообщает читателям, что при переходе от капитализма к социализму, т.е. при построении бесклассового общества, подавление необходимо, а значит необходимо государство, однако "это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле".

Говоря о государстве "диктатуры пролетариата", Ленин употребляет выражения "почти не государство", "почти не машина", "очень простая машина", пишет слово "государство" в кавычках, наконец, называет его "простая организация вооруженных масс", подчеркивая этим, что государство диктатуры пролетариата будет существенно отличаться от всех своих предшественников, в первую очередь, тем, что будет подавлять немногих и недолго: пока уничтожит классы...

Это необычайное государство в силу своих средств и целей не может появиться на свет как результат усовершенствования прежнего государственного устройства. Даже буржуазная демократия не может трансформироваться в диктатуру пролетариата. Для того, чтобы создать пролетарское государство, необходимо сломать прежнюю государственную машину.

Говоря об этом, классики марксизма пользуются ря-

дом красочных синонимов: "уничтожить", "отсечь", "разбить", "взорвать", "не оставить камня на камне" и т.д.

"Если ты заглянешь в последнюю главу моего "Восемнадцатого брюмера", ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократическую и военную машину, как бывало до сих пор, а сломать ее, и именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции" /Карл Маркс – Кугельману,12.4.1871, цит.по III,1/, "...рабочий класс не может просто овладеть государственной машиной и пустить ее вход для своих собственных целей" /Карл Маркс, там же/. Эту мысль Ленин назвал основой учения Маркса о государстве: "...вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние режимы усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизмао государстве" /II, 2/.

Пролетариат, конечно, может сломать государственную машину самым буквальным образом: распустить или даже уничтожить всех чиновников, сжечь всю документацию и даже сровнять с землей все здания, где размещались аппараты этой машины. Но для того, чтобы эту машину не пришлось тотчас же восстанавливать, надо уничтожить ее не физически, а функционально.

По определению Норберта Винера, "строение машины или организма является показателем их способности выполнять задачу", следовательно, сохранение прежних функций потребует и сохранения старой структуры /строения/ машины. Машина представляет собой, подчеркивает Винер, не вещество, а форму строения, которая увековечивает себя.

Общественная машина отвечает этому определению в такой же мере, как техническая или биологическая.

Классики марксизма не раз говорят о том, что управление людьми при социализме "упрощается", однако не исчезает совсем, тем более во время переходного периода. По словам Ленина, "революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал при помощи старой государственной машины, а в том, чтобы он разбил эту машину и командовал при помощи новой машины" / VI, 3/.

Стало быть, без машины управления обойтись нельзя, и вопрос лишь в том, каковы будут ее функции, чем они будут отличаться от функции прежней машины и совместимо ли их выполнение с производственной деятельностью пролетариата.

Итак, что же такое "очень простая машина", "почти не машина", "простая организация вооруженных масс"?

Ближайшие продолжатели дела Ленина в первое шестилетие после его смерти неслучайно не на живот, а на смерть передрались, решая, кто же из них в вопросе об организации государства "диктатуры пролетариата" последовательней других представляет Ленина: каждый из них, ссылаясь на соответствующие его высказывания, формально был прав, ибо у Ленина имеются по этому поводу весьма разноречивые "руководящие указания".

В "Государстве и революции" Ленин пишет, что "переход от капитализма к социализму невозможен без известного "возврата" к "примитивному" демократизму /ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?/" /III, 2/. И ниже /VI, 3/: "При социализме многое из "примитивной" демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованного общества масса населения поднимается до самостоятельного участия не толь-

ко в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении. При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял". Все дело, следовательно, в привычке быть управляемыми, а не в каких-то фундаментальных причинах, не позволяющих обойтись без профессионального управления?

В той же главе мы читаем, что "социализм сократит рабочий день, поднимет массы к новой жизни, поставит большинство населения в условия, позволяющие всем без изъятия выполнять "государственные функции". Иронически кавычки вокруг "государственных функций" выразительно передают отношение Ленина к этому бюрократическому излишеству. Там же сказано, что необходимо бороться за то, чтобы "сам вооруженный пролетариат был правительством".

Переиздавая в 1918 году свою книгу, Ленин не мог уже питать никаких иллюзий относительно того, насколько ему и его соратникам удается избавиться от "государственных функций", передав их "самому вооруженному пролетариату". Тем не менее, создавая и укрепляя самое централизованное и самое диктаторское, по крайней мере, в новой истории правительство, Ленин на словах не изменяет классическим марксистским рецептам, чем и превращает все то, что у Маркса и Энгельса /и у него самого до ноября 1917 года/ могло быть заблуждением, в бесцеремонную ложь.

Даже в 1918 году, в статье "Очередные задачи советской власти", Ленин выделяет в качестве главного принципа социалистического самоуправления следующее требование: "бесплатное выполнение государственных обязанностей каждым трудящимся, по отбытию восьмичасового "урока" производительной работы; переход этот

особенно труден, но только в этом залог окончательного упрочения социализма".

В известной статье "О двоевластии" (1917 год) он следующим образом характеризует пролетарскую власть: "Это – революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин революционных масс снизу, а не на закон, изданный централизованной государственной властью".

Только ее хроническое опьянение словами: "революционный", "революционных масс", "снизу" и т. п. – позволило российской либерально-демократической интеллигенции не видеть, не понимать, чем чревата государственная доктрина Ленина.

"Эта власть – власть того же типа, какого была Парижская коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти – не закон, предварительно обсужденный и утвержденный парламентом*, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой "захват", употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отдельных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют сами вооруженные рабочие и крестьяне, сам вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в сменяемых по

* Это подчеркивание ненужности предварительного обсуждения и утверждения законов парламентом в России, готовящейся к созыву выстраданного двумя столетиями борьбы Учредительного собрания, было для Ленина очень важным: после созыва и начала работы Собрания большевикам гораздо труднее стало бы свергнуть "временных".

первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной оплатой "местечек" превращаются в рабочих особого "рода оружия", оплачиваемых не выше обычной платы хорошего рабочего".

Интересно еще одно высказывание Ленина о ликвидации разделения труда в области управления государством после социалистической революции: при социализме, по его словам, могут остаться соответствующие "министерства", или "комиссии", или какие-то специальные учреждения, но это не означает сохранения парламентаризма, ибо при социализме "парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов здесь нет. "И Ленин опять цитирует Маркса... (III, 2).

Ожидая в ближайшем будущем мировой или, по меньшей мере, международной революции, классики марксизма чаще всего полагали, что военная функция "диктатуры пролетариата" ограничится "экспроприацией экспроприаторов". Однако в их некоторых работах рассматривается и перспектива существования коммунистического общества в окружении некоммунистических государств /так что несправедливо обвинять Ленина или Сталина в искажении позиции классиков/. Стилистика марксистских прогнозов, уверенно изображающая желаемое как неизбежное и предполагаемое как доказанное, хорошо представлена "Эльберфельдскими речами" Энгельса: "В коммунистическом обществе никто не станет и думать о постоянном войске. Да и зачем? Для охраны внутреннего

спокойствия? Но мы уже видели /??? – Д.Ш./, что никому и в голову не придет нарушать это внутреннее спокойствие*. Для захватнической войны? Но как может коммунистическое общество дойти до того, чтобы предпринять захватническую войну? Для оборонительной войны? Для этого оно не нуждается в постоянной армии, так как легко будет выучить каждого годного для войны члена общества, наряду с его другими занятиями, владеть оружием настолько, насколько это необходимо для защиты страны, а не для парадов. И примите еще при этом во внимание, что член такого общества в случае войны, которая, конечно, может вестись только против некоммунистических наций**, должен защищать действительное отечество, действительный очаг, что он, следовательно, будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, перед которой должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии".

И доказательно, и серьезно, а главное – подтверждается опытом последующих 130-ти лет... Не отсюда ли ведет свою родословную "бумажный тигр" маоистской пропаганды?

Б. ПРАКТИКА. Сохраняя в своих квазитеоретических /у Ленина, вопреки господствующему убеждению, теоретических работ, не приносящих честное развитие мысли в жертву политической цели, нет/ послереволюционных ра-

* Еще бы: ведь всем будет хорошо – вот основа оптимизма Энгельса. Но /по ряду рассмотренных во II части причин/ всем будет плохо. И поэтому "внутреннее спокойствие" окажется достижимым только за счет принуждения и управляющей лжи. Таков путь всех утопий, насилуемых ради воплощения в жизнь невоплотимого идеала.

** "Против некоммунистических наций" все-таки, значит, можно вести захватническую войну?

ботах часть прежних формулировок, определяющих функции диктатуры пролетариата, Ленин сразу же начинает предъявлять социалистической государственности четкие требования: "Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока этот конец наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен". /Этот тезис имеет прямое отношение к ленинской политике "мирного сосуществования" и ничем от последующих советских трактовок ее не отличается/. "Это значит, что господствующий класс пролетариат, если только он хочет и будет господствовать, должен доказать это своей военной организацией". Речь идет об укреплении армии, которую следовало, согласно ленинским требованиям февраля – октября 1917 года, уничтожить и превратить ее во всенародную милицию еще до победы пролетариата, при Временном революционном правительстве[29]. Ничто не указывает также на упрощение управления людьми внутри государства, в гражданской жизни: к прежним обязанностям государства прибавилось управление тотально централизованной экономикой, небывалый доселе контроль над идеологией, насильственное насаждение всеобъемлющего единообразия в духовной, политической, хозяйственной жизни.

В конспекте к брошюре "Диктатура пролетариата"[30] Ленин писал: "Государство – лишь орудие пролетариата в его классовой борьбе, особая дубинка и ничего больше"...

Допустим, что кто-то нуждается в таком государстве и жаждет жить под пролетарской дубинкой. Но для того,

чтобы пользоваться дубинкой, надо иметь свободные руки, а руки рабочих заняты непосредственным деланием вещей на фабриках и заводах, на транспорте и в добывающей промышленности.

Поневоле /как это предусматривали и с блестящей убедительностью описали прозорливые оппоненты Маркса и Энгельса еще в 19 веке/ рабочие будут вынуждены освободить от работы по их пролетарской специальности какую-то часть своих лучших коллег по классу, чтобы вручить им эту дубинку и уполномочить ею орудовать. Как же иначе найти для дубинки руки?..

"Дубинка" – это, по-видимому, органы государственного насилия, принуждения, охраны, контроля и безопасности. Но ведь современное государство – это не только перечисленные инструменты последнего: это еще и огромное / в разбираемом случае – национализированное/ хозяйство, это наука, это школа /от начальной до высшей/, это пресса – короче говоря, это колоссальнейшие объемы информации различных родов и видов, которую кто-то должен вырабатывать, передавать исполнителям, корректировать и контролировать при ее воплощении в жизнь.

Каутский в свое время робко выражал сомнение в том, что рабочий класс способен руководить государством иначе как через партию.

Ленин возмущенно ему возражал: "Совершенно неверно, что не может управлять **класс**: такой вздор мог сказать только "парламентский кретин", ничего не видящий, кроме буржуазного парламента, ничего не замечающий, кроме "правящих партий". Любая европейская страна покажет Каутскому примеры управления ее господствующим **классом**, например, помещиками в средние века; несмотря на их недостаточную организованность"[31].

Неужели от Ленина ускользает различие между рабо-

чим классом и "помещиками в средние века"? Аристократия, феодальная в т.ч., – класс правящий, ничем, кроме военного дела и власти, не занятый, – класс, в исполнении этих обязанностей возникший.

Рабочий класс – класс исполнительный, занятый не военным делом, не управлением, не контролем, а своей работой, поглощающей все его время, все силы. Можно ли принимать всерьез выполнение им "государственных" функций после восьмичасового ежедневного производственного труда?

Не проходит и трех лет после категорической отповеди Ленина Каутскому, и Ленин повторяет суждение последнего в гораздо более резкой форме, не попросив, разумеется извинения за "парламентского кретина": "Мы после двух с половиной лет советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коминтерне, что диктатура пролетариата *невозможна иначе как через коммунистическую партию.* Без этого диктатура пролетариата неосуществима"[32]. "...вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все направляет, назначает и строит по одному принципу, чтобы связанные с пролетариатом коммунистические элементы могли пропитать пролетариат своим духом, *подчинить его себе,* освободить его от того буржуазного обмана, который мы так долго стараемся изжить"[33].

"При переходе к социализму неизбежна диктатура пролетариата, но *поголовной организацией промышленных рабочих не осуществится эта диктатура.* ... Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата. ...Но диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя... Диктатуру

может осуществить только тот авангард, который впитал в себя революционную энергию класса"[34].

Можно процитировать статистическую выборку социального происхождения той малочисленной активной верхушки "авангарда пролетариата", которая решала в ленинские времена судьбы России /и мира/, но какое это имеет значение? Правители – это уже не рабочие. Вот в чем суть.

Итак, может или не может, по Ленину, пролетариат управлять государством? Если в последовательно демократических государствах можно говорить об активном участии профессиональных союзов в распределении и в улучшении условий труда, в конкурентной борьбе на выборах и т.п., то в государстве "диктатуры пролетариата" профсоюзы были при Ленине превращены в один из многочисленных инструментов воздействия государства на массы и стали, по образному выражению Ленина, лишь "приводными ремнями" от партийно-государственной власти к массам. Мистическая связь посредством таинственной "революционной энергии" ничего не имеет общего с действительным распределением социальных обязанностей и социальной инициативы, с общественным разделением труда.

Авангардом /наиболее влиятельной и профессионально компетентной его частью/ рабочего класса могут быть рабочие высокой квалификации, ведущие мастера своего дела, наиболее культурные, социально активные, уважаемые люди этого класса, а не профессиональная военная, политическая и государственно-административная бюрократия, из какой среды она бы ни вышла.

Возникает вопрос и о том, почему диктатура пролетариата – благо для общества, а диктатура любого другого класса – зло?

Гипотетическую диктатуру пролетариата /по собственному признанию Ленина, – власть, "не связанную никакими законами и опирающуюся только на насилие"/ марксисты оправдывали тем, что в развитых капиталистических странах с пролетарским большинством населения эта диктатура будет насилием "справедливым", "хорошим" – **насилием праведного большинства народа над его неправедним эксплоататорским меньшинством.**

Примем на некоторое время этот категорически неприемлемый тезис, утверждающий право большинства народа насиловать неуголовное меньшинство населения. Но и после принятия этого тезиса диктатура пролетариата не была бы для России торжеством справедливости /даже марксистской/.

По советским данным, состав населения в 1916 году был примерно таков: крестьянство – 66.7%; буржуазия и помещики – 16.3%; рабочие, служащие и деятели умственного труда, вместе взятые, – 17%. На 11 и других съездах РКП/б/ начала 1920-х г.г. приводится цифра, свидетельствующая, что промышленные рабочие составляли в этот период 2 – 3% населения России /со всеми ее сохраненными с царских времен колониями/. Значит, даже в том случае, если бы российскому пролетариату чудом удалось бы всему поголовно, не переставая быть при этом рабочим классом, сорганизоваться в класс правящий, его диктатура была бы насилием меньшинства народа над его подавленным большинством. Она являлась бы таким насилием в большей степени, чем власть помещиков и капиталистов. Большевики же в 1917 году сражались даже не против самодержавия, а против сверхмягкой демократии Временного правительства.

О несовпадении интересов большевиков с интересами колоссального большинства российского населения –

крестьянства – Ленин говорил неоднократно и с достаточной определенностью. Обычно он говорил об этом несовпадении в работах, считающихся теоретическими и установочными, адресованных коллегам по партии. О тождестве же интересов крестьян и большевиков он говорил как правило в лозунговых, тактических выступлениях, параллельно опровергая эту свою пропагандистскую демагогию в документах, написанных для посвященных. Я не занимаюсь здесь текстологическим исследованием наследия Ленина, но приведу несколько его высказываний о взаимоотношениях между его партией /"пролетариатом"/ и крестьянским большинством дореволюционной России: "Интересы пролетариата не совпадают с интересами крестьянства и мелкой буржуазии"[35]. "...наступит время – кончится борьба с русским самодержавием – минет для России эпоха демократической революции – тогда смешно будет говорить о "единстве воли пролетариата и крестьянства"[36]. "Мы сначала поддерживаем до конца, всеми мерами, до конфискации, – крестьянина вообще против помещика, а потом мы поддерживаем пролетариат *против крестьянина вообще*"[37].

Когда мы читаем эти и подобные высказывания Ленина, мы как-то забываем о действительности, вставшей позднее за осуществленными акциями обмана и предательства интересов крестьянства, сначало умело и своевременно спровоцированного на борьбу против едва народившейся демократии, а затем побежденного и уничтоженного в войне коммунистического государства "против крестьянина вообще". Но это не оговорки, а продуманная и неизбежная для государственной диктатуры, узурпирующей всю социальную инициативу, тактика! Восходит она к аграрным работам Маркса и Энгельса, а не изобретена Лениным. Начав с мечты о самоуправлении

"ассоциированных производителей", уничтоживших в обществе все, тяготеющее к частной собственности – этому, как думалось, истоку всех бед, Ленин так рисует в конце своей жизни схему однопартийной государственной диктатуры: "Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит Коммунистическая партия большевиков. ...Партией, собирающей ежегодные съезды, руководит выбранный на съезде центральный комитет из 19 человек, причем всю текущую работу в Москве приходится вести еще более узким комиссиям, а именно так называемым "Оргбюро" и "Политбюро", которые избираются на пленарных заседаниях ЦК в составе 5-ти человек в каждом бюро. Выходит, следовательно, самая настоящая "олигархия". Ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением нашей республики без руководящих указаний ЦК партии"[38].

Иронические кавычки вокруг слова "олигархия" вроде бы здесь ни к чему. При Ленине это еще была очень узкая, но олигархия*. Поставив перед собой задачу утопической архаизации /т.е. примитивной демократизации/ управления современными производительными силами, марксисты приходят, и неизбежно, к прямо противоположному результату – к предельной абсолютизации /централизации/ этого управления. Вместо неосуществимой диктатуры пролетариата возникла вполне реальная диктатура руководящего меньшинства компартии, иногда доходящая до своего естественного предела – до диктатуры одного лица.

* В начале 1980-х г.г. это тоже, по-видимому, узкая олигархия. При Сталине иерархический конус власти был не усеченным, а полным.

Выше была приведена гипотетическая схема распределения обязанностей при диктатуре пролетариата /схема №2/. Воплотить эту схему в жизнь оказалось немыслимым. На деле распределение основных социальных обязанностей при возникшей вместо диктатуры пролетариата диктатуре верхушки компартии приближается к следующей схеме:

СХЕМА № 5

ЭТАПЫ	ЗАДАЧИ		
	1	2	3
I	Партократическая диктатура и подвластные ей специалисты		
II	Рабочие, колхозники, работники сферы обслуживания и др. исп.	Государственная армия и органы безопасности	Государственный бюрократический аппарат.

По сравнению с капиталистическим обществом, число лиц /групп/, вырабатывающих управляющую информацию, здесь резко падает. В работах Маркса и некоторых других ученых есть понятие "староазиатская, или кастовая, деспотия". По мнению специалистов, в условиях кастовой деспотии между государством и подчиненным ему обществом, состоящим из крестьян-общинников, ремесленников, купцов и возникающих групп и лиц свободных профессий /жреческую касту советские историки относят обычно к государству – в качестве его идеологической армии/, нет никаких "промежуточных" эксплоататорских классов: таковым является само государство.

Социализм /диктатура компартии/ удивительно напо-

минает эту формацию — в том ее виде, в каком она представлена Марксом. Вполне вероятно, что на заре возникновения государственности, при отсутствии формационного /производственного/ рабовладения и при несуверенной аристократии, слитой с верхушками всех государственных аппаратов, общество могло чем-то напоминать коммунистическую диктатуру, уничтожившую в своих владениях все суверенные, социально инициативные группы и слои, взявшую на себя их обязанности и подчинившую себе всех и все.

Весьма примечательно, что Сталин, в своих работах всегда следовавший Марксовой схеме социально-экономических формаций, категорически запретил вводить в эту схему /в учебниках и исследовательских работах/ Марксову "староазиатскую деспотию". Первые упоминания о ней появляются в печати после его смерти, а в 1960-х годах в СССР возникает широкая научная дискуссия, посвященная кастовой деспотии. В 1967 году выходит специальный сборник, посвященный этой формации. Подозреваю, что и антипатия к ней Сталина, и интерес к ней советских ученых вызваны упомянутым выше сходством.

4. ГДЕ ВПЕРВЫЕ ПОБЕДИТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

В этом вопросе не менее наглядно, чем в вопросе о диктатуре пролетариата, проявляется непоследовательность марксистской литературной и политической логики. Мы говорим сейчас не о той железной тактической последовательности, которая обеспечила Ленину его удивительную победу в России, а Сталину помогла сохранить созданную его предшественником структуру. Мы говорим о

логической строгости, о последовательности размышления и о принципиальности поведения, из этого размышления вытекающего. Мы говорим об интеллектуальной честности, не позволяющей сторонникам какой-то доктрины отказываться от своего предыдущего утверждения без серьезной аргументации причин отказа. Маркс и Энгельс утверждали, что "соединение усилий, по крайней мере, цивилизованных стран есть одно из первых условий освобождения пролетариата"[39].

Это утверждение естественно для марксизма, первоначально считавшего, что социалистическое общество будет безгосударственным, чего при сохранении современных международных антагонизмов заведомо невозможно добиться.

Ленин писал в 1914 году: "Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого обжещития, когда законные потребности и прогрессивные стремления масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве, при условии уничтожения современных национальных перегородок"[40]. В самый канун революции, в 1916 году, Ленин пишет: "Для социализма созрели лишь передовые страны Запада и Северной Америки. ... Социализм осуществят объединенными усилиями пролетарии не всех, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития передового капитализма. ...В этих передовых странах /Англия, Франция, Германия и пр./ национальный вопрос уже давно решен, национальная общность давно изжила себя, "общенациональных задач" объективно нет. Поэтому только в этих странах возможно теперь же "взорвать" национальную общность, установить общность классовую"[41]. Для марксиста приведенный выше взгляд естественен: если социализм есть

следующая за развитым капитализмом /и более продуктивная, чем последний/ формация, то следует ждать, что он победит в развитых капиталистических странах, а не где-нибудь в Африке. Когда стало ясно, что победа большевиков в России надолго останется единственной политической победой марксистов в масштабе целого государства, идею победы пролетариата в развитых капиталистических странах пришлось волей-неволей дополнить идеей "прорыва слабого звена" в "цепи" мирового империализма. Тот факт, что на этом участке "цепи" есть только кризисная ситуация /тяжелое положение масс, разложение власти, тупое упрямство охранителей, авантюризм радикалов и пр./ и нет никаких технологических предпосылок перехода к высшему, чем капитализм (?), способу производства /нет даже пролетарского большинства в стране/, большевиков не смущает, хотя и лишает собственной логики всю их теоретическую конструкцию. Зато такая трактовка /"слабое звено" и т.д./ приближает марксистскую концепцию к жизненной практике: кризисная ситуация куда вероятней в отсталых странах, чем в передовых, и, следовательно, там вероятнее любой политический переворот, в т.ч. и коммунистический.

Сначала прорыв "слабого звена" воспринимается Лениным и его сторонниками только как толчок, начальный импульс мировой революции, на который немедленно отзовутся развитые страны: "Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма". Насколько мы можем судить, развитие различных культурных ареалов и этносов не отличалось "равномерностью" ни в какие эпохи. Но продолжим цитату: "Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране". Сразу же возникает вопрос: "социализма"

или социалистической /коммунистической/ партии? Второе возможно, безусловно, "даже в одной, отдельно взятой стране".

Но социализм марксистской классической литературы – образование бесклассовое и безгосударственное, без армии и органов государственной безопасности – "в одной, отдельно взятой стране" победить не может. Ленин об этом не раз писал, вслед за Марксом и Энгельсом. Он и не говорит здесь о стабильном существовании социализма в одной стране. Он говорит: "Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав у себя капиталистов и организовав у себя социалистическое производство (?), встал бы **против** остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая против эксплоататорских классов и их государств"[42]. Поскольку в большинстве марксистских работ все менее акцентируется, что именно считать "социалистическим государством" /словосочетание для теоретиков безгосударственного и бесклассового социализма бессмысленное/ и "социалистическим производством", то на первый план выступает победа партии, намеренной строить социализм, сначала в одной стране, а потом, после победы в мировой революционной войне, и во всем мире.

В 1918 – 1923 годах Ленин уже совершенно определенно защищает идею возможности создания материально-технических предпосылок социализма после политической победы коммунистов в отсталой стране. Намереваясь сознательно создавать материально-технологические предпосылки формации после политического ее узаконения марксисты опять изменяют – в первую очередь – логике собственного учения, передвигая предпосылки общественного развития из области "базиса" в область "над-

стройки", т.е. в область партийного мировоззрения. Это шаг теоретически недобросовестный, но он чрезвычайно расширяет поле деятельности большевиков и возможность их прихода к власти.

Постепенно первоначальная логика, построенная на ошибочных постулатах, но внутренне целостная, забывается. Становятся широко распространенными "научные" инсинуации такого типа: в Китае было к началу маоистской "пролетарской" революции более 80% крестьян и менее 3,5% рабочих. Значительная часть китайских либеральных интеллигентов полагала, что необходимо отказаться от бесплодного и бесперспективного увлечения марксизмом и заняться предпринимательской и просветительной деятельностью, совмещенной с борьбой за демократизацию общественных отношений — в западном, а не в большевистском понимании слова.

Советский ученый, критикуя и отвергая эту позицию, самым забавным образом констатирует ее обоснованность: "Поскольку в статьях Лян Ци-Чао и Чжан Дунь-Суня содержались правильные мысли о неразвитости и незрелости национальной экономики, об отсутствии в Китае материальных предпосылок для построения социализма, опровержение (?) их взглядов стало серьезной и важной задачей (?) первых китайских социалистов, овладевших в те годы учением Карла Маркса (!)"[43]. На первый взгляд, малограмотно до комизма: опровержение "правильных мыслей" выступает в качестве "серьезной и важной задачи"...

Однако мы цитировали выше высказывание Энгельса об обратном воздействии политической власти на экономику и о праве пролетариата не выжидать с установлением своей диктатуры до тех пор, пока сложатся экономические, материально-технологические ее предпосылки, а,

установив свою власть, "строить" такие предпосылки "сознательно". Вспомним, что, видя в пролетариате единственно-перспективную силу прогресса, основоположники в качестве одного из главных своих аргументов выдвигали еще в "Манифесте" угнетенность, обнищание, бесправие, культурную и социальную деградацию пролетариата в условиях капитализма. Позиция китайских продолжателей Маркса в соотнесении с вышесказанным не кажется чересчур непоследовательной: "По отношению к странам Европы и Америки вся китайская нация находится в положении пролетариата"[44], – так аргументирует современный китайский марксист Чень Ду-сю необходимость и право приоритета Китая в мировом коммунистическом движении и в мировой политике.

Разумеется, что страны, находящиеся, по ряду причин, в остро критических и нелегко разрешимых ситуациях, должны тяготеть к такому обоснованию права народов "третьего мира" на гегемонию – как в лице всякого рода рвущихся к власти экстремистских групп, так и в необеспеченных слоях народа. Голоса благоразумия в таких обстоятельствах легко подавляются псевдодемократической демагогией и безответственными обещаниями.

ВЫВОДЫ

Есть такое шутливое философское четверостишие:

На свете все быть может,
Что только может быть.
Того лишь быть не может,
Чего не может быть.

Диктатуры пролетариата не может быть, поэтому она и не получается ни у кого из ее строителей. Партократия уже есть, и она должна как-то обосновать свою легитим-

ность с позиций "единственно верной", "единственно научной", "единственно конструктивной" доктрины, с помощью которой коммунисты оказались у власти. Поэтому теоретики партократии берут то, что у них – вместо диктатуры пролетариата и бесклассового общества – получилось, и пытаются подогнать это "нечто" под догматы своей исходной доктрины.

Логика в таком поведении есть, но логика чисто политическая, а не научная.

Первоначально литературная схема марксизма в части построения нового мира выглядела примерно так:

а/ рост производительных сил при капитализме позволяет уничтожить все классообразующие разделения общественного труда /уже в середине 19 века/. Управление обществом и его производством можно сделать: 1/ совмещенным с непосредственно-производительной деятельностью, 2/ безгосударственным, 3/ лишенным социальных антагонизмов: для этого есть все технологические предпосылки;

б/ осуществить переход к бесклассовому самоуправлению "ассоциированных производителей" должен пролетариат /по каким причинам – мы излагали/;

в/ первоначально такая революция произойдет в наиболее развитых экономически и политически передовых капиталистических странах, которые распространят ее на отсталые страны;

г/ уничтожение классов невозможно без уничтожения государства и его политических институтов, поэтому окончательная победа пролетариата возможна только в международных масштабах;

д/ весь период всемирного установления социализма общество будет возглавлять диктатура пролетариата – непосредственная власть рабочего класса, поголовно, в ка-

честве большинства населения бывших капиталистических стран, организованного в господствующий класс;

е/ по мере выполнения ею задачи построения всемирного бесклассового социалистического общества, диктатура пролетариата будет отмирать и уступать свое место безгосударственному самоуправлению "ассоциированных производителей".

Поскольку /не касаясь других причин/ была ошибочной уже первая предпосылка социалистической революции /см. п. "а"/, то и весь ряд оказался заведомо нереальным.

Каждое из приведенных положений эволюционировало, приспосабливаясь к политической действительности и интересам коммунистической однопартийной власти, и учение в его современной редакции гласит примерно следующее:

А/ безгосударственное самоуправление общества отодвигается в неопределенно далекую область коммунистического будущего;

Б/ социалистическая революция сведена к национализации средств производства однопартийной коммунистической государственной властью, которая уже после своей победы построит материальные предпосылки социализма, что дает основание для такой революции на любом уровне общественного развития;

В/ мировая коммунистическая революция может пройти сквозь этап построения коммунизма в одной стране, но не завершается таковым. Для обоснования этого тезиса придумано много определений: "полная", "неполная", "окончательная" и т.д. победа коммунизма – нет смысла разбираться в этой схоластике. Но неизменно находится в поле внимания тезис единства мировых коммунистических сил с центром /интерпретация КПСС и ее сателлитов/

в Кремле. Этот тезис энергично эксплоатируется при любой тактико-политической необходимости. Им оправдывается советская агрессивность, советская экспансия, вмешательство КПСС в чужие дела и т.п.;

На деле мировая экспансия коммунизма не прекращается с 1918 года и распространяется на все части света.

Г/ диктатура пролетариата не может осуществиться иначе, как через партию, организованную строжайше централистски;

Д/ путь к "отмиранию государства" лежит через его усиление; поэтому диктатура пролетариата переходит, при своем отмирании, не в безгосударственное и бесклассовое самоуправление производителей, а во "всенародное" государство с гегемонией все той же коммунистической партии.

Нетрудно заметить, что второй ряд тезисов является не чем иным, как перефразированной констатацией фактов.

Итак, марксизм в его теоретической части, которая связана с уничтожением классов /непонятно почему, объявленных первоосновным и безусловным злом, как, впрочем, и частная собственность, и государственность/, демонстрирует следующие ошибки:

1/ марксисты ошиблись, полагая, что "первая промышленная революция" позволяет уничтожить все классообразующие разделения общественного труда /чего не позволяет и научно-техническая эволюция 20 века/;

2/ они ошиблись, полагая, что промышленное и научно-техническое развитие 19 и 20 веков приводит к упрощению управления производством и обществом, к уменьшению роли управления в социальных процессах, в т.ч. в производстве;

3/ марксисты необоснованно приписали пролетариату мессианскую функцию в построении новых производст-

венных отношений, неправильно констатировали потенции пролетариата как класса;
4/ марксисты неправильно отождествили коммунистическую партию с "авангардом пролетариата", принимая /или выдавая/ одно из течений радикальной политической мысли последних 130 лет за идеологию рабочего класса;
5/ они молчаливо "забыли" собственные постулаты, кладущие в основание "общественных бессознательно-упорядоченных процессов" /Маркс/ факторы прежде всего фундаментально-технологические, а не идеологические.

Опыт человечества доказывает, что идеология, воля и другие нематериальные факторы, действительно, ложатся в основу мощных социальных процессов.

В определенных условиях политически возможно завоевание власти носителями любой злободневной программы, обладающей достаточным демагогическим, провокационным или заманчиво "конструктивным" потенциалом. Однако некоторые реальные связи и качества преобразуемого общества всегда "прижимают" к себе и перестраивают по себе, по своим возможностям, исходную программу преобразователей. Можно уничтожить самые продуктивные потенции общества, можно не дать ему совершить того, что оно могло бы совершить в других обстоятельствах, но нельзя построить того и создать то, чего это общество, по ряду фундаментальных причин, не может осуществить, не имеет из чего построить. Иначе говоря, разрушить, поработить, изуродовать, привести к увеличению энтропии в его пределах можно многое. Но нельзя построить /"создать"/, "задействовать" то, что отрицается законами природы, элементами коей являются и ведущие, и ведомые.

Ничего, кроме уродливой, жестокой и угрожающей пародии на свой замысел, марксизм не создал.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1 Изд. "Прогресс", М., 1966.

2 Энгельс Ф. К жилищному вопросу. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I, стр. 504–587. ИМЭЛ, М., 1948.

3 Энгельс Ф. О политическом действии рабочего класса. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. II, т. 17, стр. 417–418. Госполитиздат, М, 1955.

4 Ленин В. И. Проект и объяснение программы социал-демократической партии. Соч., изд. IV, т. 5, стр. 11–17.

5 Там же.

6 Энгельс Ф. Крестьянский вопрос во Франции и Германии. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I, стр. 401–421. ИМЭЛ, М., 1948.

7 Ленин В. И. По поводу "Profession de foi". Соч., изд. IV, т. 4, стр. 263.

8 Ленин В. И. Государство и революция, гл. II, п. 3, ПСС, т. 33, стр. 33–35.

9 Там же, гл. II, п. 2, стр. 27–33.

10 Там же, гл. II, п. 3, стр. 33–35.

11 Ленин В. И. Тезисы ко II конгрессу коммунистического интернационала. ПСС, т. 47, стр. 191.

12 Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. Соч., изд. IV, т. 13, стр. 59–77.

13 Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. II, стр. 83–145. ИМЭЛ, М., 1952.

14 Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Там же, т. I, стр. 1–39.

15 Ленин В. И. Великий почин. Соч., изд. IV, т. 29, стр. 377–400.

16 Там же.

17 "Вопросы философии" 1969, № 1.

18 Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. II, т. 2, стр. 231–517. Госполитиздат, М.,1955.

19 Маркс К. Капитал, т. I.

20 Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. II, т.2, стр. 3–230. Госполитиздат, М., 1955.

21 Сб. "Капитализм против человечества", М., 1963.

[22] Акад. Трапезников В. К. Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. "Автоматика и телемеханика" 1969, № 1; "Наука и жизнь" 1969, № 1.
[23] Винер Н. Я – математик. Изд. "Наука", М., 1964.
[24] Энгельс Ф. К жилищному вопросу. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I, стр. 504–587. ИМЭЛ, М., 1948.
[25] Ленин В. И. Карл Маркс (ссылки принадлежат Ленину). ПСС, т. 26, стр. 43–93.
[26] Ленин В. И. Предисловие к русскому переводу писем Карла Маркса, 1907 г. ПСС, т. 14, стр. 371–379.
[27] Бирман А. Суть реформы. "Новый мир", 1963, № 12.
[28] Энгельс Ф. Введение к циклу статей Маркса К. Наемный труд и капитал. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I, стр. 44–52. ИМЭЛ, М., 1948.
[29] Ленин В. И. Выступления на VIII съезде РКП (б) 18–23 марта 1919 г. Соч., изд. IV, т. 29, стр. 121–197.
[30] Ленин В. И. О диктатуре пролетариата. Соч., изд. IV, т. 30, стр. 76.
[31] Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч., изд. IV, т. 28, стр. 207–302.
[32] Ленин В. И. Заключительное слово по отчету ЦК РКП (б). 9 марта 1921 г., X съезд РКП (б). ПСС, т. 43, стр. 42.
[33] Ленин В. И. Речь на Всесоюзном совещании политпросветов 2 ноября 1920 г. ПСС, т. 41, стр. 402–403.
[34] Ленин В. И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого. ПСС, т. 42, стр. 202–203.
[35] Ленин В. И. Доклад об участии социал-демократии во временном революционном правительстве (III съезд РСДРП). ПСС, т. 10, стр. 128.
[36] Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. ПСС, т. 11, стр. 1–131.
[37] Там же.
[38] Ленин В. И. Детская болезнь "левизны" в коммунизме. ПСС, т. 41, стр. 30–32.
[39] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т. I, стр. 1–39. ИМЭЛ, М., 1948.

[40] Ленин В. И. Положение и задачи социалистического интернационала. Соч., изд. IV, т. 21, стр. 19–24.

[41] Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об "империалистическом экономизме". Соч., изд. IV, т. 23, стр. 16–64.

[42] Ленин В. И. О лозунге Соединенных штатов Европы. ПСС, т. 26, стр. 354–355.

[43] "Вопросы философии", 1969, № 1, стр. 93–94 (Знаки в скобках – Д.Ш.).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ*

"Просто, как все великое"...
/Ленин об учении Маркса/.

Итак, диктатура пролетариата оказалась утопией и в ходе коммунистического эксперимента была заменена однопартийной государственной диктатурой /партократией**/.

В конце концов, это ли важно? Важно понять, насколько полно то, что было построено, способно удовлетворить материальные и духовные нужды общества. Важнее всего здесь не качества какой-то конкретной коммунистической однопартийной диктатуры, например, советской или китайской, а принципиальные возможности нового способа производства и общественной организации – его возможности в идеальном, наиболее благоприятном случае.

Поэтому важно рассмотреть идеализированный вариант нового строя, посмотреть, как представляла себе его экономические основы теория, лежащая в основе эксперимента, и потом уже обратиться к практике, повторив ход рассуждений предыдущей части, но уже в применении к экономике, а не к политическому и административному управлению.

* Некоторые разделы этой части опубликованы в статье Bureaucratic Utopia, "Crossroads" №4, 1979.

** Термин А. Авторханова.

1. ПОЧЕМУ КАПИТАЛИЗМ СЛЕДУЕТ ЗАМЕНИТЬ ДРУГИМ СПОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВА.

"Манифест Коммунистической партии" [1] так характеризует паразитический, нетрудовой, эксплоататорский класс буржуазии: "Буржуазия сыграла в истории человечества чрезвычайно революционную роль".

"Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть и всей совокупности общественных отношений".

"Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву...

На смену местному и национальному самодовлению и замкнутости приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более невозможными и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература".

"Дешевые цены ее товаров – вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам." "Буржуазия подчинила деревню господству города... и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма деревенской

жизни*. Так же, как деревню она сделала зависимой от города, так варварские и полуварварские страны она поставила в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы – от буржуазных народов, Восток – от Запада".

Все это говорится в похвалу буржуазии, и перечисленные процессы здесь представлены как бесспорные феномены прогресса, как заслуги буржуазии.

"Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем за все предшествовавшие поколения, вместе взятые", – поколения, "даже неспособные подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда".

Похвалам по адресу буржуазии противопоставлены в "Манифесте" разоблачения, которые начинаются преимущественно союзом "но"; суммируя основные "но", мы получим примерно такую картину: но, создав столь могущественные производительные силы, буржуазия уже к середине 19 столетия оказалась не в состоянии ими руководить. С одной стороны, она перестала быть необходимой общественному производству в качестве его организатора /технически мыслимо обойтись без ее услуг/, а значит, превратилась в чистого паразита; с другой – она "неспособна обеспечить своему рабу даже рабского существования, потому что вынуждена дать ему опуститься до такого уровня, когда она сама должна кормить его вместо того, чтобы кормиться за его счет". Кризисы перепроизводства, периодически сотрясающие общество, заставляют буржуазию то уничтожать колоссальные избытки товаров

* "Идиотизм деревенской жизни" – роковая ложная формула, которая выросла в программу партократии.

/тогда как неплатежеспособная часть общества остро нуждается в них/, то завоевывать новые рынки и снова расширять их с тем, чтобы следующий кризис был еще грандиознее. Теряя контроль над хаотически эксплоатируемыми силами, вызванными ею к жизни, буржуазия "производит прежде всего своих собственных могильщиков. Ее гибель и победа пролетариата неизбежны".

По этим причинам буржуазию и следует уничтожить "как класс", а руководство общественными производительными силами передать другому распорядителю.

2. КЕМ /ИЛИ ЧЕМ/ СЛЕДУЕТ ЗАМЕНИТЬ БУРЖУАЗИЮ КАК ОРГАНИЗАТОРА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Первоначальная идея классического марксизма в области экономического управления состояла в намерении заменить частнособственническое и корпоративное руководство и владение – владением и руководством коллективным, т.е. "безаппаратным" архаическим самоуправлением.

Процесс перехода от капиталистической конкуренции к полному обобществлению производства рисовался аналогичным процессу феодальной централизации, но с заключительным актом, уничтожающим центральную управляющую инстанцию и ставящим на ее место "самоуправление ассоциированных производителей".

Вот схема этого первоначального представления и иллюстрирующее ее высказывание Энгельса.

1/ капиталисты, подобно суверенным феодалам, поглощают друг друга в конкурентной борьбе;

2/ победившая монополия, подобно крупнейшему из фео-

далов — монарху, отождествляет себя с государственной властью;
3/ это слияние монополии с государством является предельным обострением противоречий капитализма, а не выходом из них /один из важнейших для нас пунктов всего рассуждения/;
4/ пролетариат овладевает политической властью и берет в свои руки возникшую государственнокапиталистическую монополию;
5/ затем победивший пролетариат "взрывает" государственнокапиталистическую машину управления и передает общественное производство в руки "ассоциированных производителей", предварительно уничтожив классы и "доэкспроприировав" "недоэкспроприированных" монополией капиталистов, если таковые имеются.

Вот что говорит по этому поводу Энгельс /"Развитие социализма от утопии к науке"; цифрами в скобках я отмечаю в рассуждении Энгельса пункты приведенной выше схемы/: "В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов. Но в этой своей форме эксплоатация становится настолько осязательной, что должна рухнуть. Ни один народ не согласился бы долго мириться с производством, руководимым трестами с их неприкрытой эксплоатацией всего общества кучкой лиц, живущих стрижкой купонов /1/.

Так или иначе, с трестами или без трестов, в конце концов государство как официальный представитель всего общества вынуждено будет взять на себя руководство производством /2/".

Цитирую сноску Энгельса к слову "вынуждено": "Я говорю "вынуждено", так как лишь в том случае, когда средства производства или сообщения действительно перерастут управление акционерных обществ, когда их огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда — даже если его совершит современное государство — оно будет экономическим прогрессом, новым шагом на пути к тому, чтобы само общество взяло в свои руки все производительные силы". "Но ни переход в руки акционерных обществ и трестов, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил /3/. Относительно акционерных обществ и трестов это совершенно очевидно. А современное государство, опять-таки, есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. *Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой сути своей государство капиталистов, капиталистическая машина, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплоатировать.* Рабочие остаются наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки /3/. Но на высшей точке происходит переворот /4/. Государственная собственность на производительные силы не разрешает конфликта, но она содержит в себе формальное средство его разрешения.

Это разрешение может состоять только в том, что общественная природа современных производительных сил

будет признана на деле и что, следовательно, способ производства и обмена будет приведен в соответствие с общественным характером средств производства /4,5/. А это может произойти только таким путем, что общество открыто и не прибегая ни к каким окольным путям возьмет в свое владение производительные силы, переросшие всякий другой способ управления ими, кроме общественного /4/".

Нетрудно убедиться, прочитав этот отрывок из книги, от которой марксизм никогда словесно не отрекался, что ни одна из живых реализаций социализма под классическое определение этого строя не подпадает, ибо ни одна из них дальше создания "идеального совокупного капиталиста" в лице коммунистического однопартийного диктаторского государства пойти не смогла. Энгельс же создание этой "капиталистической машины" считал апогеем капитализма, а не началом эры пролетарского самоуправления. Убедившись, что безгосударственного самоуправления "ассоциированных производителей" он построить не может, Ленин несколько раз повторяет определение, в корне противоречащее Энгельсу в оценке последним "государства-капиталиста", но совпадающее с ним в признании капиталистического характера возникшей государственной сверхмонополии: "Социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии, или иначе: *социализм есть не что иное, как государственная монополия, обращенная на пользу всему народу и постольку переставшая быть капиталистической монополией*"[2].

Итак, государственная монополия, о которой говорят и Энгельс, и Ленин, по мнению обоих авторов, безусловно капиталистична. Но по Энгельсу она не может быть поставлена "на пользу всему народу" и должна быть наро-

дом экспроприирована. А по Ленину эту "государственную монополию" можно заставить служить не себе самой, а "всему народу". И лишь постольку, поскольку эта возможность осуществлена, монополия перестает быть капиталистической, превращаясь в социализм.

Рассуждение Энгельса о том, что с ростом централизации экономической власти растут возможности монополии действовать в своих интересах, несомненно логично: чем шире монополия, тем ниже ее зависимость от рынка сбыта и от рынка рабочей силы.

Убеждение Ленина, что всеобъемлющую государственную экономическую монополию можно поставить на службу всему народу, противоречит собственным ленинским размышлениям о монополизме как таковом, о социальной опасности сверхмонополизма*.

Люди, жаждущие поправить, улучшить, оздоровить коммунизм (марксизм–ленинизм) или отказаться от него сознательно, а не реактивно, предложат ряд вопросов:

1) может быть, прав Энгельс, т.е. "идеальный совокупный капиталист" просто–напросто должен быть экспроприирован "ассоциированными производителями", и тогда все придет в соответствие с марксистским прогнозом?

2) Может быть, прав Ленин, и всеобъемлющую государственную политико-экономическую монополию можно и нужно поставить на службу всему народу, и тогда получится настоящий социализм, а не его партократический эрзац?

3) Дает ли марксистская классика конкретные реко-

* См. хотя бы его работу "Империализм как высшая стадия капитализма".

мендации, как сделать первое или как обеспечить второе?

Будем добросовестны и обратимся к этой литературе.

3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО МАРКСИЗМА

Первоначально задача налаживания общественного экономического самоуправления кажется проектировщикам нового мира чрезвычайно простой: "В коммунистическом обществе легко будет учитывать как производство, так и распределение. Так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то *очень просто выяснить,* сколько потребуется определенному числу лиц, а так как производство не будет находиться тогда в руках отдельных частных лиц, а будет находиться в руках общины и ее управления, то *не трудно будет организовать производство соответственно потребности*"[3].

"Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их понятой, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится *общественно-планомерным регулированием производства сообразно потребности как общества в целом, так и каждого его члена в отдельности,...* с одной стороны, прямым общественным присвоением продуктов в качестве средств для поддержания и раскрепощения производства, а с другой — прямым индивидуальным присвоением их в качестве средств к жизни и наслаждению"[4].

"При общественном присвоении денежный капитал отпадает: общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество

продуктов, которое соответствует времени их труда. Но эти удостоверения — не деньги: они не совершают функции обращения"[5].

"Если мы представим себе не капиталистическое общество, а коммунистическое, то прежде всего отпадает денежный капитал, а следовательно, отпадает вся та маскировка сделок, которая благодаря ему возникает. Дело сводится просто к тому, что общество должно наперед рассчитать, сколько труда, средств производства и жизненных средств оно может без ущерба тратить на такие отрасли производства, которые, как, например, постройка железных дорог, сравнительно долгое время не доставляют ни средств производства, ни жизненных средств, и вообще в течение этого времени не дают никакого эффекта, но, конечно, отнимают от всего годового продукта и труд, и средства производства, и жизненные средства. Напротив, в капиталистическом производстве разум всегда заявляет о себе "пост фестум"; в таких случаях могут и должны происходить крупные нарушения"[6].

Итак, задача сводится "просто к тому", чтобы разум заявлял о себе не "пост фестум", а заблаговременно. Но беда в том, что все приведенное выше формулирует лишь задачу, а не ответ на нее. Здесь не сказано, как технологически должна решиться задача; что значит в данном контексте "общество", "все общество", "общественное владение"...

Сами понятия "разум", "разумные потребности", "правильно" и т.п. не наполнены конкретным содержанием и предполагает априорную тождественность этих определений для авторов и для всех читателей.

Ленин пишет в 1916–17 и публикует в 1918 г.г.: "Все граждане становятся служащими и рабочими одного

всенародного "синдиката". Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до чрезвычайности, , до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи", для которых, по словам Ленина, достаточно " *знания 4-х действий арифметики и* выдачи соответствующих расписок"[7].

Следует ли удивляться затруднениям в хозяйственной жизни структуры, построенной на основании таких прогнозов и констатаций?

"Когда большинство народа начнет производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами, превращенными теперь в служащих, и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, "некуда будет деться".

Все общество будет одной конторой, одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта "фабричная" дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплоататоров пролетарист распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзости капиталистической эксплоатации и для дальнейшего движения вперед... Ибо, когда все научатся управлять и будут управлять на самом деле самостоятельно общественным производством, *самостоятельно осуществлять учет и контроль* тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных "хранителей традиций капитализма", – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким

неимоверно трудным таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием /ибо вооруженные рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят/, что *необходимость* соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой. И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем – к полному отмиранию государственности"[8].

Нетрудно теперь, после 63-х лет катастроф и нелепостей, увидеть и оценить роковое и безответственное "простодушие" этих соблазнительных прогнозов-рекомендаций. Легко превращаясь в броские лозунги, они развязали руки жаждущим хлеба и власти толпам и отдали и эти толпы, и их жертвы, и даже их вдохновителей во власть тиранического произвола.

Тем не менее ничего, кроме такой декламации, в классических работах Маркса, Энгельса, Ленина не обнаруживается.

Тем, кто заподозрит нас в недобросовестности поисков, мы оставляем возможность повторить их: сочинения классиков марксизма к их услугам. 4 действия арифметики; быстрое и суровое наказание; формирование привычки исполнять заповеди нормального человеческого общежития; труд "поровну" и оплата "поровну", несмотря на неравенство функций, которое сохранится, по собственному признанию, еще надолго; иногда – оплата не "поровну", а по труду /в одной работе – по-разному/, – 40 лет хождения по пустыне, дабы вытравить из себя раба и лентяя, а потом скачок в рай /правда, после эпохи кровавых боев за мировое господство, но эта ме-

лочь не акцентируется/. Именно Ленин о послереволюционных проектах Маркса сказал: "Просто, как все великое!". Ему довелось потом хлебнуть этой простоты, но сейчас речь не о его судьбе.

Система создана и существует более полувека. Если она не имела в годы своего возникновения строгих представлений о способах решения своих задач, о своей вероятной структуре, может быть, теперь она обрела их?

4. СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА ГОВОРИТ О СЕБЕ

Акад. Н.П. Федоренко, директор Центрального Экономико-математического института АН СССР, председатель нескольких комитетов союзного значения, связанных с математическими методами экономического управления, выступил не так давно /1968 г./* в специальной и в популярной печати с пропагандой СОФЭ /системы оптимального функционирования экономики/.

Если бы упомянутый институт действительно изобрел систему оптимального функционирования экономики, благодарное человечество поставило бы его сотрудникам золотой памятник. Что же он изобрел?[9].

По словам акад. Федоренко, "экономическая наука обретает в социалистических условиях колоссальное значение", т.к. социалистическое общество "*есть продукт науки*, воплощение идеалов революционеров, овладевших теорией научного социализма".

* Теперь, через несколько лет после шумихи, поднятой вокруг СОФЭ и других советских экономико-математических блефов 1960-х – начала 1970-х г.г., можно утверждать, что данное здесь обоснование беспомощности подобных квазиальтернатив экономическому сталинизму оказалось вполне удовлетворительным.

Констатировав первостепенную роль науки в появлении на свет социализма, академик пишет: "Правда, еще нельзя сказать, что в экономике теория намного опережает практику, как это имеет место, например, в физике или математике, *как это должно быть в любой науке, достигшей зрелости*".

"В течение длительного времени экономическая наука, оперируя общими формулировками, не давала практике четких предпосылок для выработки количественных методов изучения процессов, протекающих в социалистической экономике".

Итак, плод "сознательной" деятельности "революционеров, овладевших теорией научного (?) социализма", который вкушает ныне миллиард человек, готовых подарить его остальным миллиардам, произвела на свет не достигшая зрелости наука, которая не давала до конца 1960-х г.г. своим подопечным даже *предпосылок для изучения* тех процессов, *на коих основана новая экономика.* "Научные исследования, выполненные в данной области в последние 2-3 года, – утешает нас автор СОФЭ, – позволяют сформулировать и обосновать *исходные предпосылки* комплексного механизма функционирования социалистической экономики, наметить важнейшие направления разработки системы оптимального планирования и управления народным хозяйством страны".

Н.П. Федоренко уверяет, что "результаты этих исследований закладывают основу теории СОФЭ".

Маркс и Энгельс призвали разрушить до основания старый мир и стереть с лица земли присущие ему формы хозяйствования во имя "научной" организации экономики, "исходные предпосылки" функционирования которой начали вырисовываться лишь через 120 лет – в ис-

следованиях, руководимых Н.П. Федоренко*.

В 1923 году, в ответ на обвинения в беспочвенности строительства социалистических общественных отношений в СССР /бесклассового и безгосударственного социализма – по Марксу и Энгельсу/, Ленин лихо цитировал Наполеона: "... сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уж видно будет"[10].

В 1967 году мы, наконец, получаем "исходные предпосылки" того кровавого столпотворения, в котором Ленин жизнерадостно сообщает /расстрелянному Сталиным в 1930-х г.г./ Суханову: "Вот мы и ввязались в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали /с точки зрения мировой истории – это, несомненно, детали/, как Брестский мир, или НЭП и т.д.". В это "и т.д." помещается все: от продразверстки, Кронштадта и гражданской войны до Архипелага ГУЛага и нынешней Потьмы. Впрочем, "с точки зрения мировой истории" – все мы только "детали"... Поистине, как в известном жестоком романсе с идеологическими ньюансами. "За что мы боролись, за что мы страдали, за что мы проливали нашу кровь?.."

Может быть, академик Федоренко сгущает краски /из невинного желания повысить цену СОФЭ/? Нисколько. Вот что пишет о научной строгости социалистического экономического управления член-корр. АН СССР Н. Моисеев:

"Нужна систематическая, в союзном масштабе, координация исследовательской деятельности. И прежде всего, следовало бы развернуть теоретическое изучение

* Сегодня, т.е. в начале 1980-х г.г., эти предпосылки снова покрылись изначальным туманом: ни о каких глобальных проектах оптимизации социалистической экономики уже нет речи /не до жиру – быть бы живу/.

самих принципов управления. Мы поразительно невежественны в этой области! Когда стоит вопрос об управлении космическим кораблем, мы знаем, какая система обратных связей необходима, каково допустимое искажение информации и т.д. Говоря же о системе управления заводом или отраслью, мы ни на один вопрос из подобных вопросов ответить не можем. Хорошо это или плохо — пересматривать план один раз в год? Какими должны быть допустимые сроки переработки информации и т.д. и т.п.? Здесь можно только гадать. *У нас даже нет критериев оценки системы управления.* Вот почему необходим в первую очередь теоретический анализ с использованием ЭВМ и моделированием на ЭВМ"*.

Перекрещиваются в сознании две разностильные мысли: первая — известный советский анекдот о том, что, будь Маркс, Энгельс и Ленин учеными, а не только политиками, они бы раньше на собаках попробовали; вторая — откуда такая уверенность, что "использование ЭВМ и моделирование на ЭВМ" даст желанные результаты, т.е. подскажет, как оптимизировать социализм, а не предпишет от него отказаться? Разумеется, в том случае, если заложенная в ЭВМ программа позволит машине "размышлять" достаточно широко. В октябре 1968 года академик Трапезников в докладе на всесоюзном совещании в Тбилиси сказал:

"Мы неплохо владеем методами и средствами управления технологическими объектами, но в области управления широкими комплексами, организационными системами, условно иногда называемыми большими системами, мы, по существу, *лишь начинаем работу*"[11].

* См. статью "Время кустарничать прошло". ЛГ № 11, 1968. Стало быть, до тех пор кустарничали, а не управляли научно.

В 1974 году акад. Федоренко в редакторском предисловии к книге Н.Я. Петракова "Кибернетические проблемы управления экономикой" пишет: "Проблемы научного управления экономическими явлениями не могут быть целиком сведены к ситуациям, в которых исходная информация и все взаимосвязи заранее досконально известны и предопределены. Такой "механический детерминизм" не оставляет места для сознательной творческой деятельности управляющих звеньев самых различных уровней и представляет всю плановую работу в чрезвычайно упрощенном виде".

Напомним: "В коммунистическом обществе легко будет учитывать как производство, так и потребление. ... так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то очень просто выяснить, сколько потребуется определенному числу лиц. ... Нетрудно будет организовать производство соответственно потребности". ..."Дело сводится просто к тому, что общество должно наперед рассчитать..." ..." До необычайно простых, всякому грамотному человеку доступных..." "... Достаточно знания 4-х действий арифметики и выдачи соответствующих расписок" и т.д. и т.п. /Маркс, Энгельс, Ленин/.

Не их ли основополагающие прозрения и рекомендации отражали сверхсложные проблемы централизованного экономического управления в "чрезвычайно упрощенном виде"? И в чем состоит пресловутая строгость того, мягко говоря, наивного представления об управлении большими экономическими системами, на основании которого "весь мир... ...мы разрушим до основанья, а затем"?.. Иными словами, что дает право марксизму-ленинизму называть себя, в отличие от других направлений социалистической мысли, научным /а не утопическим/ социализмом?

Думаю, что марксизм является одним из наиболее утопических направлений социалистической мысли.

Подтекст давно стал постоянным атрибутом не только литературы СССР, но и советской науки. Вынесение главных идей в подтекст характерно не только для гуманитариев. Условные "физики" в специальных работах, за которыми встает системный аспект, иной раз больше могут сказать о безнадежности коммунистического эксперимента, чем условные "лирики". Кроме всего прочего, "лириков" дотошней шмонают* цензоры, а в языке "физиков" неспециалистам нелегко разобраться.

Авторы статьи "Взаимодействие в биологических системах" Ю.М. Васильев, И.М. Гельфанд, Ш.А. Губерман и М.Л. Шик[12] замечают, что элементы и подсистемы сложных многоуровневых систем могут управляться двояко: либо существует единый центр, который постоянно указывает каждому из элементов, что ему делать /так, например, работает вычислительная машина со вложенной в нее программой/, либо — и это более естественный способ — система управления имеет иерархическую структуру. Из отдельных элементов управляющей системы в зависимости от задач, стоящих перед организмом, формируются временные объединения — подсистемы. Каждая подсистема решает задачу гораздо меньшей сложности, чем вся система.

... Управление должно происходить так, чтобы деятельность элементов, решающих свои локальные задачи, приводила к достижению общей цели. При управлении состояние подсистемы должно изменяться таким образом, что ее элементы дают "привычные" " запаянные" в них реакции, приспособленные для решения их "личных" за-

* Обыскивают, контролируют /блатной жаргон/

дач. Иными словами, формирование сложного живого коллектива идет таким образом, что реакции, которые должны быть индивидуально целесообразными для каждого элемента,складываются в систему реакций,выгодную для коллектива в целом. Такой подход к проблеме управления сложной живой системой можно охарактеризовать как замену глобального принципа /элементы системы существуют лишь постольку, поскольку это необходимо для системы в целом/ локальным принципом: каждый живой элемент стремится к осуществлению своих "личных" целей, но система сформирована таким образом, что при этом достигаются общие цели.

... При формировании коллектива его элементы не должны приобретать каких-то принципиально новых свойств, необходимых для управления ими, речь идет о приспособлении и организации уже имеющихся "личных" реакций этих "элементов". Последние входят в определенные подсистемы "на время решения одной задачи, при решении других задач эти элементы могут входить в другие подсистемы".

В обоих примерах /вычислительная машина и организм/ управление иерархическое, но в первом случае – одноканальное, с жестко заданной Центром программой, не подлежащей коррективам "снизу" /оттуда поступают лишь сведения, необходимые Центру, но не команды/. А во втором – двухканальное, с автоматической обратной связью от структурных элементов системы к регуляторам Целого.

Кроме того, в первом случае /машина/ речь идет не о нуждах системы в Целом, а о нуждах управляющего ею Центра, ибо здесь только Центр имеет цель, программу, критерии и возможности для регуляции и оценки работы Целого.

"Самостоятельность" поведения отдельных узлов или недоучет их особенностей приводит к сбоям в вычислительной машине. Отсюда сложные системы проверки программы. Система такого рода обессмысливается с точки зрения ее управляющего устройства, если ее узлы и элементы имеют какие-то не зависящие от него цели и траектории поведения. Авторы статьи утверждают, что естественные живые системы не знают глобального принципа управления и все организованы "иерархически" /я бы сказала – демократически*/. Только подходя к вопросу очень поверхностно, можно, к примеру, думать, что организмом "командует" мозг и даже сознание, т.е. одна из способностей мозга**. Состояние мозга, в том числе и сознание, определяется параметрами всех элементов и подсистем организма в их взаимосвязях друг с другом и со средой, а не санкциями сознания, которое, как правило, бессильно прямо и непосредственно /"расчетно"/ определять в организме, которому принадлежит, состояние и поведение молекулы, органеллы, клетки, ткани и ряда органов.

Н. Винер приводит следующий пример: "Допустим теперь, что я поднимаю карандаш. Чтобы это сделать, я должен привести в движение определенные мышцы. Однако никто, за исключением специалистов-анатомов, не знает, какие это мышцы. Даже среди анатомов немногие, да и то вряд ли, сумеют поднять карандаш посредством сознательного акта последовательного сокращения отдельных мышц. Нами осознается лишь конечная цель – **поднять карандаш**. Когда мы решили это сделать, наше движение

* Этот вопрос будет рассмотрен дальше.

** Лежащих вне биологии человека аспектов поведения и целеполагания я здесь не касаюсь.

совершается так, что, грубо говоря, степень, в которой карандаш еще не взят, на каждом этапе уменьшается. Все движение выполняется почти бессознательно"[13]. /Думаю, что ни один анатом на сознательную расчетную акцию такой степени сложности не способен/.

Общенациональное, а затем и всемирное всеобъемлющее "управление по единому плану" – это претензия поднимать каждый карандаш сознательно, последовательно сокращая отдельные мышцы. Для этого надо рассчитать наперед характер, порядок и все количественные соотношения нужных для совершения каждого акта реакций и только потом последовательно приводить в действие все связанные с нашими целями частицы, клетки и органы Понятно, что Солнце погаснет для нас раньше, чем будут произведены каждым из нас такие расчеты.

Главный же принцип системно-биологического способа организации сформулирован авторами упомянутой выше статьи так: "Каждый живой элемент стремится к осуществлению "личных" целей, но система сформирована так, что при этом достигаются общие цели всей системы".

К этой проблеме я еще возвращусь, – в экономике и в других сферах общественной жизни.

А это уже из высказываний 1975 года: "... у меня вызывает недоумение широко распространенная среди биологов, экономистов и психологов позиция по отношению к математике, ... кратко формулируемая так: "Математики, помогите нам математизироваться к вящей пользе нашей и вашей науки!" Такой призыв о помощи есть свидетельство незрелости данной отрасли науки /экономики, биологии, психологии или социологии/".

Далее идут интересные размышления автора о зрелых науках, достигших равноправного естественного симбиоза с математикой, и делается вывод: "Очевидно, биоло-

гам, экономистам, психологам тоже не следует ждать помощи со стороны, а почаще вспоминать девиз Бетховена: "Человек, помоги себе сам!" Конечно, это трудный путь и долгий, но другого пути нет. К тому же лучшие достижения современной биологии получены биологами-профессионалами, а не гостями из математики или из других областей; тот факт, что многие из этих биологов /Ф.Крик, Дж. Кендрю, М. Дельбрюк/ были по образованию не биологами, а физиками, свидетельствует только о том, что качество образования современного биолога пока уступает качеству образования физика или химика – иначе не может быть вследствие незрелости биологии. Соответствующее положение в экономике, психологии и других науках еще хуже, чем в биологии, – здесь степень зрелости науки еще ниже, видимо, эпоха созревания этих наук начнется не скоро – не раньше XXI века?[14].

Итак, и это рассуждение свидетельствует, что коммунисты разрушают "весь мир насилья" и строят свой "новый мир" по рекомендациям незрелой науки, которая вступит в "эпоху созревания... ... не раньше XXI века".

А как же Марксово "нет ничего проще" и ленинские "четыре действия арифметики" в сочетании с "опытом фабричных рабочих"? Ведь на них-то и строится вавилонская башня "нашего нового мира"!

Парадоксальнее всего, что и по сей день марксизм продолжает восприниматься массой людей как наука, а не как политическая утопия, выродившаяся в идеологическую демагогию.

* *
*

5. ЭКОНОМИКА И ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЕЮ

В наиболее распространенном понимании этого термина управление предполагает знание. Социалистическая экономика – экономика глобально централизованная. Для того, чтобы управляющая инстанция в таких условиях могла составить наилучший план*, ей необходимо учесть и переработать определенным образом всю экономическую информацию, которая, в виде представлений и связей, а также количественных показателей и параметров, содержится и циркулирует в обществе. Во всяком случае, Центру жизненно необходимо знать ту информацию, незнание коей может существенно снизить его возможность влиять на происходящее.

Н.П. Федоренко пишет: "Централизация нашего народного хозяйства есть величайшее благо.

Однако, в связи с централизованностью, количество информации, с которым приходится иметь дело в процессе управления, бесконечно, – переработать всю ее просто невозможно. Но пустить эту переработку на самотек тоже немыслимо – вся система будет работать со скрипом, с пониженным КПД".

Поскольку естественный вывод: значит, следует систему нефальсифицированно децентрализовать – заказан для официально работающих советских ученых, то каждый из них обречен искать наилучший вариант в рамках заведомо наихудшего общего решения. Другого легального выхода у них нет.

Между тем, в отличие от своих не слишком сведущих в

* О критериях, позволяющих считать этот план наилучшим, речь пойдет несколько ниже.

экономической науке предшественников, они понимают, где зарыта собака. В официально изданной в Москве книге[15] читаем: "Кибернетическая система отличается тремя характерными чертами: она чрезвычайно сложна – до такой степени, что ее структура не поддается в деталях определению. Она чрезвычайно вероятностна – до такой степени, что, будучи сложной по строению, она становится неделимой, и каждая траектория движения системы равновероятна. Нереально предположить, что такого рода система может управляться посредством предписанных извне правил. Дело в том, что такая система по определению не поддается анализу, и поэтому не существует никакого теста, посредством которого соответствие этим правилам могло бы быть доказано. Третья характерная черта кибернетической системы состоит в том, что коренное свойство организации, проявляющейся в ней возникает изнутри; система является самоорганизующейся".

Рассмотрим несколько схем управления "большими системами" /см. стр. 105, 106/.

Главная особенность самоорганизации систем такого рода /например, биоценоза – схема №6а, общества как природного объекта – схема №6б или конкурентного рынка – схема№6в/ заключается в том, что их управляющая инстанция автоматически складывается из всех частностей, образующих управляемую систему. Команды этой инстанции, адресованные каждой входящей в нее частности, представляют собой некие равнодействующие поведения, свойств и состояния всех компонентов системы, включая и данный управляемый элемент ее. Хотя элементы и узлы системы ни качественно, ни количественно не равны друг другу, но ни отдельный элемент, ни группа таковых не могут выйти из-под контроля системы как целого, встать над ней, подчинить ее своему монопольно-

СХЕМА № 6а. УПРОЩЕННАЯ СХЕМА
ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА

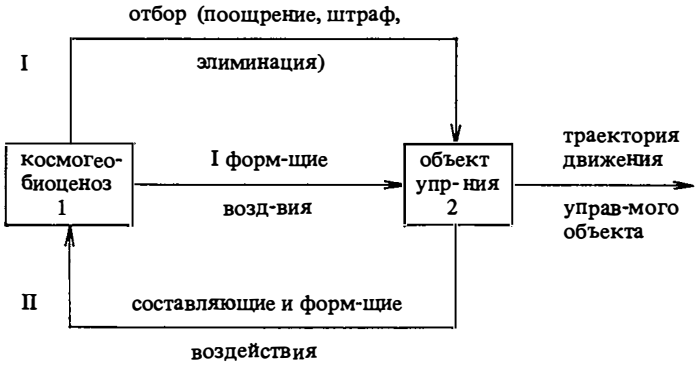
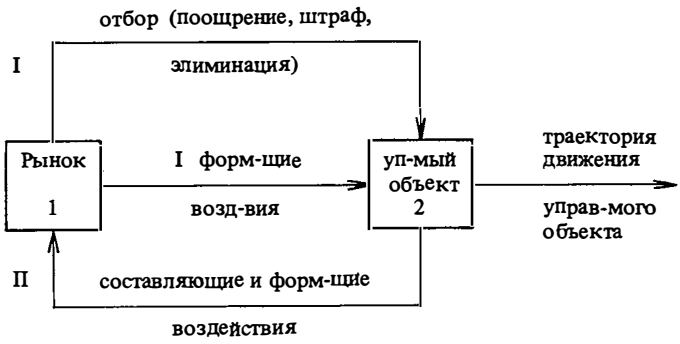


СХЕМА № 6б. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОБЩЕСТВОМ
И ЕСТЕСТВЕННОЙ СРЕДОЙ ЕГО ОБИТАНИЯ

СХЕМА № 6в. СХЕМА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ



му и исключительному диктату. Если это случается, система перестает быть сама собой и превращается в качественно иную структуру. Мы сознательно рассматриваем здесь только конкурентный рынок как таковой, а не современное капиталистическое общество во всей сложности его финансово-экономических связей, форм и их предпосылок. Коммунисты в своей полемике против капитализма тоже обычно исходят из марксовой формализации капиталистической экономики, а не из ее современй реальности.

Частности геобиоценоза живут, питаются, размножаются, борются за свое существование внутри и вне вида и, тем самым, воздействуют на геобиоценоз как на Целое, регулирующее бытие всех своих частностей. Участники рынков, с одной стороны, формируют рынок посредством конкурентного предложения товаров, услуг, идей, программ, эстетических ценностей и т.п. С другой стороны, все потребители говорят "да" или "нет" каждому по-

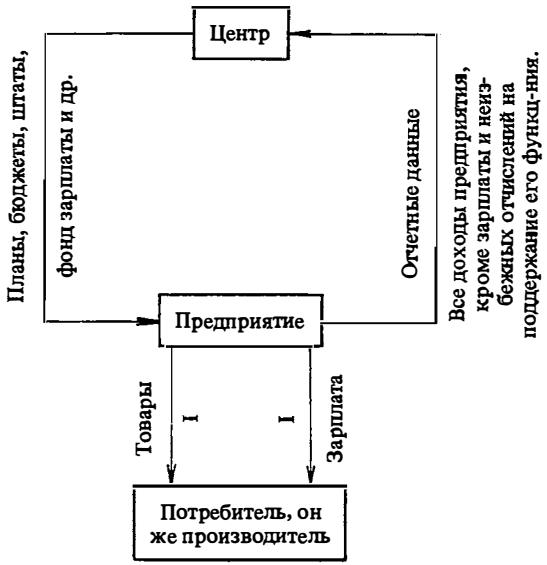
ставщику самим актом покупки его товара или отказом от таковой. Как уже сказано, регулятор /то ли то ли геоценоз, то ли рынок/ структурно включает в себя все частности, образующие данную систему. Но равенства всех элементов и групп в управлении такой системой и в удовлетворении их потребностей такой регулятор /такая демократия/ своим сочленам не предоставляет. В геобиоценозе конкурентоспособность и адаптивность частности и мера ее воздействия на статус геобиоценоза определяются рядом ее биологических параметров. Вес каждого из участников рыночного обмена в совокупных санкциях конкурентного рынка зависит, с одной стороны, от спроса на предлагаемые им товары всех видов, включая труд; с другой стороны — от платежеспособности и запросов участников рынка, выступающих в качестве потребителей. В идеальном случае и спрос на товары поставщика, и платежеспособность потребителя зависят от того, насколько общество нуждается в деятельности и первого, и второго.

В условиях естественного отбора неравенство приспособительных качеств видов и особей действует неумолимо. В условиях так называемого "классического капитализма" оно, по-видимому, действовало с беспощадностью, близкой к жестокости естественного отбора.

Человеческое сознание восстает против такой автоматической беспощадности, — изыскивая способы к ее снятию или хотя бы смягчению. Теоретическая идеализация архаической примитивной демократии и литературная фетишизация всевидящего и всеблагого централизма в значительной степени обусловлены отвращением авторов утопий обоих родов к жестокости естественного отбора, имеющей место в рыночной конкуренции и в природе.

Если на место конкурентного рынка поставить всевластную политически, экономически и идеологически инстанцию, все команды будут исходить от нее и структура связей в этом случае будет, в основном, соответствовать схеме №7 /Абсолютно централизованная экономика/.

СХЕМА № 7. АБСОЛЮТНО ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ЭКОНОМИКА



Выше мы назвали Центр такой всеобъемлюще "упорядоченной" системы всевластным. Однако всевластие это носит весьма своеобразный характер: свободная запрещать, искажать, принуждать и пр., инстанция эта /Центр/ не может добиться поставленных ею перед систе-

мой созидательных целей. Причина такой беспомощности Центра состоит в том, что задача эта /добиться всеобъемлюще целенаправленной деятельности от кибернетической системы "посредством предписанных извне правил"/ не имеет решения.

"Кибернетическая система в каждый последующий момент времени может прийти в любое из большого числа состояний. Чтобы управлять системой /т.е. чтобы добиваться поставленных целей – прим. Д.Ш./, нужно в каждый момент осуществить выбор определенного состояния из всех возможных. Для этого необходимо, чтобы разнообразие управляющих сигналов было не меньше разнообразия возможных состояний системы /точнее, согласно теореме Шеннона о канале коррекции, количество информации, переносимой управляющими сигналами, должно быть не меньше прироста энтропии системы/. В противном случае неопределенность состояния системы /ее энтропия/ будет неотвратимо нарастать, и система выйдет из-под управления. Кроме того, необходимо, чтобы управляющий сигнал выбирался из некоторого разнообразия не случайно, а определялся на основе информации о состоянии системы"[16].

Иными словами, чтобы действовать наверняка, а не вслепую, Центр должен своевременно получить и превратить в команды всю ту относящуюся к его задачам информацию, которая заключена в системе, а также – во всех вероятных вариантах ее дальнейшего существования.

Попробую существенно сузить задачу. Известный советский экономист и специалист по управлению пишет: "Разрабатывая систему снабжения Киева молоком и молочными продуктами, украинские научно-исследовательские институты торговли и общественного питания и автодорожный институт подсчитали, что уже при восьми отпра-

вителях и восьми получателях груза количество возможных хозяйственных связей достигает... 1 миллиарда! Никакие человеческие качества не могут в таких случаях обеспечить оптимальных решений. Требуются ЭВМ, требуется "система" как таковая. Но создавать систему может только человек, и выбор окончательного решения из всех возможных вариантов будет оставаться за ним, потому что для решения необходим критерий. Заложить этот критерий в ЭВМ можно, но выработать его должен человек"[17].

О проблеме критерия мы будем говорить особо, а пока еще одно высказывание об ЭВМ: "Специалисты нашего института однажды проделали любопытный расчет. Они высчитали количество операций, которые необходимо было бы произвести, чтобы составить такого рода детализованный оптимальный план только для 2-х тысяч объектов. Оказалось, что он потребовал бы от лучшей советской машины БЭСМ-6 – ни мало ни много – тридцати тысяч лет непрерывной работы"[18].

Непрерывно, снова и снова возникает сакраментальный вопрос: "Можно ли объять необъятное?" И это при том, что проблемы критерия оптимальности я еще не коснулась.

При каждой попытке решить сложную экономическую задачу Центр диктатуры оказывается в положении парадоксальной гипотетической машины У.Р.Эшби, пытающейся решить задачу до того, как в нее вложена информация для решения: "Для человеческого мозга и для машины эти ограничения одинаковы, поскольку они присущи любой системе, поведение которой упорядочено и подчинено определенным законам. Система, которая могла бы эти ограничения обойти, обладала бы волшебными свойствами". И Эшби формулирует одно из главных ограничений: "Любая система, выполняющая подходящий отбор

/на ступень выше случайного/, ...производит его на основе полученной информации..."[19].

Центру диктатуры, не располагающему необходимой информацией для решения поставленных им перед собою задач, приходится действовать наугад, произвольно, делая при этом вид, что он действует сознательно, разумно, целеустремленно.

Волей-неволей Центр упрощает стоящую перед ним задачу, сводя ее к главному для него самого – к сохранению постоянства строя, в котором имеет место его главенство, имеют место его исключительные привилегии. Конечно, и в обеспечении даже этой упрощенной задачи нарастает неуправляемость, беспорядок, увеличиваются искажающие волю Центра шумы, но процесс развивается /неусыпными заботами Центра/ достаточно медленно для того, чтобы в масштабах короткой человеческой жизни существование диктатуры казалось вечным: система долговечней и сменяющихся своих правителей, и многих поколений своих подданных.

Но, повторяем, достичь своих положительных, созидательных, сложных целей такой системе не суждено: обогатить и "осчастливить" своих подданных она не может, даже если хотела бы.

Сообщая в одной из своих популярных статей, что "никто и не мыслит дела так, будто единая сеть вычислительных центров управления народным хозяйством будет походить на некоего электронного спрута, который своими щупальцами дойдет до каждого звена народного хозяйства, станет... планировать все до мельчайшего винтика", – киевский кибернетик академик Глушков в газетной статье[20] тем не менее грезит такими "щупальцами", способными добраться до каждого рта, до каждой хозяйственной сумки, до каждого кошелька. Таков идеал гло-

бально-централизованной экономики, а ей ревностно служит академик Глушков.

Академик Федоренко предлагает следующим образом "упростить" задачу: "Задача состоит в том, чтобы отобрать наилучшие приемы, методы, средства производства, предметы культурного и бытового потребления *по степени их важности для всего общества и для каждого человека в отдельности"*.

Вот мы и добрались до проблемы критерия – критерия полезности, критерия оптимальности, критерия блага и зла, без решения коей смешно говорить о подходящем "отборе" – в социальном смысле этого действия. Возникают бесчисленные вопросы:

1. На основании какого мерила и кто будет определять полезность /?/ различных вещей и действий "для всего общества и для каждого человека в отдельности"?

2. Почему представления и мерила какой-то инстанции должны быть обязательны "для всего общества и для каждого человека в отдельности"?

3. В чем гарантия того, что интересы и цели этой инстанции совпадают с интересами хотя бы большинства членов общества?

4. Как будут доведены до сознания этой инстанции интересы "всего общества и каждого человека в отдельности" и т.д. и т.п.?

Акад. Федоренко, как и большинство его советских коллег, вынужден игнорировать эти вопросы. Он скромно сообщает, что "в нашей стране и в братских социалистических странах преодолеть эти временные /?/ и субъективные/?/ трудности" призвана СОФЭ, которую разрабатывает вверенный ему коллектив. Но в чем состоит спасительная сила СОФЭ, понять невозможно, ибо каждое из ее предложений заранее отвергнуто преамбулой автора. Она гласит,

что к существенным ошибкам в планировании "может привести и зачастую приводит недоучет *всех* связей в экономике".

И тут же автор неоднократно напоминает нам, что учесть все связи, и даже большую часть таковых, в подобной системе немыслимо никакими методами, приемами и техническими средствами.

Остается утешать себя тем, что бесконечно большое число степней свободы оптимизируемой системы позволяет пытаться оптимизировать каждый из ее бесчисленных планов развития до бесконечности; пишет же автор СОФЭ: "Огромное значение централизованного планирования определяется и тем, что с увеличением масштабов народного хозяйства растет число вариантов плана и расширяется возможность для получения эффекта от оптимализации его".

Акад. Трапезников говорит: "Обычно "большая система" содержит огромное число элементов, что не дает возможности аналитически описать состояние каждого из них подобно тому, как невозможно описать состояние каждой молекулы газа в некотором его объеме. Это не исключает, однако, возможности нахождения "глобальных" параметров" /подобно "давлению" и "температуре" в термодинамике/ и попыток описать систему с их помощью"[21]

Со стороны статистики аналогия вполне законная. Но лишь до тех пор, пока пренебрежение индивидуальными состояниями элементов не задевает жизненных интересов последних. В термодинамике имеют смысл /для исследователя, техника, поставщика, потребителя/ те и только те "глобальные параметры", с помощью коих единственно и возможно описать систему /с позиции стороннего наблюдателя/. Только эти параметры нужно и

можно в данном случае так или иначе регулировать. Социальная же система состоит из "молекул", которыми являются живые чувствующие существа, обладающие сознанием и не нуждающиеся /в их личном существовании/ в оправдании с точки зрения целого /или с какой-то иной внешней для них точки зрения/. По их представлению – целое призвано существовать в их интересах или хотя бы также и в их интересах, иначе его существование для них не имеет приемлемого обоснования. Поэтому описание и изменение "большой системы" социального характера без учета воли и интересов каждой ее "молекулы" /личности, группы/ обессмысливает систему в глазах пренебрегаемых частностей.

Подобное пренебрежение не позволяет Центру добиваться и множества его собственных целей: задачи, стоящие перед Центром "большой системы", не разрешают ему полностью игнорировать волю, цели и локальные эволюции лиц и групп, обязанных следовать его программе. Неживые узлы настоящей машины сопротивляются и подчиняются замыслам конструкторов и операторов в силу тех своих физических качеств, которые могут быть учтены усредненно /см. выше рассуждения акад. Трапезникова относительно параметров молекул газа в определенном объеме/. Люди и их группы в социальной системе противопоставляют такому учету волю, духовность, выбор, способность к сознательному инакодействию. Живая система, образно говоря, непрерывно струится и трансформируется во всех своих связях, волях и качествах.

Сломав стохастический внутренний механизм ее самоорганизации и поставив управляющее ею устройство над нею, мы пытаемся организовать ее противоестественным, неприемлемым для нее образом. Для ее живых элементов

и групп, осознают они это или не осознают, моментом первостепенной важности оказывается проблема критерия, лежащего в основе программы, которой их вынуждают следовать.

На основании чьих критериев Центр выбирает цель и способы ее достижения для всего общества?

Какими средствами люди и группы могут контролировать обязательность Центра по отношению к их воле и интересам? Что Центр знает об их воле и интересах? Пусть даже в этой ограниченной области — в экономике...

6. ОТСТУПЛЕНИЕ В ОБЛАСТЬ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

На какое-то время отвлечемся от "плановой" социалистической экономики и вернемся к хаотической экономике свободного рынка.

Каждый биоценоз и каждый рынок структурно "знают" всю циркулирующую в них в каждый момент информацию /предложение, спрос, покупки, отказы, удельный вес особи и вида в борьбе за существование и пр./, а следовательно, они автоматически заключают в себе все санкции и критерии своих элементов.

Но здесь возникает весьма существенное /и уже упоминавшееся мной/ затруднение: регуляторы отбора и рынков содержат в себе структурную информацию лишь прошедшего и данного момента и воздействуют на свои элементы соответственно информации прошлого и настоящего, штрафуя и поощряя их только пост фактум — после их, этих частностей, действия. Участники конкурентных рынков и естественного отбора получают интересующую их информацию с существенным, иногда роковым для них, опозданием.

Это вызывает локальные катастрофы, поражающие от-

дельных участников рынков и частности геобиоценозов. В то же время целое продолжает играть свою роль регулятора, игнорируя крушение или гибель частностей, отстающих от его санкций. Итак, регулятор, состоящий из совокупности всех элементов управляемой им системы, беспощаден по отношению к любому из неконкурентоспособных элементов системы. А времени подготовиться к борьбе у них нет. Конъюнктура или неизвестна, или становится известной поздно.

Выход из этого тупика заключается /в некоторой степени/ в том свойстве живой природы*, которое акад. П.К. Анохин назвал способностью к "опережающему отражению"**/ к опережению живыми субъектами в своих реакциях и представлениях только еще имеющих произойти событий/.

Неживые материальные объекты отражают факторы своей среды по мере своего непосредственного физического соприкосновения с этими факторами, в т.ч. и с имеющими физические носители сигналами о них. Между внешним событием "А" и реакцией на него /"а"/ со стороны неживого объекта проходит столько времени, сколько необходимо для получения отражающей системой какого-то физического сигнала о событии "А". Если сигнал затухает, не достигнув воспринимающего объекта, то и отражения не последует.

* У.Р. Эшби показал, что адаптивно может вести себя и неживая, но достаточно сложная система.

** Некоторые авторы относятся скептически к сохраненному мною термину П.К.Анохиа "опережающее отражение", предпочитая появившийся позднее термин "прогнозирование на основании накопленной ранее информации". Полагаю, что термин П.К. Анохина отчасти обусловлен цензурной необходимостью назвать рассматриваемое явление термином, умещающимся в рамках марксистской "теории отражения". Но лишь отчасти, ибо основную идею П.К.Анохина этот термин в общем передает адекватно.

По утверждению П.К.Анохина[22]*, живая материя на самых ранних ступенях своего развития обрела способность производить структурную информацию внутри своих частностей быстрее, чем производит такую информацию среда, окружающая живые объекты. По сигналу о некоем внешнем событии "А" органический объект оказался способным до наступления события "Б" разворачивать цепь реакций "а", "б", "в", ..."н", позволяющую ему сохранить свою устойчивость при последующих изменениях среды его обитания. Оставайся он неизменным, эти внешние изменения его разрушили бы. Но он успевает к ним своевременно приспособиться.

Я не стану вдаваться в биохимический механизм "опережающего отражения" различных уровней. Нас интересует только его приспособительный смысл. По мнению П.К.Анохина, возможность "опережающего отражения" обусловлена прежде всего фундаментальными свойствами пространственно-временной структуры мира, породившего жизнь как один из своих феноменов. Эти свойства, вне которых жизнь в земном ее понимании немыслима, – цикличность, повторяемость явлений Природы во времени и пространстве.

"Конечно, – говорит П.К.Анохин, – само свойство повторяемости явлений неорганического, а позже и органического мира как частный параметр абсолютной пространственно-временной последовательности может иметь бесконечные вариации в длительности самих ритмов, их устойчивости, составе и продолжительности отдельных компонентов, их пространственной локализации и т.п.,

* Вопрос рассматривается здесь, как и у П. К. Анохина, исключительно в биологическом и социальном, – а не в философско-религиозном, – аспектах. Последний аспект не исключает знания без физических носителей информации.

однако при всех этих вариантах параметр повторяемости будет наиболее характерным и специфическим. По общему признанию биохимиков, любое внешнее воздействие на первичные организмы неизбежно служило отправным пунктом образования целых цепей химических процессов и взаимодействий, кончавшихся или разрушением организма, или, наоборот, укреплением его метаболической стабильности. Но вместе с тем повторяющиеся много раз одни и те же последовательные ряды воздействий неизбежно пбиводили к облегченному и ускоренному типу развития этих процессов... Это ускорение реакции, как показывает анализ некоторых широко распространенных ферментативных комплексов, может достигнуть миллионов и даже миллиардов раз. Легко представить, какое огромное преимущество перед другими приобретали те цепные химические реакции, которые в силу частой повторяемости сформировали в себе какой-то каталитический комплекс.

Мы видим, что уже здесь, на этой стадии развития жизни, возникла та "борьба за быстроту", которой Дорн[23] придавал такое большое значение во взаимоотношениях организма и внешней среды".

Речь идет, по-видимому, о быстроте производства организмом внутри себя структурной информации, относительно темпов производства такой же информации, во внешней среде.

"Никогда не повторяющиеся воздействия не могли оказать какого-либо решающего влияния на эволюцию высших форм приспособления живой материи* и, следовательно, не могли стать фактором организации самой

* То же в более общем виде показано /как примечание/ и для неживых систем у Н. Винера и У. Р. Эшби.

протоплазматической структуры живых организмов, – продолжает П. К. Анохин... – Основой развития жизни и ее отношения к внешнему, неорганическому миру явились повторяющиеся его воздействия на организм".

По П.К.Анохину, к полностью хаотическим обстоятельствам не может приспособиться живая структура, ибо полностью аритмичная, хаотическая среда не может селекционировать помехоустойчивых живых /т.е. сложных и хрупких/ обитателей.

Без всякой натяжки можно говорить в приведенной выше связи о решающем значении скорости производства человеческим /общественным/ сознанием познавательной, аналитической, оценочной и тактико-стратегической информации по сравнению со скоростью процессов, протекающих в общественной среде, а также о невозможности приспособления человеческого /общественного/ сознания к неправовой социальной среде – к среде, страдающей правовой аритмией.

Винер пишет: "Рынок – игра, находящая свое подобие в семейной игре, известной под названием "Монополия" /настольная игра, в которой игроки играют в "покупку", "аренду" и "продажу" недвижимости. Выигрывает тот, кто станет "владельцем" большей части имущества./. Она строго подчинена общей теории игр, которую разработали фон-Нейман и Моргенштерн. Эта теория основана на допущении, что на любой стадии игры каждый игрок, исходя из доступной ему информации, играет согласно вполне разумной стратегии, которая в конце концов должна обеспечить ему наибольшее математическое ожидание /среднее значение/ выигрыша. Это – рыночная игра, в которую играют вполне разумные и совершенно беззастенчивые дельцы. Даже при двух игроках теория сложна, хотя она приводит часто к выбору определенного

направления игры. Но при трех игроках во многих случаях, и при многих игроках в подавляющем большинстве случаев результат игры характеризуется крайней неопределенностью и неустойчивостью. Побуждаемые своей собственной алчностью, отдельные игроки образуют коалиции; но эти коалиции обычно не устанавливаются каким-нибудь одним определенным образом и обычно кончаются столпотворением измен, ренегатства и обманов. Это точная картина высшей деловой жизни и тесно связанной с ней политической, дипломатической и военной жизни. В конце концов даже самого блестящего и беспринципного мастера ждет разорение. Но допустим, что маклерам это надоело, и они решили жить в мире между собой. Тогда награда достанется тому, кто, выбрав удачный момент, нарушит соглашение, и предаст остальных. Здесь нет никакого гомеостаза. Мы должны проходить циклы бумов и спадов в деловой жизни, последовательную смену диктатуры и революцию, войны, в которых все теряют и которые столь характерны для современности"[24].

Говоря о рынке и конкуренции, нужно, вероятно, считаться с этим рассуждением Винера, более тонким, чем довольно-таки наивные суждения Маркса /"...просто рассчитать, сколько нужно..." и т.п./. Думаю, что оно все же ошибочно, по крайней мере отчасти. Немало крупных компаний существуют многие годы, иные — столетия. Ситуация, вероятно, более верно описывается крылатой фразой Эддингтона: "Непрочность человеческой жизни вошла в поговорку, но мало что может соперничать в прочности с доходами страховой компании".

Почему? Дело в том, что сложная система, выведенная из области устойчивости, не возвращается в положение равновесия, но, напротив, отклоняется от него лавино-

образно, хотя и с конечной скоростью. Когда отклонение достигает некоторой критической величины, система переходит в другое, более вероятное состояние /с более высокой энтропией/ или даже разрушается. Понятно, что этот процесс развивается во времени, и практическое значение имеет его кинетика, в частности оценка времени, потребного для разрушения системы в рассматриваемых условиях ее функционирования. Вообще абсолютно устойчивых систем в природе нет и быть не может /"все течет..."/. Устойчивыми считаются такие системы, время существования которых достаточно велико по сравнению с периодом, характерным для рассматриваемой проблемы. Например, планируя практическую деятельность, никто не учитывает, что солнечная энергия иссякнет, хотя это когда-нибудь и произойдет. Но уже сегодня приходится считаться с перспективой истощения некоторых других энергоресурсов нашей планеты.

Однако достаточно сложные системы и в неустойчивых состояниях способны существовать теоретически неопределенно долго: используя "опережающее отражение", они /сознательно или бессознательно/ могут реагировать на внутренние или внешние возмущения таким образом,чтобы купировать вызываемые последними нестационарные лавинообразные процессы прежде, чем они успеют стать опасными для системы. Когда системы перестают успевать это, они деградируют и разрушаются.

Жизнь – это непрерывная смена неустойчивых состояний. Поэтому вышеприведенное рассуждение Н.Винера нельзя признать доказательным. Вопреки его тезису, будто "каждого маклера в конце концов ждет неизбежное разорение", многочисленные компании успешно действуют на протяжении многих поколений. Они умело приспосабливаются к изменяющейся рыночной ситуации,

предвидят ее изменения /"опережающее отражение"/ и, в свою очередь влияют на них, "сздавая себе рынки сбыта". Если даже и допустить, что они все равно когда-нибудь неизбежно разорятся, то отказываться на этом основании от совершенствования законов рынка так же нелогично, как отказываться от медицины потому, что человек все равно смертен.

Отказываться от борьбы за жизнь мы не согласны потому, что единственная известная нам альтернатива жизни – смерть – нас не устраивает. Если мы поймем, что единственная альтернатива конкурентного рынка – монокапитализм, и поймем, что это такое, то станет ясным, что нет иного способа бороться за свободу, кроме усовершенствования законов конкурентного рынка, как нет иного способа борьбы с болезнями, кроме совершенствования профилактики и лечения.

Тонкость: можно возражать, что организм с обновленными клетками – уже не тот организм, фирма с новым руководством – уже не та фирма и т.д. Но дело в том, что "тот же" означает "способный исполнять ту же нас интересующую функцию". Тождество личности человека до и после облысения не вызывает сомнения у тех, кто общается с ним как с человеком, хотя с точки зрения парикмахера, для которого он только клиент, облысение означает разрушение личности /потерю клиента/.

Следовательно, организм с регенерировавшими клетками или фирма с обновленным штатом остаются теми же, если они сохраняют накопленную ранее информацию и способны к прежней деятельности, хотя и в изменившихся условиях.

По-видимому, и приспособительный потенциал социальной системы как целого, и социальная приспособляемость элементов такой системы во многом зависят от

доступной им скорости и точности "опережающего отражения". Оно позволяет системе в целом и ее частностям заблаговременно подготовиться к своему вероятному будущему и тем самым это вероятное будущее, в известной степени, изменить в своих интересах. Очевидно, и здесь хаотическая неправовая система /произвол правящих сил или другого рода утрата обществом своей правовой стабильности/, как всякая беспорядочно и аритмично меняющаяся среда, усложняет такое "опережающее отражение" и мешает субъекту достичь своей цели.

Рынок, на первый взгляд, – среда полностью беспорядочная, конъюнктура которой образуется непредсказуемыми переплетениями и столкновениями массы случайных факторов, хаотическими вариациями произвольного поведения его элементов,

Но поведение участников конкурентного рынка, т.е. посильная реализация ими своих субъективных критериев и целей, не так произвольно, как кажется на первый взгляд. Оно поддается вероятностному прогнозированию как в целом, так и локально, подчиняется определенным закономерностям и зависит от целого ряда предсказуемых социальных факторов.

Советский философ и экономист Э.Араб-Оглы в ст. "Кибернетика и моделирование социальных процессов" пишет[25]: "На основании исследований, которые были проведены в 1951–63 г. в Калифорнийском университете под руководством Отто Смита, было установлено, что подобная экономическая система /речь идет о капиталистической экономике – прим. Д.Ш./ крайне неустойчива и подвержена периодическим колебаниям, примерно, раз в 10 лет. Введение в систему дополнительного фактора морального износа оборудования, т.е. тенденции к увеличе-

нию продолжительности службы оборудования в период спада и к его обновлению в период подъема, лишь способствовало неустойчивости системы и усилению амплитуды колебаний. "Говоря философски, – пишет Отто Смит, – существуют два фактора, влияющие на нестабильность системы. Одним из них является потеря информации, связанная с задержкой во времени. Это значит, что вкладчики капитала не знают о делах других вкладчиков до тех пор, пока их изделия не появятся на рынке. Другим фактором является петля положительной обратной связи. Пока потребители увеличивают свои расходы порпорционально национальному доходу /вместо того, чтобы экономить/, идет процесс накопления, доводящий амплитуды колебаний до разрушительного характера". Таким образом, электронная модель капиталистической системы наглядно продемонстрировала циклический характер развития капитализма, правильно выявила неизбежность и периодичность экономических кризисов и обнаружила их причину: товарное производство на рынок, ведущее к анархии производства, и отставание платежеспособного спроса, вызванное формой присвоения."

Э.Араб-Оглы только что сам нам сообщил, что, по Отто Смиту, причина кризисов заключается не в товарном характере производства и не в "частной форме присвоения" как таковых, а в запаздывании информированности вкладчиков капитала о процессах, текущих на рынке, и в отставании платежеспособного спроса от предложения товаров рынком. Для уменьшения амплитуды кризисных колебаний надо, следовательно, чтобы информированность участников рынка о рыночной конъюнктуре не только не отставала от самих процессов, но и опережала их/ разумеется, вероятностно/. Другим средством смягчения кризисных колебаний является повышение различны-

ми способами платежеспособности массового спроса. Несколько ниже сам Э.Араб-Оглы пишет: "Эта упрощенная модель капиталистического способа производства впервые была мною изложена десять лет назад[26], и с тех пор она неоднократно приводилась в научной и популярной литературе у нас и за рубежом. Однако комментарии, которыми она сопровождалась, могут дать повод к досадному недоразумению. Дело в том, что в аналоге, с которым экспериментировал профессор Смит, движение информации о состоянии рынка отождествляется с движением самой товарной массы, которая в условиях классической капиталистической экономики была ее материальным носителем. Между тем, за последнее десятилетие, после второй мировой войны, появились дополнительные источники информации о состоянии рынка, позволяющие предвидеть ход экономических процессов независимо от движения товарной массы и задолго до того, как обнаружится изменение цен".

Это значит, добавим мы, что в конкурентнорыночную ситуацию начала проникать свойственная жизни как таковой способность к "опережающему отражению", которой живая природа столь виртуозно владеет на структурном биохимическом уровне и столь поверхностно, в детских, начальных формах, – на уровне логическом, познавательном. В условиях же "классической капиталистической экономики" отражение событий сознанием участников рынка происходило пост фактум, с более или менее значительным отставанием.

Продолжаем цитировать Э.Араб-Оглы: "Парадокс состоит в том, что подобное прогнозирование и предвидение рыночной конъюнктуры стало возможным в значительной мере именно благодаря успехам экономического моделирования, пионером которого был сам Отто Смит, но

тем самым объективно оказалось опровергнутым одно из главных условий, положенных им в основу своей модели /к этому выводу я, разумеется, пришел позже/".

Мы уже замечали, что "опережающее отражение" некоей предстоящей ситуации, позволяющее ее потенциальным участникам заблаговременно и целенаправленно изменить свое поведение, автоматически изменяет и будущую ситуацию, уже не тождественную той, которая развернулась бы при неизменном поведении ее возможных участников. Таким образом, парадокс, отмеченный Э. Араб-Оглы по отношению к модели О.Смита, является частным случаем действия общего принципа "опережающего отражения", посредством которого, меняя свое поведение, люди меняют и самую жизнь.

Э. Араб-Оглы говорит далее:

"... Что же произошло после второй мировой войны? Во-первых, произошло расширение твердого гарантированного спроса, который определенно оказывает влияние на ход информации.

... Во-вторых, появились другие источники сведений о состоянии экономики, помимо информации о состоянии конъюнктуры посредством изменения цен.

Благодаря экономическим и другим прогнозам, благодаря тщательно разработанной схеме взаимной зависимости одних отраслей хозяйства от других, капиталист-предприниматель и государство "/ а также профсоюзы, партии, научные учреждения, издательства, редакции и заинтересованные в этом круги и лица, добавим мы в скобках/" получают информацию об экономическом положении задолго до стихийного изменения цен на рынке".

Дальнейшее просим читать внимательно. Человек, только что объяснивший нам, как научная модель капиталис-

тической экономики, построенная О.Смитом, изменила реальный характер капиталистического производства и сбыта, пишет: "Они, конечно, не в силах изменить анархию производства, *поскольку предвидеть – не значит управлять**, а анархия производства объясняется не просто тем обстоятельством, что одни предприниматели не знают, что делают другие" /и что будут делать покупатели, и сколько их будет, добавим мы/, "а основным противоречием капитализма, частной собственностью, *которая каждого заставляет преследовать свои личные выгоды.* Более достоверная информация, следовательно, не может устранить анархию производства. Но в известных пределах появляется возможность заранее предпринимать некоторые меры".

Так советский исследователь уходит от заведомых и продуктивных выводов, "заранее предприняв некоторые меры" к тому, чтобы его статья была напечатана.

"Предвидеть" – это значит расширить свои возможности управлять, но **управлять своими действиями, а не чужими.** Предвидение само по себе не дает возможности командовать другими людьми, и это "плохо". Частная собственность, точнее – дискретная конкурентная экономика, позволяет каждому преследовать свою собственную выгоду, и это "еще хуже": по разумению марксистского экономиста и философа, каждый должен стремиться к достижению не своей, а "общей" /в реальности – государственной/ выгоды.

Но ни в марксистской литературе, ни в реальной социалистической экономике нет рецептов и механизмов, которые обеспечивали бы поведение, противоречащее естест-

* Наполеон I: "Управлять – значит предвидеть" /gouverne c' est prevoir/.

венному стремлению всего живого преследовать свою выгоду, защищать свои интересы. Весь вопрос в том, что понимать под "своей выгодой" и какими средствами **иметь возможность** ее добиться. Рыночная конкуренция дискретных, не подчиненных общему Центру, поставщиков и потребителей создает ситуацию, не допускающую безразличия к чужим интересам при достижении собственных. Заказ потребителя должен быть выполнен, – иначе поставщик не добьется того, к чему он стремится, – прибыли. Никто не мешает ему располагать этой прибылью по его усмотрению и, обеспечив дальнейшее функционирование своего производства, тратить остаток на чужие нужды. В этом смысле система дискретной экономики никаких запретов на альтруистическое поведение личности не накладывает. Но, разумеется, пренебречь интересами своего предприятия здесь нельзя, ибо немедленно прекратится прибыль, а с нею и возможность быть добрым. В отличие от капиталиста, вынужденного выполнять заказ потребителя, руководитель социалистического предприятия /поставщик товаров, идей, программ, эстетических ценностей и т.п./, преследуя свою выгоду, вынужден ориентироваться на своего вышестоящего руководителя как на ближайшую к нему ипостась единственного в системе работодателя – государства, – независимо от того, насколько это выгодно или невыгодно потребителю. Так, Э. Араб-Оглы, несомненно, правильно понимающий существо анализируемого им процесса, вынужден ориентироваться на государственную цензуру и доказывать, что в условиях капиталистической экономики, пусть даже и не "классической", "преследовать свою выгоду" – это значит когтями и полицейским насилием вырывать кусок хлеба изо рта у голодного пролетария и прибыль – из рук конкурента. Иной вывод для него запретен...

Вернемся, однако, к тому, что является основной темой этой части книги, – к социалистической национализированной* экономике. Итак:

7. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ЭКОНОМИКА И КРИТЕРИЙ ОПТИМАЛЬНОСТИ

А. ОПТИМАЛИЗАЦИЯ "СВЕРХУ ВНИЗ". "Оптимальный план – это наилучший с точки зрения выбранного критерия вариант развития экономики... Выбор наилучшего стабильного варианта экономики предполагает наличие единого критерия оптимальности, позволяющего сравнивать и объективно оценивать разные варианты", – так говорит акад. Федоренко.

Отобрать **для себя лучшее** может только сам **потребитель** данного вида товара, руководствующийся при этом **собственным критерием оптимальности.**

В условиях конкурентного рынка, схему функционирования которого мы предлагали выше, планирующий свою деятельность поставщик **любого** вида вещественных или нематериальных товаров, в том числе идей или услуг, может лишь со все возрастающей степенью точности вероятностно прогнозировать ожидаемый спрос, встречное предложение, поведение своих конкурентов и потребителей, а также изощренно навязывать последним интерес к приобретению именно его товаров в ряду **других предложений.** Волеизъявление же как отдельного потребителя, так и – в конечном счете – совокупности таковых реали-

* Собственно говоря, следует говорить не о национализированной /то есть принадлежащей всей нации, всему обществу/ экономике, а об экономике огосударствленной /то есть принадлежащей государству – монокапиталисту/. Но я использую привычный общеупотребительный термин.

зуется статистически – во всей массе покупок – отказов, определяющих выигрыш или проигрыш поставщика.

Этот достаточно противоречивый, хотя и простой механизм не совершенен:

1/ он грозит катастрофой не предусмотревшему рыночную ситуацию поставщику;

2/ он невыгоден потребителю, не достигающему санкционированного рынком уровня платежеспособности;

3/ он лишен какой бы то ни было нравственной избирательности и безразлично удовлетворяет самые вредные и аморальные /согласно критериям, не разделяемым потребителями каких-то товаров или услуг/ запросы покупателя. Но катастрофы /1/ и /2/ носят локальный характер и имеют ряд профессиональных и социальных противовесов, а порок /3/, очень опасный, не исключает борьбы за цивилизацию спроса, соответствующую нашим критериям добра и зла.

Поставщики, не отвечающие рыночному критерию, либо перестраиваются, либо уступают свое место поставщикам, более угодным данному рынку. При этом они как правило не умирают, а подвергаются какой-то социальной переквалификации.

Неплатежеспособный потребитель в последовательно демократических обстоятельствах вступает в борьбу за повышение своей платежеспособности. На его стороне при этом оказывается и стремление конкурирующих поставщиков к завоеванию рынка путем снижения цен, и стремление конкурирующих политических союзов и партий к завоеванию его голоса путем удовлетворения его запросов и интересов.

Наиболее трудной задачей здесь оказывается **цивилизация спроса**, ибо в условиях свободного рынка общество и потребитель в состоянии заказать и получить прак-

тически **любой** товар, вплоть до смертельно для него опасных*. Общий критерий оптимальности возникает здесь как равнодействующая многосторонней борьбы, и в нем неизбежно отражены /в разной, разумеется, мере/, **все** индивидуальные критерии участников конкурентных рынков.

Социальное качество этих критериев, как индивидуальных, так и глобального, есть проблема не экономическая, так как экономика здесь занята только технологией и процессом **удовлетворения потребностей общества как таковых.** Она не вдается в их качество в моральном, видово-приспособительном, экологическом и прочих аспектах. Ни в коем случае нельзя забывать /забвение об этом всегда социально опасно/, что назначение всех рыночных механизмов демократии – удовлетворение потребительского спроса. **Рынки не производят этического, нравственного отбора потребностей, не оценивают их с каких бы то ни было футурологических позиций.** Для рынка существует два основных критерия: критерий прибыли, т.е. платежеспособного спроса, и критерий технической осуществимости потребительского заказа или сулящего прибыль замысла. Ассортимент предлагаемых рынком товаров не имеет морально-этической и экологической шкалы их ценности, ибо механизм конкурентного рынка так же свободен от каких бы то ни было представлений о нравственности или безнравственности, как всякая другая машина. Понятия гуманности, морали, этики, целесообразности, спорные, относительные и расплывчатые для самих людей, в этот стихийно ими

* Подчеркиваю это для тех, кто склонен усматривать в рассуждениях, подобных этому, апологию конкурентного рынка и защиту его "абсолютной" свободы.

созданный механизм не вмонтированы. Он с одинаковой готовностью снабжает общество научно-техническими идеями, порнографией, морально-этическими концепциями, фильмами ужасов, шедеврами искусства, противозаконными услугами вплоть до убийств, хлебом и алкоголем, молоком и наркотиками, социальными исследованиями и аппаратурой подслушивания, евангелиями и оружием и т.п. и т.п., обходя при наличии платежеспособного спроса и технической вьшолнимости все законодательные и полицейские тупики и ограничения. Более того: при достаточном единодушии избирателей /потребителей политико-идеологических услуг/, политический конкурентный рынок обеспечивает им даже... диктатуру, т.е. свою собственную смерть. Так было, например, в Германии 1933 года, когда Гитлер и его партия пришли к власти посредством демократических выборов. Но, вероятно, никто не станет предъявлять претензии типографской машине из-за того, что на ней печатают не только хорошие, но и плохие, с чьей-то точки зрения, книги. Типографская машина безотказно размножит, например, приказ о запрещении книгопечатания, об уничтожении всех печатных машин. Еще глупее, чем осуждать машину за печатание дурных или вредных, понашему, книг, было бы отказаться от ее, машины, услуг и вернуться к гусиным перьям, которыми были написаны некоторые хорошие книги.

Перед обществом, обладающим столь эффективным механизмом удовлетворения своих потребностей, как конкурентный демократический рынок, стоит не задача уничтожения этого механизма из-за его моральной неизбирательности, а гораздо более сложная задача – **цивилизация собственного спроса, т.е. своих /всех или большинства своих сочленов/ собственных качеств.**

Цивилизация спроса, т.е. цивилизация самого потребителя, личности, ее представлений о благе, своем и общем, ее критериев оптимальности, приобретает в условиях демократии первостепенно большое значение. Чем шире наши общественные возможности, тем важнее для нас уметь выбирать /или угадывать/ наиболее выгодные/ для себя и других/ из этих возможностей, тем важнее оптимально – с точки зрения общества и личности – трактовать понятие личной выгоды.

Путь к свободе может проложить для нас кто-то другой. Пути в свободе выбираем мы сами, и выбираем чаще всего вслепую и наугад.

Субъективные критерии престижа, успеха, блага, пользы, добропорядочности, целесообразности, удовлетворения, справедливости, добра и зла, желательного будущего и т.п. важнее всего не в их литературно-философской, всегда элитарной, форме, а в качестве руководящих начал и личных движущих стимулов частной и общественной жизни каждого человека.Чем свободней общество,тем весомей в его судьбе качества /потребности/ личностей и групп, составляющих его. Двусмысленный феномен личной свободы настойчиво требует субъективной бдительности к смыслу своих и чужих потребностей, к сути своих и чужих критериев блага. Демократическому обществу трудно – при размахе доступных ему возможностей самоудовлетворения – выбирать, нащупывать, защищать выгодные и для его сочленов, и для системы в целом способы существования. Трудности усугубляются недемократическим окружением такого общества извне, о чем несколько ниже.

Из-за всех этих /и многих других/ трудностей свободного существования и издержек конкурентной борьбы постоянно возникает соблазн отказаться от конкурентно-

рыночного "рыскания по курсу" в колебательных поисках трудно уловимого оптимума и, определивши этот оптимум "точно", обеспечить надежную "правильность" общественной траектории "раз навсегда". Известную часть интеллектуальной верхушки общества идея сознательного построения "правильных" общественных отношений /с исключением из них конкуренции с ее недостатками/ соблазняет всегда. В широких общественных слоях эта идея приобретает особую популярность в условиях какой-либо серьезной дестабилизации.

Таким образом, несовершенств и проблем здесь чрезвычайно много; они возникают постоянно и непрерывно; однако нет предопределенного тупика, исключающего надежду их перманентно же и разрешать.

Социализм ломает преисполненный **несовершенства** автоматизм капиталистических конкурентных рынков и обещает организовать выработку и воплощение в жизнь "истинного" всеобщего /?/ критерия оптимальности без **погрешностей и издержек**. Для начала предлагается **уничтожение, а не конфликтное совершенствование** неполноценного конкурентнорыночного механизма. Пресловутый младенец при таком подходе к механизмам конкурентного рынка очередной раз вылетает из общественного корыта вместе с грязной водой.

Вот что пишет об одном из последствий такого подхода акад. Трапезников[27], рассуждающий, казалось бы, совсем о другом, а на деле именно об этой проблеме: "... вопрос касается коэффициента усиления в системах управления экономикой /этот коэффициент, упрощенно говоря, показывает, во сколько раз результат превосходит вызвавшую его причину/. В капиталистических условиях этот коэффициент очень высок: в самом деле, изме-

нение себестоимости продукции на 2-3% /следовательно, и прибыли/ немедленно отражается на курсе акций и ведет к перетоку капитала. Высокий коэффициент усиления убыстряет переходные процессы, способствуя тем самым техническому прогрессу". Что это значит в применении к критерию оптимальности, о котором шла речь выше? Это означает, что общество /рынок/ отказывает в поощрении /прибыли/ дорогостоящему /или ненужному/ производству и немедленно "перекачивает" /посредством такого отказа/ капитал туда, где он, по мнению потребителя /т.е. общества/, нужнее. Там предприниматель и получит прибыль.

"С другой стороны, при наличии запаздывания информации о состоянии рынка, высокий коэффициент усиления приводит к колебаниям, характерным для капиталистической экономики.

У нас коэффициент усиления чрезвычайно мал: долгое время рассчетная себестоимость разных продуктов /уголь, металл и пр./ на десятки процентов отличалась от действительных затрат общества на их производство. *И это просто оставалось незамеченным, хотя это несомненно отодвигало экономику от оптимума**.

С одной стороны, низкий коэффициент усиления является достоинством, т.к. он снимает колебания в экономике, с другой стороны, низкий коэффициент усиления делает систему почти разомкнутой /у нас крайне слаба обратная связь, обусловленная воздействием потребителя на производителя/,** что лишает ее автоматизма в кор-

* То же явление наблюдается сегодня во многих квазикапиталистических социальных системах, например, в Израиле. Централизованная регуляция хозяйственных процессов зашла там так далеко, что коэффициент усиления близок к советскому.

** Я бы сказала не "на производителя", а "на поставщика",

рекции на минимум общих затрат. Поэтому задачу оптимализации приходится всецело решать расчетным путем, что весьма трудоемко и не всегда приводит к цели".

По мнению акад. Трапезникова, размах колебаний в капиталистической экономике обусловлен запаздыванием информации о состоянии рынка. Уменьшить запаздывание, обеспечить поставщика опережающей прогнозивной информацией значит резко повысить устойчивость экономики, что, собственно говоря, и произошло в развитых странах за последние 40 лет.

Вместо такого сравнительно простого метода оптимизации наличного экономического механизма, марксизм продолжает настаивать на необходимости уничтожения этого механизма, а вместе с ним – и способности общества автоматически сводить к минимуму свои затраты на производство*.

Только что акад. Трапезников сказал, что обеспечить такую коррекцию расчетным путем трудно, а порой невозможно, и тут же он вынужден предложить новую "очередь" трудоемких и неэффективных расчетов: "Значит, надо определить наиболее целесообразную величину коэффициента усиления и обуславливающих его стимулов. Очевидно, наша система, в отличие от капиталистической, должна быть комбинированной, т.е. двухканальной: с заданным воздействием "по плану" и с автоматической коррекцией в зависимости от случайных отклонений".

ибо в советских условиях между потребителем и производителем стоит всесильный монополист – скупщик и поставщик – государство.

* Характерно, что большинство развитых некоммунистических стран, устав от неустойчивости конъюнктуры, порождаемой высоким коэффициентом усиления, тяготеют к тому же. Однако во всех случаях это путь в тупик.

Капиталистическая экономика и является "двухканальной", ибо предприятие и ряд других инстанций и объектов в системе действуют планово и целенаправлено, а рынок по каналам обратной связи санкционирует или не санкционирует их действия. Акад. Трапезникову лучше, чем нам, известно, что привлекающие его свойства капиталистической экономики обусловлены приоритетом второго канала – канала связи от потребителя к поставщику. Известно ему и то, что в условиях диктаторски централизованной социалистической экономики поставщик /он же работодатель/ не допустит приоритета потребителя в этой игре. Все его социальные преимущества, само его социальное существование связаны с отсутствием истинного, т.е. неотвратимого, автоматического воздействия потребителя на не знающего конкуренции монокапиталистического поставщика – государство. У поставщика и у потребителя заведомо разные системы отсчета оптимальности: поставщику выгодна цена высокая,потребителю – низкая; поставщику безразличны потребительские свойства товара – для потребителя они важнее всего остального, кроме доступной цены; поставщику выгодно отсутствие конкуренции в предложении – потребителю выгоден как можно более широкий выбор. Однако советские ученые и публицисты упорно предлагают "идеальному совокупному капиталисту" Энгельса, государству-монокапиталисту*, действовать не в его интересах, а в интересах безвыходно зависимого от него потребителя /он же –

* Термин "монокапитализм" как определение советской системы был предложен в 1944 году моим другом и однодельцем Марком Черкасским. Тогда этот термин канул в недра ГУЛага. В конце 1950-х г.г. в Самиздате появился термин "единокапитализм", принадлежащий Ю. Пименову. Марк Черкасский таинственным образом исчез в СССР в 1971 году.

наемный работник того же "идеального" совокупного "монокапиталиста"/.

В этом неразрешимом противоречии кружится вся советская экономическая мысль, пытающаяся улучшить социализм, не становясь при этом в смертельно опасную оппозицию к всесильному монокапиталисту*. Н.П.Федоренко косвенно тоже признает все те ограничения, которые противостоят попытками оптимализировать социалистическую экономику, не вводя в нее опасных для государства-монокапиталиста факторов конкуренции. Он просит "учесть два важнейших обстоятельства:

А/ невозможность в таком сложном организме, как экономика Советского Союза, предусмотреть из одного центра все, т.е. согласовать многообразные и детальные потребности общества со столь же многообразными возможностями и ресурсами.

Б/ необходимость обеспечения непосредственной заинтересованности управляющих органов, коллективов предприятий и отдельных работников в соблюдении и осуществлении оптимального плана...

Важно лишь, чтобы планирующие органы определили такие значения переменных /показателей/, которые стимулировали бы подчиненные им объекты к принятию плановых решений, оптимализирующих глобальный критерий".

Прошу прощение за мелочное копание в формулировках, но за их суховатыми фразами стоят судьбы: сегодня

* Первым стал в эту классическую для монокапитализма позицию Н. Бухарин, стремившийся совместить партократию с мирным соревнованием государственного и частно-кооперативного секторов экономики. Но такое соревнование, не будучи политически однозначно предопределено государством, гибельно для диктатуры. Поэтому Бухарин был обречен.

— **почти миллиарда**, завтра — **миллиардов** людей. За право играть, ими — в интересах своих и своих хозяев — жонглировать пролиты, уже **пролиты** реки крови. Либо развалятся небоскребами на сыпучих песках эти формулировки, либо — ради цементирования песка, на котором они стоят, — прольются новые океаны крови. Вдумаемся в эти формулировки: силами Центра согласовать потребности общества с его возможностями нельзя; в отыскании каких-то относительно благополучных форм такого согласования не заинтересованы сами управляющие органы; нельзя рассчитать даже глобальных критериев оптимальности, но следует рассчитать еще и такую ситуацию, при которой все, включая органы управления и планирования, "захотели" бы "оптимализировать" глобальный критерий!!!

В цитируемых нами работах отчетливо проступает еще одна черта, общая всем советским экономистам и специалистам по управлению, занятым глобальной экономической проблематикой: стремление искусственными, расчетными методами восстановить разрушенные капиталистические взаимодействия, но не восстанавливать при этом капиталистической конкуренции, не вводить факторов, способных посягнуть на абсолютную внеконкурентность государства-монокапиталиста.

Все "блага", генератором которых является конкурентный рынок, должны исходить из Центра системы — от ее всесильного распорядителя. Надо только "нащупать" и "рассчитать" такой комплекс команд, который стимулировал бы систему без всякой к тому безвыходной необходимости моделировать в своей повседневной жизни, на всех ее уровнях неотвратимость конкурентнорыночного отбора. Но дело не только в том, что никто не знает, как рассчитать такие команды, не вводя в систему факто-

ра истинной экономической демократизации, т.е. свободной инициативы и конкуренции, – дело в том, что их объективно нельзя рассчитать.

М. Поповский[28] рассказывает об одном алма-атинском ученом – докторе биологических наук В.М.Инюшине. Я не буду вдаваться ни в научно-технологические аспекты деятельности Инюшина /мне это не под силу/, ни в его морально-этические критерии /здесь все ясно/.Рассказ М.Поповского о докторе Инюшине заинтересовал меня со стороны проблем управления, которым посвящена моя книга. М.Поповский пишет: "Исследования Инюшина касаются световых излучений живой ткани. Он установил, что излучения эти можно использовать как сигнал об энергетическом резерве и физиологическом состоянии органов и тканей. Падение уровня "живой энергетики" /опять энергетика!/ можно восполнять в организме направленным потоком красных лучей, которые несут в себе наибольший энергетически богатый заряд. Исходя из этого взгляда, биолог Инюшин предложил лечить некоторые болезни, облучая больных ориентированным и чистым красным светом. Он сам создал генератор такого света и собрал большой коллектив врачей, биохимиков, физиков, физиологов и инженеров для изучения световых эффектов в живой природе". Далее следуют высказывания самого Инюшина: "Личность ценна только в том случае, если ее вектор обращен вперед, в будущее. Первоначальной, не зависимой ценности личности нет и быть не может, так как всякая личность есть, прежде всего, часть целого, а целое – это общество. Общество более всего нуждается в прогрессе. Ценность личности поэтому зависит от того, насколько она участвует в общественном и техническом прогрессе, направленном на совершенствование общества в целом. Современный человек, достиг-

нув сравнительно высокого уровня материальной культуры, склонен искать интерес в самом себе, в своем духовном мире. Мы видим, что вокруг нарастает разнобой вкусов и стремлений. Между тем, вследствие прогресса должно возникнуть гармонизированное общество, общество в котором устремления каждой отдельной особи находились бы в сочетании со всем обществом, наподобие гармоничных отношений клеток нашего тела. Такую гармонизацию надо проводить планово. Надо гармонизировать общество на научной основе с тем, чтобы /это неизбежно!/ люди ради общего прогресса отказались от собственных вкусов и стремлений".

Далее следует рассказ М. Поповского:

"Я прервал Инюшина замечанием, что такая гармонизация представляется мне жестокой стандартизацией, что она поведет к обнищанию духа, к смерти личной, творческой инициативы, искусства и самой науки; что попытки такие уже делались и предпоследняя произведена была в Третьем Рейхе; что неуспех этого предприятия у всех на памяти. На это Виктор Михайлович спокойно отвечал, что все прежние попытки гармонизировать общество не удались только из-за того, что не были достаточно научно обоснованы. У него же есть рассчитанный на несколько лет научный план. Он надеется построить за это время уже начатый им психогенератор, аппарат, который сможет на расстоянии умерять страсти одних, добавлять оптимизм другим, твердость духа третьим и т.д.

"Если, например, где-нибудь в Иванове на текстильной фабрике, где работает несколько тысяч женщин, установить такой генератор, то с его помощью можно будет дать тяжело работающим, неустроенным в личной жизни, истеричным женщинам чувство счастья. А это, в свою очередь, поведет к повышению производительности труда на фаб-

рике. Тот же аппарат сможет побудить усталых рабочих к половой активности,если это необходимо для повышения рождаемости в стране".

Такого рода исследования и изобретения весьма популярны в научной и в социальной фантастике. Они страшны перспективой превращения человека в неживой объект управления, образованный из живой материи. С точки же зрения идеала тоталитарных способов управления, в открытиях, изобретениях /или бреде/ доктора наук Инюшина нет ничего оригинального, кроме технологии. "Улучшиться", успешнее достигать общенародных созидательных целей с помощью "лучей", стимулирующих половую и трудовую активность граждан, Центр диктатуры не сможет. Во-первых, даже /допустим, что/ обретя техническую возможность влиять на поведение, настроение и действия каждого человека, Центр диктатуры останется, по-прежнему, не в состоянии узнать о каждом человеке все необходимое для всеобъемлюще целенаправленного воздействия на его поступки. Во-вторых, Центр диктатуры, по-прежнему, не обретет информации для выработки далеко идущих эффективных планов своего собственного поведения, для постановки перед собой действительно необходимых (?) обществу целей (?). Способность Центра вертеть людьми по своему произволу не уничтожит ни одного из тех информационных ограничений, о которых я говорила выше. Центр будет вынужден проявлять свою возросшую власть, по-прежнему, слепо и произвольно. Нефальсифицированный анализ собранной статистиками информации, если Центр рискнет разрешить этот анализ хотя бы узкому кругу честных ученых, покажет,что наилучшим способом принести обществу пользу был бы со стороны Центра его отказ от собственной политической, идеологической и экономической внеконку-

рентности. Не приняв такого решения, Центр вынужден будет сконцентрировать все чудодейственные изобретения своих инюшиных на двух направлениях: дезинформация граждан и подчинение их решениям Центра, способствующим сохранению Центром его внеконкурентности. Если Центр от своей внеконкурентности не откажется /или не будет ее лишен/, то всякое увеличение управляемости его поданных будет способствовать только машинизации их поведения. Рост потенциалов дезинформации и принуждения может увеличить боеспособность Центра, но не сделает его поведения ни на йоту разумнее с точки зрения его поданных, не увеличит созидательных, творческих потенций тоталитарной системы, могучей только во зле.

Заканчивая этот раздел, я рискну привести еще один пример рассуждения о критерии оптимальности, принадлежащего советскому экономисту. Не забыв сообщить то ли читателю, то ли цензуре, что на знамени новой формации начертано: "Все – во имя человека, все – для блага человека", – Н.Я. Петраков рисует такую картину: на высшем уровне системы "экономика" /в нашей терминологии – на уровне Центра/ вырабатывается глобальный критерий оптимальности, который является обязательным для всех прочих уровней /предприятия, объединения, отрасли/. Этот критерий спускается сверху вниз, так что на каждом уровне локальный критерий оптимальности задается вышестоящей инстанцией. Автор делает вывод, что "... критерий оптимальности экономической системы может быть введен лишь на основе анализа всей совокупности общественных отношений, социально-экономической формации в целом". Затем, после вполне благонамеренных рассуждений об участии в выработке такого критерия всего советского общества, Н.Я.Петраков заключает:

"Все сказанное выше дает основания предполагать, что при определении аксиоматики оптимального планирования и управления постулат о наличии народно-хозяйственного критерия оптимальности должен быть дополнен постулатом об априорной неопределимости этого критерия". Далее идти некуда.

В системе нет инстанции, разум которой, подобно совокупному "разуму" рынка или биоценоза, дает себя знать хотя бы "пост фестум". А предварительное включение в эту систему разума /критерия оптимальности, следовательно, и разумной цели/ должно быть априори исключено. Комментарии, как говорится, излишни...

*Б. КРИТЕРИЙ ОПТИМАЛЬНОСТИ И ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ**. Одним из эпохальных нововведений, которые должны обеспечить бесперебойное действие СОФЭ академика Федоренко, является переход от стоимостного ценообразования к ценообразованию, отражающему в себе меру полезности оцениваемых вещей для общества в целом и для потребителя.

После того, как мы пришли к выводу о невозможности для центрального экономического планирования расчетного определения глобального, а следовательно – и локальных критериев оптимальности, переход к оценке вещей с точки зрения их "полезности" (?), "их вклада в уровень благосостояния людей" (!) /акад. Федоренко/ выглядит особенно трогательно.

* Я не стала бы уделять так много внимания хронологически отнюдь не новой работе акад. Федоренко, в частности – в вопросе о ценообразовании, если бы его взгляд не был столь характерным и не варьировал бы, в сущности, неизменную и фундаментальную основу взгляда марксистов-ленинцев на эту проблему. Этот взгляд для них неизбежен и последовательно – с ленинских до наших времен – является предпосылкой их практики в этой области экономического управления.

Классический марксизм не прогнозировал характера коммунистического /социалистического/ ценообразования по той простой причине, что намеревался отменить деньги после своей победы.

Рассматривая цену товара как денежное выражение его стоимости /денежный эквивалент овеществленного в нем общественного труда/, Маркс и его ближайшие последователи неоднократно подчеркивали стихийный, общественно-бессознательный характер процесса рыночного ценообразования, о котором Маркс говорил: "... совокупное движение этого беспорядка есть порядок".

В свое время марксисты высмеивали "мелкобуржуазных социалистов", желавших "конструировать стоимость", "т.е. /цитируем Каутского тех времен, когда, по выражению Ленина, "он был марксистом, а не ренегатом"/ установить ее раз и навсегда, чтобы "очистить" товарное производство от его "дурных сторон" и сделать его вечным, ...установить эти мнимо естественные причины и определить относительно каждого вида труда, в каком размере он создает стоимость. В действительности же это причины общественные и притом непрерывно изменяющиеся". "При общественном присвоении денежный капитал отпадает", "прежде всего отпадает денежный капитал", – повторяет Маркс, – постоянно подчеркивая, что не имеет ни малейшего смысла говорить о "сознательном" социалистическом ценообразовании.

Напоминаем: российские большевики со всей серьезностью спорили о сроках и порядке отмены денег даже в 1922 году – на XI съезде РКП(б).

Я не стану рассматривать здесь сугубо экономические проблемы ценообразования. Замечу только, руководствуясь чисто житейской логикой: любой поставщик заинтересован в поддержании цены на свой товар на верх-

нем уровне платежеспособности покупателя. В условиях конкурентного рынка у поставщика есть три основные возможности одолеть конкурентов:

1/ повысить качество своей продукции, ее потребительскую ценность; открыть новые области спроса; предложить новый товар;

2/ понизить себестоимость товара /издержки производства/, чтобы уменьшить цену его, не лишаясь прибыли;

3/ монополизировать предложение.

Первые две возможности выгодны и поставщику, и обществу /второму больше, чем первому/; третья для общества в высшей степени невыгодна, более того – катастрофически опасна: монопольный поставщик способен навязать обществу дурной товар за высокую цену.

Полная национализация производства производит качественный переворот в экономике, скачкообразно и полностью осуществляя третье из перечисленных нами условий выигрыша поставщика: сбыт монополизируется сразу. Во всех областях экономики, в том числе – в области предложения рабочих мест. Победа над конкурентами означает для полного победителя одновременно победу над потребителем и над наемным работником.

В первые же месяцы существования советской власти Ленин недвусмысленно заявил и многократно потом повторял, что ценообразование есть инструмент государственной политики. Государство – монокапиталист не имеет не только никакой нужды конструировать цену соответственно стоимости своих товаров – оно не имеет и никакой возможности это сделать. В одних случаях оно устанавливает цену наугад, соответственно той урезанной и искаженной, всегда запаздывающей информации, которой располагает. В других /и таких – большинство/ оно декретирует ее в своих интересах, без всякой связи с

общественными затратами на производство того или иного вида товара. Разрыв между себестоимостью и ценой, по опубликованным свидетельствам советских авторов, достигает часто сотен процентов.

Акад. Федоренко справедливо замечает, что "расчетным путем невозможно определить относительно каждого вида труда, в каком размере он создает стоимость" /вспомним, как Маркс и Ленин предлагали рабочим на производстве выдавать друг другу расписки о том,какое количество (?) труда (?) каждый из них отработал за день, чтобы потом, по этим распискам, рабочие получали из близлежащих кладовых "соответствующее количество" потребительских благ, – мы не шутим: перечитайте хотя бы "Государство и революцию" Ленина/.

Акад. Н.П. Федоренко не уверен так же и в том, что "действительно ли товары народного потребления с одной стоимостью равнозначны". Странное определение – "равнозначны"! 50 – это больше или меньше? Несомненно, акад. Федоренко сумел бы отчитать чудака, рискнувшего задать подобный вопрос. Равнозначны – в чем? С чьей точки зрения? В какой системе отсчета? По каким параметрам? 50 – больше или меньше чего?.. По Марксу, они равнозначны только по стоимости /ак. Федоренко тоже определяет их как товары "с одной стоимостью", т.е. равные в этом смысле/. Это должно означать, что затраты труда на их производство равны. Нереальность для социализма стоимостного ценообразования состоит в первую очередь /даже если отбросить субъективную логику государства-хозяина/ в том, что такое ценообразование невозможно осуществить аналитическими, расчетными, формально-математическими приемами.

Пишет же сам академик: "... остается необъяснимым, откуда можно получить общественно-необходимые затра-

ты труда на производство продукта до составления плана развития народного хозяйства, задача которого состоит в том, чтобы выбрать наиболее эффективные способы производства продукции". Действительно — откуда?

Для определения трудовых затрат нужен предварительный достоверный баланс трудовых затрат, а в СССР, по данным Т. М. Бардина[29], лишь в 1962 году был разработан баланс трудовых затрат за 1960 год, а в 1967 году ЦСУ "начало работать над составлением межотраслевого баланса производства и распределения в народном хозяйстве СССР за 1966 год. Эти данные позволяют полнее судить об уровне производительности труда в настоящее время".

Откуда же взяться нефальсифицированным централизованным стоимостным показателям?

Что же предлагает СОФЭ взамен этих несовершенных стоимостных показателей?

Определение цен на товары по полезности товаров для всего общества и для каждого потребителя в отдельности. Час от часу не легче.

Рыночная цена включает в себя в процессе своего многостороннего образования и потребительскую оценку, т.е. оценку по субъективно осознаваемой полезности товара для покупателя.

Но как "сознательно", со стороны, централизованно соизмерить вещи по их полезности для тех, кто их купит?

Как объективизировать такую субъективную категорию, как полезность? Да еще полезность предметов материального и духовного потребления? Каковы единицы измерения полезности?

И как филантропическая ценообразующая инстанция СОФЭ будет "отражать" "полезность" в цене: заботясь о благе потребителя, продавать ему полезные товары де-

шевле, а вредные – дороже? Или, наоборот, стремясь к повышению прибыли, повышать цену на то, что люди считают для себя насущно необходимым? Академик предупреждает часть наших вопросов: "Наукой уже предложены некоторые подходы к соизмерению между собой потребительских благ по их общественной полезности". "Потребительских благ по "общественной полезности"? Почему же не по субъективно осознаваемой их личной полезности? "Может быть, наиболее последовательным путем решения этой проблемы является нормативный (!) подход, который предлагает активное общественное (!) воздействие на формирование потребностей, нахождение меры и последовательности их удовлетворения".

Это – точно. Здесь и зарыта собака: всесильный и всеобъемлющий монокапиталист, определяющий цену труда, ассортимент и цену товаров, вкусы и образ мыслей своих рабов, неизбежно определяет еще и последовательность и меру удовлетворения потребностей общества, решая за каждого, что для него полезно, что вредно, и оперируя ценами по-ленински – как безотказным рычагом государственной политики. И заметьте: мы тоже говорили выше о необходимости цивилизации спроса, т.е. о воспитании критериев и потребностей, но в какой связи? Мы говорили о безотказности рыночного конкурентного механизма в удовлетворении потребностей общества – его больших и малых групп, любого платежеспособного спроса.

Мы говорили об абсолютном аморализме рыночного предложения, обеспечивающего любой платежеспособный спрос, и об опасности этого морального нейтралитета. В связи с этим мы говорили о социальной опасности нецивилизованного и близорукого спроса, заказывающего рыночному механизму самоубийственные /подчас/ товары,и

о насущной и настоятельной необходимости отыскания демократических способов цивилизации спроса.

Рынок с одним поставщиком – это тоже рынок, ибо на нем присутствуют поставщик, товары и потребители. Но на этом рынке предложение утрачивает свой моральный нейтралитет, точнее – свою моральную слепоту и глухоту, "невмонтированность" в него этических побуждений и моральных критериев. Жадность поставщика, его своекорыстие, ограничиваемое и нейтрализуемое в условиях свободного рынка конкурентами и демократической ситуацией, становятся его "моралью", его "этикой" – всепобеждающим поведенческим принципом, не встречающим в обществе никакого противодействия.

В таких условиях то, что мы определяем как цивилизацию спроса, немыслимо, ибо здесь оно означает не просто отказ от покупки и поиски другого товара, а бунт, восстание, войну не на жизнь, а на смерть против всесильного монокапиталиста, против системы.

"Заметим, что понятие общественной полезности потребительских благ нельзя отождествлять с предельной полезностью, основанной на субъективно-психологическом предпочтении благ".

В двух последних высказываниях академика мы встречаемся с весьма типическим случаем марксистской терминологической мимикрии: уже в ленинские времена была без излишних комментариев и деклараций произведена подмена термина "пролетариат" термином "партия", термина "государство" – термином "общество". Когда Федоренко говорит об "активном общественном воздействии" на потребности покупателей государственных товаров, когда он разглагольствует /иначе этих демагогических формулировок не назовешь/ о нетождественности потребностей "общественных" потребностям личным, за

термином "общество" скрыто у него государство — институт, всему обществу далеко не тождественный. Времена, когда марксисты дискутировали по поводу "государственности" и "безгосударственности" социализма, "классовости" и "бесклассовости" его, в СССР давно прошли: затруднения и противоречия были сняты подменой терминов. Взаимоисключенность указанных терминов /в данном констексте/ никого не смущает.

"Для построения цен необходимы данные не только о затратах на производство, но и о размерах и структуре общественных потребностей. Степень потребности в том или ином продукте и общественная полезность его в значительной мере определяют и уровень цены... чем выше полезность вещи" /читай: желание потребителя ею обладать/, "тем более высокие затраты /при данных ограниченных ресурсах/ признаются обществом необходимыми". Вот какие острые когти выглядывают из обтекаемых формулировок очередного блюстителя "общественной пользы"!

Отбросим демагогию, и станет ясно, что экономический советник "идеального совокупного капиталиста" /монокапиталиста/ рекомендует хозяину держать цену товаров, которые покупатели считают для себя необходимыми, на верхнем пределе их платежеспособности.

Почему-то академику Н.П. Федоренко кажется, что при переходе от нынешнего государственного ценообразования к модели СОФЭ*, государство обретет способность,

* Непонятно, чем эти два метода ценообразования отличаются друг от друга: поскольку ни для расчета трудовых затрат, ни для определения субъективных и объективных потребностей у ценоопределителей нет достаточных данных, дело сводится в обоих случаях к ценообразованию в интересах поставщика-хозяина, и при этом к ценообразованию произвольному, "на глазок".

в которой он только что ему отказывал, – способность сознательной и своевременной выработки "народнохозяйственного критерия оптимальности", "в котором все основные группы предметов потребления и услуг получат единообразное (?) измерение (?) по их общественной (?) полезности (?). Помимо этого формируются виды и количества конечных продуктов, необходимых для обороны страны, а также ряд других факторов, без которых немыслимо существование страны в современных условиях".

"Оборона", поддержка самых тупиковых и агрессивных режимов мира, провокация военных конфликтов, наводнение мира оружием, обеспечение покорности сателлитов, процветание правящей касты и ее "обслуги", стабилизация нелепых, жестоких, беспомощных, невыгодных обществу и лицам общественных отношений, плата за нерациональность способа производства и организации – все это обеспечивается грабежом, ради которого и существует.

В. ОПТИМИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭВМ. Возникает парадоксальная ситуация, когда по признанию ряда самых благонамеренных советских специалистов, вычислительная техника, столь необходимая централизованной экономике, используется в ее условиях реже и менее эффективно, чем при отсталом и реакционном капитализме.

Опять принципиальная неувязка с первопостулатом марксизма: то ли производительные силы не определяют производственных отношений, то ли социализму не присуще использование передовой техники и технологии, а посему, согласно марксистской исторической логике, он не может считаться передовой формацией по сравнению с использующим эту технику капитализмом.

"Все упомянутые "информационные" области, за последнее время быстро развивающиеся за рубежом, у нас оказались неразвитыми", – говорит акад.Трапезников в уже упомянутом нами докладе.

И перечисляет:

"1/ Научное и производственное приборостроение, обеспечивающее сбор информации о состоянии объектов;

2/ разнообразные средства связи, передающие собранную информацию;

3/ вычислительная техника, способствующая быстрой и полноценной переработке больших объемов информации;

4/ автоматические и другие системы и устройства управления, перерабатывающие информацию и создающие необходимые воздействия на управляемый объект;

5/ наука, понимаемая в широком плане, включающая исследования и разработки, которая по существу является производством знаний[30].

По словам акад. Федоренко, ЭВМ не могут быть эффективно использованы планирующими инстанциями СССР не только из-за принципиальной невозможности получения "полной по объему и ежегодной информации" о столь сложной системе, но и по ряду иных причин: "Параллельная обработка одной и той же информации в десятках органов управления, чем занята подавляющая часть всех работников управления; существенное расхождение и несопоставление планово-отчетной, финансовой и иной информации; разветвленность и запутанность потоков информации, ведущая к перегрузке как органов управления, так и предприятий; дублирование информации во всех звеньях; запаздывание обратной информации; потеря информации в каждом звене управления; пестрота документации, мешающая успешно внедрять машинную обработку информации; громоздкость докумен-

тов; огромное число показателей, перегружающих работников предприятий и планово-учетных органов большой и ненужной работой, которая дублируется в каждом последующем звене; отсутствие сколько-нибудь эффективных средств контроля информации; несоответствие имеющейся информации требованиям оптимального планирования и управления народным хозяйством..."

Постепенно оптимистические заверения, что СОФЭ, неосуществимая именно в силу фундаментальных качеств "большой системы", способна устранить все пороки, вытекающие из тех же качеств, начинаешь воспринимать как стремление ученого, вопреки всем запретам и ограничениям, наложенным на него системой, сообщить читателю правду. Может быть, отсутствие логической связи между посылками и выводами тоже есть способ сообщения информации, естественный для такой противоестественной структуры, как монокапиталистическая диктатура?..

Тем более, что проверка СОФЭ и других сходных с ней "панацей" вполне соответствует известной притче о том, как Ходжа Насреддин взял на себя обязательство научить эмирова осла грамоте за 20 лет: за такой срок, рассудил Ходжа, кто-нибудь да умрет: или он, или эмир, или осел... Мы полагаем, что не одно поколение учеников академика Федоренко успеет с комфортом выспаться на его "софе". Заместитель заведующего отделом плановых и финансовых органов Комитета народного контроля СССР А.Петров пишет в "Правде"[31] : "Только в основные отделы нефтепромысловых объединений поступает свыше трех миллионов печатных знаков цифровых документальных сведений. Из них 75% не используются... Вычислительной техники в статистических органах еще мало. Да и та, что имеется, используется непродуктивно, время полезной загрузки не превышает 50%. Г.Белов, начальник Главно-

го архивного управления при Совете Министров СССР, пишет: "В Министерстве химической промышленности СССР, хотя здесь дело обстоит с делопроизводством не хуже, чем в других ведомствах, в 1967 году оборот деловых бумаг составил 683 тысячи документов, на 160 тысяч больше по сравнению с прошлым годом. Кроме того, издается свыше 450 тысяч приказов и директивных писем. Всегда ли оправдана такая бумажная лавина, такой "круговорот" документов? Нет. Многие документы проходят многократно через одни и те же инстанции ... просто из-за плохой постановки дела. Это беда и других ведомств. Например, в аппарате Клинского горисполкома письма трудящихся проходят более 25 различных стадий и операций... Такое обилие документов не всегда позволяет даже прочесть их внимательно, не говоря уже об исполнении"[32].

"Из-за плохой постановки дела"... В 1918—1923 г.г. Ленин со все нарастающим беспокойством /в конце — с отчаянием/ констатировал те же явления и относил их сначала за счет обилия старых чиновников в советских органах управления /того государственного аппарата, который, по рецептам классиков, намеревался "взорвать", "сломать", "уничтожить" и который неуклонно рос год от года/; затем — за счет мелкобуржуазности большинства населения крестьянской России; затем — за счет безграмотности нового руководства, за счет "плохой постановки дела", за счет... Он сыпал разносами, рецептами, проектами реорганизаций, утопиями — одна беспомощнее другой, а "постановка дела" не менялась, потому что не могла измениться без отказа от монокапиталистического диктата. Ленин же категорически, со всей беспощадностью отвергал подобный отказ.

"Обследование одного из Министерств показало, что

по ряду разделов ненужная информация составляет 90% всей информации, передаваемой в верхние инстанции /"ненужными" считались только те сведения, относительно которых ни один человек во всей цепочке от низшего производственного звена до Министерства не мог сообщить, для чего они используются/. Объем ненужной информации составляет ежегодно /в проверенном одном министерстве/ – около 2000 страниц, заполненных цифрами. В процессе передачи эти сведения несколько раз перепечатываются. А в то же время в них отсутствует ряд данных, необходимых для управления. Вероятно, аналогичное положение имеется и в ряде других министерств", – говорит акад. Трапезников в том же докладе.

У недоиспользования /или плохого, или бессмысленного использования/ ЭВМ в *моно*капиталистической экономике есть ряд причин /помимо того недостатка ассигнований и косности мышления плановиков, на которые ссылается академик Трапезников/:

– информационные причины, о которых сказано выше;

– отсутствие стимула к научно-техническому прогрессу как таковому у всесильного монокапиталиста, не знающего никакой конкуренции, и у большинства /кроме чудаковатых дон-кихотов/ его обезличенных и порабощенных наемных работников;

– машинам нужны не только соответствующие объемы специфически подготовленной информации, но методологическая определенность, которой должен располагать человек, задающий машине программу работы; Ответить "правильно" на некорректно или нечетко доставленные вопросы машина не может. Кроме того, на программиста, а следовательно и на машину, в советских условиях априори наложено одно и то же ограничение: они заведомо не имеют права искать решения вне худшего из двух основ-

ных вариантов организации современной промышленной экономики: им заказано вводить в решение задачи рыночную конкуренцию, т.е. демонокапитализацию социалистической экономики. В решении же локальных организационных задач ЭВМ в советских условиях использовать трудно по той причине, что советская экономика не дискретна: она не имеет серьезных локальных задач, решение коих не зависело бы от вышестоящего уровня, зависящего, в свою очередь, от еще более высокого уровня, и т.д. Свидетельств тому в советской периодике достаточно много. Одно из них содержится в интересной статье начальника отдела Института экономики АН СССР Л.Гафта, написанной им в соавторстве со спецкором ЛГ Л. Зюзиным[33]. Подзаголовок статьи гласит: "Кибернетика и человек... Продолжаем разговор об автоматизированных системах управления"[34].

Вот несколько характерных отрывков из этой статьи. На заводе организован электронно-вычислительный центр: "Неизвестно, с чего начинать, чем кончать... Пытаются, например, оптимизировать планы цехов. Разрабатывают программы, алгоритмы, но потом выходит – результаты этой "оптимизации" равны нулю, потому что исходный, заводской план – "волевой". Приходят к выводу: начинать надо не с цехового, а с заводского плана и притом обязательно учесть какие-то внешние факторы, влияющие на работу всего предприятия. И создают новый отдел".

Само собой разумеется, что "эвеэмщики"-энтузиасты не могут никоим образом повлиять на "внешние факторы", с которыми сопряжена работа завода, как не могут и ничего существенного изменить внутри завода: "... лишь только "эвеэмщики" начинают вторгаться в работу предприятия, тут-то и поднимается ропот; в ито-

ге "лавочку" просто прикрывают, оборудование распродают или консервируют. Миллионы рублей летят на ветер.

Бывшие энтузиасты пополняют ряды пессимистов. Начинаются уже и разговоры: мы, дескать, не доросли еще до автоматизированных систем, нельзя автоматизировать беспорядок". А если оборудование и сохраняют, "то "решают" какую-нибудь локальную задачу, скажем, по загрузке цехов, внедряют подетальное планирование. Машина работает, но она уже не что иное, как электронный арифмометр".

Чем же еще ей быть?

Безвыходная жестокость конкурентнокапиталистического критерия оптимальности /поощрение со стороны потребителя, т.е. прибыль/ парадоксально порождает свободу в выборе средств достижения цели /прибыли/. Объективность оценки своего, чужого и общего положения, без которой нельзя выиграть сражения с конкурентами; недвусмысленность интересов и возможность /необходимость/ принятия локальных решений; суверенность, дискретность экономических объектов как нельзя более соответствуют возможностям ЭВМ, использование которых давно стало выгодным даже для небольших фирм, не располагающих значительными количествами сотрудников.

В системе же монокапиталистической любой человеческий мозг, стоящий ниже вершины этой абсолютно приведенной иерархии, – не более, чем психофизиологический арифмометр, ибо человеческой прерогативы свободного выбора этот мозг лишен. Чего же требовать от машины, которую арифмометр же и программирует?

Директору завода, на котором "энтузиасты" создают электронно-вычислительный центр, ни к чему истинная

оптимизация работы завода. Она ничего ровным счетом лично ему не несет, да и немыслима в тех иерархических рамках, в которых завод функционирует. Вообще, никакая истинная оптимизация производственного процесса на советском предприятии невозможна иначе, как в оппозиции ко внеконкурентной верховной воле. Эффективность же такой оппозиции равна нулю, ибо местная флуктуация более разумного подхода к экономической деятельности рано или поздно угаснет, подавленная массивностью глобальной неразумности строя, его экономических принципов.

Г. КОНКУРЕНТНЫЙ РЫНОК И МОНОПОЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ. В прошлом веке марксизм исповедовал одно убеждение, отчасти переданное приведенным выше размышлением Энгельса о "совокупном идеальном монополисте" – государстве, овладевшем всеми производительными силами общества. Убеждение это сводилось к схеме, согласно которой сначала "съедят" друг друга капиталистические "акулы" – тресты, превратившиеся в конце концов в государственную капиталистическую сверхмонополию, а затем, если пролетариат вовремя не экспроприирует национального монополистического спрута, последний превратится в некий международный и даже всемирный империалистический сверхтрест, вырваться из лап которого уже нельзя будет.

Не пытаясь предсказывать непредсказуемое, заметим, что еще никогда и нигде фирмы, тресты и монополии не превращались в сверхмонополии, как государственные /монокапиталистические/, так и отраслевые /обычно все же неполные/, чисто экономическими приемами.

Как правило в процессе близкой к пределу монополизации главную роль играют не экономические /конкурен-

ция на рынке перед лицом потребителя/, а уголовные, уголовно-политические и политические приемы.

Без уголовного нажима фирмам не удается поглотить всех своих конкурентов. При чрезмерном разрастании, при чрезмерной централизованного своего управления фирмы теряют конкурентноспособность из-за снижения их управляемости. Не только на международном рынке, где для открытых стран конкуренция никогда не утрачивает своего стимулирующего значения, но и на внутренних рынках супергиганты проигрывают в чисто экономической конкурентной борьбе с оптимальными по масштабам противниками. Поэтому и прибегают они к покупке политических покровителей, к террору, к замаскированной уголовщине, помогающим устранить, запугать, поглотить конкурентов, рыночно более дееспособных, но не располагающих достаточными резервами для шантажа, политического давления и насилия.

"Запредельная" же, т.е. государственная, монополизация еще ни разу не произошла иначе как политическим путем, иначе как посредством политического превращения конкурентнорыночного капитализма в монокапитализм.

В чисто экономических рамках процесс регулируется посредством отрицательных обратных связей.

Когда частичная капиталистическая монополия из-за своих гигантских размеров начинает терять управляемость, а следовательно и конкурентноспособность, она "разукрупняется", т.е. в значительной мере децентрализует свое внутреннее управление. Так было с "Дженерал мотора" уже в 1918 году, с фирмами "Форд", "Дюпон де Немур" и др. в значительно более близкие к нам времена. Это прекрасно известно советским специалистам и властям. И.К.Быков[35] сообщает, что крупные капиталистичес-

кие фирмы весьма озабочены объемом контроля, который ложится на разные уровни управления. "При этом они исходят из положения, что при увеличении числа подчиненных в арифметической прогрессии взаимосвязи ду ними и руководителями возрастают в геометрической прогрессии, что весьма затрудняет управление данной группой."

Казалось бы, нетрудно сделать вывод, что в условиях абсолютной централизации управления национальной экономикой /в СССР – многонациональной/ уже один этот фактор должен стать неодолимой преградой на пути оптимизации экономики, сигналом о необходимости изменения типа организации. Советская экономическая наука сделала этот вывод и призвала к децентрализации экономического управления. Так называемая "экономическая реформа", о которой давно молчат, проводилась под этим лозунгом.

Но и здесь возник монокапиталистический парадокс. Когда капиталистическая фирма ради повышения управляемости децентрализует свое управление, она размыкает часть связей между своими отделениями и центром и подключает оторванные от центра связи непосредственно к рынку, т.е. к той управляющей инстанции, которая руководит, в конечном счете, и центром фирмы. Процесс управления выигрывает в оперативности, а центр получает возможность совершенствовать сохраненные линии управления.

В советской экономике такого центра самоорганизации, как конкурентный рынок, нет. Конъюнктура поставок, сбыта и предложения организована /хорошо ли, плохо ли, но организована/ только Центром системы как Целого. Отключить ряд связей от единственного в системе управляющего устройства – это значит либо оставить их

висящими в воздухе, увеличив тем самым неупорядоченность процессов производства /и по данному предприятию, и в целом/, или подключить их к тому же Центру какими-то обходными, дополнительными путями /допустим, через верховно инспирируемую квазирыночную ситуацию/. В обоих случаях – это лишь увеличение беспорядка, что и случилось и заставило "свернуть" реформу без лишнего шума, не объявляя о похоронах.

Я не предлагаю очередной идеализации какого-то общественного устройства, в данном случае – конкурентного капитализма. Не хуже других я вижу его затруднения и слабые стороны /со своей, разумеется, точки зрения/. Я только с уверенностью свидетельствую, что социализм, или монокапитализм, ни в коем случае не является положительной альтернативой конкурентнорыночного капитализма. Я, вообще, не ищу искусственных, спекулятивно изобретаемых принципиальных альтернатив современной смешанной экономике, полагая, что такая, какова она есть, она не несет в себе фундаментальных запретов оптималиэации: ее можно совершенствовать и улучшать. В условиях демократии сохраняется возможность трактовать это улучшение с самых разных позиций – до тех пор, пока трактовка этих понятий /совершенствовать и улучшать*/ не предполагает абсолютной централизации социальной инициативы. После этой точки всякая истинная оптимилизация экономики становится невозможной. Более того: система обретает ряд роковых качеств, которых у конкурентно-рыночного капитализма нет.

* Само понятие "хорошо" /глобальный критерий оптимальности/ оказывается в данном случае неопределимым /см.выше/.

* *
*

8. СОЦИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА СТИМУЛА

Четырехэлементное условие удовлетворительного управления "знать – мочь – хотеть – успевать" часто трактуется социалистическими авторами так: система замечательна... была бы, если бы люди были достойны системы и выполняли все ее программы, если бы они хотели и успевали следовать всем предписаниям Центра.

Но они не хотят или не успевают.

Почему?

Потому что здесь в принципе невыполнимы два других, не менее необходимых условия успешного управления – **знать и мочь**. Достаточно отсутствия одного из этих условий, чтобы утратил смысл разговор обо всех прочих. Однако советские экономисты упорно продолжают пытаться изобрести способ экономически стимулировать добросовестную работу всех звеньев системы. Вот что писал в свое время И. Бирман[36] /тогда специальный корреспондент "Известий", ныне американский ученый/: "Главное состоит в том, что решение этой экономической проблемы /речь идет о внедрении новых методов отраслевого планирования – прим.Д.Ш./ проводится не экономическими, а административными методами. ... При существующем положении министерства мало заинтересованы в том, чтобы результаты этих расчетов были претворены в хозяйственную практику. ... Непосредственно тем, кто рассчитывал и внедрял оптимальный план, никаких прямых выгод не будет. ... Нужно создать экономические условия, при которых и министерства, и плановые органы были бы заинтересованы в оптимизации отраслевых планов". **Как** в глобально централизованной, то есть взаимосвязанной, экономике **рассчитать** подобную заинтересованность для каждой отрасли? **Как** министер-

ствам оптимализировать свои планы без учета межотраслевых взаимосвязей? Не должно ли будет каждое министерство продублировать все те расчеты, которые делает системный центр, программирующий экономику в целом? Образно говоря, во всеобъемлющей единой системе, лишенной автоматической саморегуляции, безразлично откуда начинать расчет. С какого узла вы ни начали бы ее рассчитывать, придется просчитать все.

Советские экономисты вынуждены констатировать[37]: "При капитализме импульс техническому прогрессу дает всеобъемлющая конкуренция. Рынок надо завоевать, он недостаточен для всех, и это заставляет искать пути удешевления производства на базе совершенствования техники и организации производства. Пониженная цена и улучшенное качество – основные методы завоевания рынка. ... При социализме макроструктура* экономики определяется централизованно. Это исключает возможность кризисов перепроизводства, но тем самым образуется весьма своеобразная ситуация в области стимулирования общественного прогресса. ... что порождает тенденцию к консервированию имеющегося уровня техники, не способствует инициативе предприятия осуществить на практике технические новинки и научные достижения".

И далее авторы говорят о низком качестве продукции, о запасах нераскупаемых низкокачественных товаров, которые образуются сплошь и рядом, несмотря на нужду населения в такого же рода товарах, но удовлетворительного качества.

Недоумением по поводу нежелания советских хозяйственников всех рангов делать вещи, явно полезные об-

* И микроструктура тоже.

ществу, пронизана советская экономическая публицистика* .

"Как убедить реалиста?" – взывает спец. корр. "Литературной газеты" Е.Темчин[38]. Реалиста следует убедить делать то, чего у него не имеется ни малейшей необходимости делать. А реалист, сплошь и рядом годами маринующий ценнейшие технические и организационные новшества, отвечает: "Тут все экономические блага вроде журавля в небе. Когда-то поймаешь? Лучше уж синица в руке. Зато своя синица. Вот она. Тут. В кулаке. А журавль, он в небе. Не обязан ты ловить его. Понимаете – не обязан."

То, что кажется публицистам нелогичностью в поведении советских хозяйственников, превращается в железную логичность, если вспомнить, что у советских государственных служащих нет никакой необходимости поступать иначе, чем они поступают. Их поведение тоже продиктовано своеобразной "автоматической коррекцией на минимум необходимых общих затрат" /акад. Трапезников/, изуродованной, как изуродованы все капиталистические закономерности в условиях монокапитализма.

Физический закон минимальных затрат энергии предопределяет движение не только неодушевленных предметов, но и живых субъектов по пути наименьшего сопротивления. В массе своей люди не совершают того, чего можно /сохраняя при этом свое равновесие со средой, не терпя угрожающего ущерба/ не совершать.

"Дорогой" энергетически, т.е. опасный и трудный, путь

* Речь идет о 1956–1960 г.г. К концу 1970-х г.г. недоумения поубавилось. Цензура и самоцензура опять заработали в трогательном единстве.

избирается людьми /чем больше их кворум, тем это выразительнее/ лишь тогда, когда только он обеспечивает выживание, т.е. когда на деле он является неизбежным минимумом, а не расточительным избытком расходуемых усилий. У советских работников нет необходимости неподдельно заботится о качестве выпускаемой ими продукции. И поэтому советские экономисты вынуждены и в данном случае искать возможность расчетного воссоздания каких-то действенных стимулов конкурентно-капиталистической заинтересованности в улучшении качества продукции.

Те же Счастливцева и Ракитский предлагают с этой целью ввести наценки и надбавки за качество.

Акад. Трапезников предлагает ввести новый показатель – "эффективные единицы продукции", т.е. единицы продукции, умноженные на некий коэффициент, характеризующий их качество. Предлагается учет "истинных интересов потребителей" в этих надбавках, наценках и коэффициентах и т.д.

Акад. Федоренко предлагает ввести налог за отсталость, т.е. изъятие у предприятия "в пользу общества" /сиречь государства/ "части прибыли в зависимости от удельного веса старой и длительно выпускаемой продукции.

Такого рода отчисления по своей экономической сущности являются платой предприятия обществу /?/, которое его поддерживает на высоком уровне путем централизованного планирования межотраслевых пропорций и создает устойчивость предприятий на рынке". Общество будет, таким образом, довольствоваться дорогой и плохой продукцией, предприятию будет обеспечен сбыт этой продукции, а государство переместит часть прибыли этого предприятия, государству же и принадлежащего, в свой

другой карман. Ничего более простого и действенного, чем прямой проигрыш отсталого предпринимателя на рынке в прямом контакте с потребителями, к услугам которых – конкуренты плохого поставщика, экономисты придумать не могут. Но это был бы уже не социализм.

Наценки и надбавки за качество продукции, коэффициенты, характеризующие ее качество, призван устанавливать во всех этих проектах не потребитель на рынке, а некая государственная же инспекция, т.е. монополия в одной своей ипостаси – себе же самой в другой своей ипостаси. Все это, во-первых, создало бы новые области формализации, потребовало бы новых потоков сведений, увеличило бы нагрузку на какие-то уровни направления, и без того достаточно перегруженные; во-вторых это создало бы новые поводы для фальсификации. Такие попытки предпринимаются давно, и о них постоянно пишут в газетах: новый бантик на платье или новая строчка на обуви расцениваются как новая, усложненная, т.е. улучшенная, продукция и реализуются по более высокой цене, отчего выигрывает все тот же единственный поставщик, а не потребитель, который вынужден с этой наценкой мириться, ибо у него выбора нет.

Частная собственность в условиях рыночной конкуренции заставляла поставщика заботиться о потребительных качествах производимых /предлагаемых/ им услуг и товаров. В натуральном хозяйстве не возникало такой проблемы, ибо там все производилось / мы берем идеальный предельный случай/ для собственного потребления. Товарное производство лишает производителя /поставщика/ субъективного интереса к потребительным качествам основной массы его товарной продукции, которую потреблять не ему, а безликому потребителю. Конкуренция вынужденно возвращает производителя /поставщика/ к

заботе о качестве его продукции и делает это вне всякой зависимости от личных качеств поставщика.

Одним из главных стимулов к разрушению /"до основанья"/ "мира насилья" было отвращение социалистических утопистов к рыночной конкуренции – к ее жестокости, воспроизводящей беспощадность естественного отбора в живой природе. Но ведь в том-то и ужас, что конкуренция в социалистическом обществе не только сохраняется, но и ужесточается. И ужесточается не только по сравнению с капиталистической конкуренцией, но и по сравнению с естественным отбором, беспощадность которого как правило не выходит из выживательно необходимых границ.

В условиях конкурентного рынка поставщики конкурируют перед лицом потребителя и воюют за его кошелек. Они стремятся к финансовой победе над конкурентами, но не к их физическому уничтожению. В условиях социализма государство-монокапиталист физически истребляет своих конкурентов по мере того, как они /однажды уже истребленные, казалось бы, начисто/ опять возникают – вопреки интересам и воле внеконкурентного победителя. Совокупный монокапиталист истребляет конкурентов где бы то ни было: в идеологии, в политике, в экономике. В этой ситуации конкуренция разворачивается в другом направлении. Не поставщики /в том числе и поставщики политических партийных услуг/ борются за расположение потребителя-избирателя, а подданные всесильного монополиста дерутся друг с другом за благорасположение ближайшего к ним представителя всесильной партократической монополии. В 19 веке Октав Муре разорил всех торговцев платьем, тканями и галантереей в своем районе Парижа, осчастливив покупательниц великолепным ассортиментом и дешевизной своих товаров /Э.Золя,

"Счастье дам"/. В конце марта 1974 года в харьковском ВНИПИЧЭО /Всесоюзный научно-исследовательский институт по использованию вторичных энергоресурсов и очистке дымовых газов и сточных вод предприятий черной металлургии/ один научный работник объявил другого /рангом повыше/ "тайным евреем", якобы скрывшим в анкете еврейское происхождение своего отца. Цель доноса состояла в том, чтобы устранить конкурентного кандидата на длительную заграничную командировку /в "капстраны" евреев как правило не пускают/. Возмущенный конкурент убил доносчика. Это был один из эксцессов той карьеристской конкурентной борьбы, которая определяет существенную часть добровольных доносов, пронизывающих советскую жизнь с 1917 года по сей день.

Итак, уничтожить конкуренцию не удалось. Удалось лишь изменить ее направление, после чего она утратила всякий положительный смысл для общества, дойдя до предела в своих отрицательных чертах и свойствах. Все известные ужасы борьбы за существование в природе и на определенных ступенях развития капитализма превышены как жестокостью государства-монополиста по отношению к тем, кто осмеливается посягать на его внеконкурентность, так и жестокостью борющихся за его милость рабов по отношению друг к другу.

Надежно избавить поставщика от субъективно ему не нужной заботы о качестве его продукции может только абсолютная монополизация им предложения данного товара. Это происходит в условиях социализма /монокапитализма/ по отношению ко всем товарам, производство и сбыт которых монополизированы государством. Никакие попытки решить эту проблему законодательно или воспитательными мерами до сих пор ни к чему не привели и, вероятно, не приведут: как уже было сказано, природе

не свойственно стремление к затрате энергии, не абсолютно необходимой для данного типа движения.

Проще простого возвратить предприятиям суверенитет и заставить их соревноваться на рынке перед лицом потребителя, а не монополии.

Но это будет уже не социализм*.

Некоторые литераторы в СССР, в странах Восточной Европы и на Западе пытаются выдать стабильное существование бесполезных и убыточных предприятий за великий социальный прогресс: в социалистическом обществе за ошибки хозяйственников расплачиваются, мол, не наемные работники, а государство – как это самоотверженно и гуманно с его стороны! Существует тенденция /и успешная!/ заставить оторвать оплату труда от его эффективности /посредством субсидий и неумеренных прогрессивных налогов на предпринимателей/ в демократических государствах Запада. С ними-то как раз и удается /обществу, профсоюзам, оппозиционным партиям/ вести себя таким образом и добиваться катастрофического успеха. Успех этот трагичен для общества потому, что решительно отрывает производительность труда от меры использова-

* Сегодня принято утверждать, что социализм может быть и не связан с отменой частной собственности, торговли и денег. Но для такого "социализма" следует выдумать другое название, ибо до сих пор существовали в природе две ипостаси одного и того же социализма, неотделимые от уничтожения частной собственности. Первая ипостась – литературная. В ней отмена частной собственности, торговли, денег и конкуренции – условие условий, основа основ, ибо, согласно этой концепции, от частной собственности и ее производных – все зло. Вторая ипостась – экспериментальная, в которой отмена частной собственности оборачивается тем единственным, чем она может обернуться, – собственностью монокапиталистической, при которой все недостатки частнособственнических отношений доходят до максимума, а все их достоинства исчезают.

ния обществом результатов труда и уничтожает всякий смысл предпринимательской деятельности. Государству же нечем за что бы то ни было расплачиваться: оно ничего не производит. В условиях монокапитализма его верхушке в любом случае гарантирован высокий уровень жизни. Не государство, а общество /потребитель – он же производитель/ платит за техническую отсталость, за ошибки в планировании, за низкую эффективность труда – за нерациональность системы в целом. И не та его локальная часть, которая виновата в ошибке или процессуально с ней связана, как это происходит в условиях действительно конкурентной экономики, а все общество в целом, т.е. каждая личность в отдельности. Они платят за нерациональность своего хозяйствования, даже не ведая – за что и сколько... Именно в эту ловушку и рвется сегодня свободный мир.

9. НЕКОТОРЫЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ИТОГИ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ПРИЛОЖЕНИЯ "ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ТЕОРИИ" К ПРАКТИКЕ.

Предлагая читателю эту охватывающую примерно десятилетие иллюстрацию, я должна заметить, что ни соотношение количественных параметров социалистической и капиталистической экономики, ни тенденция изменения этих параметров иными не стали. Напротив, в 1977–79 гг. распад экономики СССР, застой в науке, творческая депрессия в обществе, несоответствие между расходами и результатами и т.д. выражены еще резче, чем в предлагаемой здесь картине. Это отражено рядом документов и публикаций – в СССР и за его пределами.

Советская статистика давно научилась маскировать действительность, сохраняя при этом внешнее правдопо-

добие. Ею выработан ряд приемов, дезориентирующих читателя:

она предпочитает выбирать выгодные и замалчивать невыгодные показатели;

давать индексы и проценты там, где ей невыгодны абсолютные величины;

давать абсолютные величины там, где невыгодны индексы и проценты;

давать единичные показатели там, где невыгодны динамика и структура;

сопоставляя свою и зарубежную экономику, избегать однородных и наглядных в сопоставлении показателей;

соотносить современные свои показатели с самыми тяжелыми эпохами и годами своего или чужого прошлого, а не с чужим настоящим и т.д.

Читателя-неспециалиста, человека, не следящего систематически, целенаправленно за советской официальной статистикой, — такого читателя оглушает барабанный бой цифр, которые подаются в контексте демагогических од социализму и беспардонных нападок на противную сторону. У него создается впечатление статистически доказанного процветания, а житейские опровержения этого процветания он относит за счет чисто местных упущений, злоупотреблений и затруднений.

Но читатель заинтересованный, сопоставляющие многообразные данные специальных и неспециальных советских изданий, может увидеть многое. Журналисты, ученые, общественные деятели, художники — каждый в своих целях, в своей связи — оперируют различными количественными характеристиками. Политики говорят о своих предшественниках. Программы перечеркивают одна другую. Кричит о своем искусство. Растет переводная литература всех жанров. Индустриальное общество, претендующее на

современную технологию, не может отгородиться от мира.

Перед внимательным взглядом возникает картина достаточно достоверная.

А. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. Самыми выразительными в статистико-информационном отношении являются в СССР периоды смены правителей. После войны таких периодов в СССР было два: 1953–56 г.г. и 1964–65 г.г. Сначала "коллегиальное руководство" по отношению к Сталину, затем преемники Хрущева по отношению к нему самому допустили некоторую свободу исследования вчерашней и переходной ситуации. Эти периоды обогатили советское общество неведомой ему с 1928-го по 1953 годы возможностью познать себя самое.

Итак, научное планирование – главный козырь защитников социализма в их полемике со сторонниками свободных рыночных отношений. Сопоставим некоторые данные двух советских глобальных "научных" планов:

Виды прод-ции (в млн. тонн)	План Хрущева на 1965г.	План Хрущева на 1972г.	Получ. в СССР в 1965г.	План Косыгина на 1970г.	Произв. в США в 1957г.	Получ. в СССР в 1978г.*
Мясо	16	25	4,8	5,9-6,2	16,6	15,3
Молоко	100-105	135	11,5	16-17	57,3	94,5

Как мы видим, хрущевский план, который до 1964 года рекламировался как самый научный план в истории СССР и подкреплялся титулами наиболее авторитетных ученых и учреждений, дает более чем 4-х кратное завыше-

* Объем производства мяса /в убойном весе/ и молока приводится по официальным советским данным.

ние по мясу и более чем 8-ми кратное завышение по молоку, по сравнению со следующим "научным" же планом – косыгинским.

Выполнение же хрущевского плана на 1965 год отстает от плановой цифры более чем в 3 раза по мясу и почти в 10 раз по молоку.*

Но тут я вынуждена сделать оговорку: цифры в графе "Получено в 1978 году" взяты мною из статистического ежегодника ЦСУ СССР "Народное хозяйство СССР в 1978 году". В этом ежегоднике цифры третьей графы приводимой таблицы /"Получено в 1965 году"/ выглядят уже так:

мяса (в убойном весе) – 10,0 млн тонн
молока – 72,6 млн тонн.

Между тем мои цифры /мяса – 4,8 млн. тонн и молока 16–17 млн. тонн/ взяты из опубликованной стенограммы первого партийного пленума, состоявшегося после отправки Хрущева на пенсию. Оговорки: "в убойном весе" при них нет. По-видимому, тогда, в ажиотаже разоблачений, речь шла, действительно, о выходе мясо-молочных продуктов, поступающих в потребление, а не о весе животных, привозимых на мясокомбинаты, к тому же, несомненно, преувеличенном.

О тенденциях в развитии животноводства СССР можно судить хотя бы по следующим данным[39] :

"Немецкий институт экономических исследований опубликовал данные и расчеты, касающиеся Советского Союза. Институт отмечает, что в 1979 году рост национально-

* В 1980 г., незадолго до отставки Косыгина, официальная статистика и "официально распространяемые конфиденциальные сведения" /доверительно произносимые хорошо продуманные "проговорки" лекторов на различных политзанятиях/ показали провал и всех "косыгинских" планов.

го дохода /1,5%/ был самым низким с 1945 года. Уже "скорректированный" план предусматривал 4%, а по пятилетнему плану 1976/80 гг., "уже давно больше невыполнимому", этот рост предусмотрен в размере 5%. Рост промышленной продукции /3,5/ на 2% ниже планового. Институт отмечает стагнацию советского животноводства: если с 1971 по 1975 гг. потребление мяса на душу населения выросло на 9 кг и достигло 56–57 кг, то в последующие 4 года оно осталось на этом уровне", то есть составляет примерно 14,6 млн тонн по стране в целом /очевидно, тоже в "убойном весе"/.

"Производство молочных продуктов за первые 4 месяца текущего года сократилось по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 5%, а средний надой от каждой коровы – на 6%"[40].

О положении с производством молочной продукции в СССР наших дней можно судить по следующему лаконичному замечанию:

"В течение восьми месяцев 1979 года Советский Союз закупил у Европейского Рынка 80 000 тонн сливочного масла по сниженной цене /из субсидированных запасов Рынка/. Всего за 5,5 лет, с января 1974 года, СССР закупил 151 000 тонн субсидированного масла на общую сумму 292,5 млн. долларов"[41].

От хорошей жизни валюту на масло кремлевская мафия тратить не стала бы. Значит, уровень обеспеченности населения этим продуктом питания приблизился к той отметке, когда экономика может начать угрожать политике.

Несмотря на участие в планировании армии научных и производственных специалистов, вплоть до известнейших академиков, советую экономику 8 лет трясло и толкало в пропасть нелепое намерение Хрущева за несколько лет

"догнать и перегнать Америку" по производству мяса, молока и масла на душу населения, что катастрофически осложняло и без того нелегкую ситуацию в сельском хозяйстве.

Кто жил или часто бывал в те годы в селах, тот навсегда запомнил висящих на ремнях /иначе падали бы от истощения/ коров в колхозных коровниках, грызущих друг друга и пожирающих поросят туберкулезных свиней в открытых загонах; кровь вместо молока в подойниках при электрической дойке истощенных коров и другие ужасы. Мне по сей день помнится запах горящего солидола, которым поливали многогектарные посевы "королевы полей"*, сжигая их перед инспекторскими набегами из Москвы: гектары эти числились в сводках убранными, а убрать их не было никакой возможности...

Ленинская продразверстка и сталинская коллективизация ознаменованы физическим истреблением крестьянства СССР.

Хрущевское "научно обоснованное" помешательство на кукурузе и на намерении скачком обогнать Америку увековечено тоже отнюдь не только мучениями животных, отчаянием колхозников и инфарктами председателей колхозов и сельсоветов, но и серией самоубийств в разных слоях партийных и хозяйственных функционеров: вспомним хотя бы "рязанское чудо" — фальсификацию небывалых удоев, забоев скота и урожаев, закончившуюся самоубийством секретаря Рязанского обкома КПСС.

Страна, худо-бедно, хорошо ли — плохо ли, но располагающая современной промышленной техникой и технологией, СССР слабо использует это свое /в значительной мере — международное для XX века/ достояние. Трактор-

* Кукурузы.

ный парк СССР вырос с 1928 г. по 1967 г. в 156 раз. Удельный вес механических двигателей (в т.ч. и электрических) вырос за тот же период в сельском хозяйстве СССР в 122,57 раза. Однако общая годовая продукция сельского хозяйства СССР возросла с 1913 года только в 2,4 раза, производительность труда /все – по советским официальным данным/ – в 5 раз. Правда, по данным М.Лемешева[42], потребность СССР в тракторах и сельхозмашинах обеспечена /1967 г./ на 40–50%, в электричестве – на 25% и в минеральных удобрениях – на 25%; 2/3 работников совхозов и около 80% колхозников заняты, по этим данным, ручным трудом. Но все же рост технической и энергетической вооруженности значительно обгоняет рост продуктивности сельского хозяйства страны. Особенно наглядным становится отставание второго от первого, если учесть, что посевные площади СССР выросли с 1913 по 1964 годы почти в 2 раза. С учетом последнего становится, вообще, бессмысленным разговор о росте продуктивности и производительности труда в сельском хозяйстве СССР.

О чем это свидетельствует?

О том, что легче ценой колоссального напряжения сил, лишений и принуждения /вспомним военный коммунизм, коллективизацию, индустриализацию, сопряженную с нищетой всей страны и ГУЛаговским многомиллионным рабовладением/ построить определенную материально-техническую базу, чем заставить последнюю приносить окупающие ее плоды при нерациональном способе ее использования*.

* А. Зиновьев, постоянно повторяющий тезис о "народности" партократии, приводит в качестве одного из доказательств историю своей семьи. Все его братья и сестры за годы советской власти "перекочевали" из крестьянства в элиту. Действительно, про-

Отдача от колоссальных капиталовложений в сельское хозяйство СССР не растет, а падает на протяжении последнего сорокалетия.

Единственным широким нововведением в организацию сельскохозяйственных работ, повсеместно внедрившимся в практику последних лет, стала организация "зеленых цехов" на промышленных предприятиях, в НИИ, вузах, проектных институтах и других городских учреждениях. Это означает, что рабочие, служащие, научно-технические работники, учащиеся и пр. систематически отрываются от своих занятий и плохо, неквалифицированно, спустя рукава отбывают "работный урок" в подшефных колхозах или совхозах. Доктор экономических наук В.Карнаухова пишет[43]:

"Действительно, эффективность капиталовложений в сельское хозяйство была невысокой: индекс фондоотдачи за период 1945–1965 г.г. снизился со 100 до 58. При этом основные фонды на одного работающего за это время возросли в 5,3 раза, а производительность труда в 2,4 раза".

Приведем несколько "частных" фактов*: пиковая урожайность зерновых в Смоленской области за десять лет /1956–1966/ составляет 8,7 цнт с га. Средняя урожайность не превышает 6 цнт. Урожайность зерновых на западноевропейских землях того же периода, тех же широт и того же качества составляет 30 цнт с га[44].

цент крестьянского населения в СССР с 1917 по 1980 г.г. сократился в 2,5 раза. Но в США тот же показатель сократился с 1910-х по 1970-е г.г. более, чем в 6 раз. Полагаю, что дети фермеров 1920-х г.г. тоже перешли в другие слои населения, тем более, что массовых репрессий в США нет и не было.

* Я взяла в кавычки слово "частных", ибо иная российская губерния сравнима по площади с некоторыми европейскими государствами.

Ю. Черниченко[45] сравнивает урожайность ржи в 1927 и в 1966 годах на тех же землях Калининской области:

1927 год — 7 ц/га — при 80 тыс. голов крупного рогатого скота и 40 тыс. голов лошадей в данном районе;

1966 год — 4,3 ц/га; крупного рогатого скота и лошадей практически нет.

"Экономическая реформа здесь странным образом тормозит рост, — говорит Ю.Черниченко. — Средний намолот всех колхозов Калининской области в 1966 году 5,5 ц/га . Такой средний урожай и ниже дают "почти 1/3 общего числа хозяйств Нечерноземья, под зерновыми они держат 1 миллион 200 тыс. га". Урожай сам — два /высевают здесь не менее 2,5 ц/ не может восполнить трат на горючее, запчасти, на оплату Ивану Галахову /трактористу — прим. Д.Ш/. Значит, новые ценности не создаются, а исчезают уже созданные. ... И механик, доставляющий запчасти, и агроном, который завозит семена, и парторг, создающий общественное мнение вокруг передовиков и бракоделов, тоже участвуют в условном действии, итогом которого будет не новый хлеб, а сносная жизнь людей, исполняющих какие-то операции".

Да, не случайно был разгромлен тот "Новый мир", в ряду лучших авторов коего Ю.Черниченко занимал место, достойное его публицистического дарования, гражданского чувства и знания вещей, о которых он говорил. "Сносная жизнь" ничего не создающих людей, не окупающих своим тяжелым трудом расходов общества на их прокормление, обеспечивается не "государством", а работой мало-мальски производительных узлов системы, создающих что-то сверх своего потребления.

Свидетельства, аналогичные приведенному выше, и таблица, приводимая ниже, с достаточной определенностью объясняют парадоксальный факт импорта хлеба в СССР из капиталистических стран[46].

	динам.посев. площадей (млн.га)		рост (раз)	динам.сбора зерновых (млн.тонн)		рост (раз)	урожайность зерновых (ц/га)	
Страна	1913	1964		1913	1964		1913	1964
СССР	118,2	212,8	1,8	86,0	152,1	1,9	8,4–5,8	13,8–9,9
США	119,1	115,0	–	98,8	164,4	1,6	9,5	17,6
Англия							21,2	40,6
Франция							13,1	31,5
Япония							–	27,0 *

Рост сбора зерновых в СССР почти пропорционален расширению посевных площадей. Непонятно даже, куда девался рост урожайности, не отраженный в валовом сборе. В США примерно такой же рост сбора зерновых получен при сокращении посевных площадей. Американские и русские показатели 1913 года были гораздо ближе друг к другу, чем современные показатели. Разительно также расхождение в урожайности между СССР, Англией, Францией и Японией. В 1,3 раза большее, чем в США, поголовье кур дает в СССР в 2,4 меньше яиц. Коровы доятся так, словно специально селекционировались породы, не перегружающие страну молоком; среднегодовой надой от коровы:

* В 1956 г. соответствующий показатель составлял 20,0 ц/га.

Страна:	1953 г.	1964 г.	Рост (литры)
СССР	1389	1684	295
США	2514	3538	1024
ФРГ	2865	3571	706
Англия	2910	3010	100

Производительность труда в сельском хозяйстве СССР в 1968 году составила 20–25% от производительности труда в сельском хозяйстве США[47]. Ссылки на вторую мировую войну опровергаются примерами Японии, ФРГ, Израиля и других стран, потерпевших колоссальные ущербы в войнах и тем не менее далеко обогнавших СССР в сельском хозяйстве. Маленький Израиль, в сельском хозяйстве которого заняты 6,6% его четырехмиллионного населения, осаждаемый стомиллионным арабским миром, вооруженным советским оружием, делает подобные ссылки бессмысленными. В советском сельском хозяйстве заняты более 30% населения СССР, которые не обеспечивают национального потребления, несмотря на исключительное богатство природных ресурсов, изрядно, правда, подорванных и все более подрываемых нелепым хозяйствованием.

Программа КПСС 1961 года торжественно обещала к 1970 году превзойти американский уровень народного потребления. По истечении 15 лет разрыв между СССР и США в этом отношении не сократился.

Приведу несколько более свежих свидетельств — исключительно для того, чтобы показать, что советское сельское хозяйство и через десять лет не проявляет тенденций выйти из своего перманентного кризиса.

Вот что писалось в 1914 году о сельскохозяйственном развитии России в 1898 – 1908 г.г.:

"Что же касается экспорта и импорта сельскохозяйственной продукции, то если сравнить результаты 1898–1902 годов с результатами 1908–1912 годов, то за последний период экспорт России увеличился на 93,7% в то время, как импорт – только на 68,3%. А в общем, излишек сельскохозяйственного экспорта за этот период по сравнению с предыдущим увеличился на 103,4%. Эти цифры достаточно ясно объясняют стабильность денежного курса и постоянное улучшение внешнего кредита России, так как ежегодные излишки экспорта ей позволяют не только уплачивать вовремя свои внешние долги, но и покрывать свой промышленный дефицит"[48].

И вот что пишется об экономическом положении СССР сегодня:

"Еще в 1960 году Хрущев говорил на закрытом пленуме партии, что положение экономики очень тяжелое. В декабре 1969 года Брежнев говорил о нулевом росте. Сейчас уже даже официальные данные роста ниже среднеевропейских, а план официально снижается"[49].

Вот несколько сведений о динамике производительности труда и национального дохода в СССР 1960-х–1970-х г.г.:

"Что касается сельского хозяйства, то даже советская статистика вынуждена была признать снижение отношения производительности труда в СССР по сравнению с США с 25% в 1959–1965 годах до 20–25% в 1966–1975 годах.

Темпы роста всего производства в СССР систематически снижались. Если в 1945–1955 годах валовой национальный продукт увеличился /по советским данным/ на 225%, то в 1955–1965 годах – только на 111%, а в

1965–1975 годах еще меньше – на 93%. В 1976 году национальный доход в СССР увеличился менее чем на 5%, – т.е. меньше, чем в США, Японии и ФРГ.

Доля же советской промышленности в мировом промышленном производстве вообще не увеличилась. В 1975 году она составила 20% – как за 10 лет до этого"[80].

Сегодня, еще в большей степени, чем 10–12 лет тому назад, социалистическую сельскохозяйственную экономику в сфере народного потребления выручает и подменяет микроскопический "личный" сектор деревни.

"На ноябрьском /1978/ Пленуме ЦК КПСС Брежнев так и сказал: "Требуется создать определенный общественный климат, при котором колхозники и работники совхозов ощущали бы, что, выращивая дома скот и птицу, они делают полезное государственное дело".

Оказывается, подсобное личное хозяйство колхозника /таково его официальное наименование/ занимает в СССР даже не 3% пашни, а всего лишь 2,7%. Но старанием колхозных Матрен этот ничтожный клочок дает сейчас ни более ни менее как десятую часть всей товарной продукции всего сельского хозяйства страны! А ведь это значит, что урожаи на этих самых подсобных хозяйствах минимум в три раза выше, чем на колхозных полях. И что интересно, хотя народу в советских колхозах начиная с 1940 года становится меньше /до 1977 года в города переселилось 33 миллиона крестьян/, а сами участки урезали на 12%, общий урожай с этой личной земли все эти годы только увеличивался. В среднем за треть века вырос приусадебный урожай на 25%.

Иными словами, пока колхозы беднели рабочей силой и урожаи на социалистических полях становились все более жалкими, на огородиках российских мужичков произошла самая настоящая зеленая революция. На своих

подсобных хозяйствах кормят они нынче 25% всех коров, 21% всех свиней и почти 19% овец. Каждая пятая свинья, корова и овца социалистического государства пребывает таким образом в частном владении. Интересное признание! Из него вытекает, что в колхозно-совхозной системе на 97% сельскохозяйственных площадей скота резко недостает"[51].

Можно только смутно догадываться о том, какую часть человечества могла бы прокормить /себе и ему на пользу/ не колонизованная коммунизмом Россия /неделимая или демократически разделившаяся; это дело ее народов, а не мое/ в границах предвоенного 1913 года.

Б. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТЕХНИКА, НАУКА. Ссылки на отсталость царской России или на войну неуместны при оправдании проигрыша СССР в экономическом соревновании с капиталистическими странами еще и потому, что Маркс и Энгельс в 1840-х г.г. объявили капитализм несостоятельным не по внешнеполитическим, а по внутренним, производственным причинам. Согласно их прогнозу, он должен был неотвратимо деградировать без всяких войн, в связи со своей собственной тупиковостью. По отношению же к социалистическому обществу Энгельс /хотя бы в "Эльберфельдских речах"/ наперед отказался учитывать военные опасности и связанные с ними экономические осложнения, заявив, что перед социалистическим ополчением, "как солома", разлетятся вышколенные армии эксплоататорских государств.

Однако сегодня /после 30 лет мира/ все, по-прежнему, списывается на войну /"гуляй, братцы, – война все спишет!"/... Чем же еще приемлемо объяснить такое: "По данным ЦСУ СССР производительность труда в промышленности в целом по СССР составляет в настоящее время 45–50% от уровня США,в строительстве – примерно 60% ...

в обрабатывающих областях производительность труда составляет в среднем 60–70% от американского уровня*. Так, к примеру, в сталелитейной промышленности это соотношение составляет 62, а в угольной 15%. ... Так, в той же угольной промышленности СССР /при примерно равном с США уровне добычи/ заняты сейчас 1200 тыс.человек, тогда как в США примерно 200 тыс. ...СССР заготавливает сырой древесины значительно больше, чем США, однако наша промышленность производит меньше таких продуктов обработки, как бумага, фанера, картон, целлюлоза" /бумаги: США – 102 млн тонн, СССР – 3,8 млн тонн; картона : США – 20,5 млн тонн, СССР – 1,9 млн тонн; фанеры: США – 13,2 млн тонн, СССР – 1,8 млн тонн; производство целлюлозы в сборнике[52] не показано/. "Выход готовой продукции на ряде наших деревообделочных предприятий в 4–5 раз ниже, чем на передовых предприятиях США ... В 1967 году удельный расход условного топлива на отпущенный киловатт-час составлял в СССР 394 грамма, в США – 356. В сумме эти граммы составляют многие тонны дополнительно добываемого топлива и дополнительные издержки, которых можно было бы избежать. ... Приходится констатировать то, что на ряде предприятий коэффициент использования металла не превышает 50–60%. В целом же по стране в стружку идет 35% металла, тогда как в США примерно 15% "[53].

* Эти данные относятся к концу 1960-х г.г. За истекшие с тех пор двенадцать лет соотношение почти не изменилось: даже по советским официальным данным, производительность труда в советской промышленности в 1965 году составляла только 45% производительности в американской промышленности; в 1975 году, по мнению советских статистиков, это отношение увеличилось до 55% /"Посев", 1979, № 1, стр. 47/. По советским же опубликованным данным, существенных улучшений нет ни в одной отрасли советской промышленности.

Автор замечает, что приведенные данные относятся к наиболее передовым отраслям советской индустрии; в ряде новых, технологически долженствующих быть ведущими, промышленных отраслей положение хуже: "По целому ряду отраслей, например, по производству стали, металлорежущих станков, бытовых холодильников /4,5 млн шт. в США – 2,7 млн. шт. в СССР[54]/ и других видов продукции мы приближаемся к США. Однако в ряде важнейших отраслей, например, по объему электроэнергии" /1387 млрд квтч – в США против 588 млрд квтч – в СССР[55]/, "пластмасс и химических волокон" /США – 8288 тыс. тонн, СССР – 1625 тыс.тонн, там же/, "счетно–решающих устройств" /данных я не нашла ни в одном массовом справочнике/ "мы еще значительно уступаем США".

"До 40% электрических двигателей останавливается из-за аварий в течение первого года эксплоатации. В результате на их ремонт ежегодно затрачивается больше средств, чем на изготовление. Ежегодные потери от использования недолговечных конструкций тракторов, станков и других машин общего назначения составляют примерно 2 млрд рублей. Создаваемые у нас отдельные виды машин по своему конструктивному и технологическому исполнению не соответствуют мировому уровню техники."[56]

Итак, 2 млрд печатно определенных потерь...

"До последнего времени примерно половина станочного парка была не загружена в расчете на двухсменный режим работы. Кузнечно-прессовое оборудование используется по времени не более, чем на 52%, а литейное – на 55%. Доведение коэффициента сменности работы оборудования с 1,4 до 2-х позволило бы увеличить выпуск продукции не менее чем на 30%. При этом будет /т.е. "было

бы" – прим. Д.Ш./ высвобождено такое количество станков, которыми можно оснастить около 800 крупных машиностроительных заводов. Велики размеры и неустановленного оборудования, в то же время в больших размерах имеются пустующие площади. Если бы замороженные таким образом средства были бы использованы, то годовой национальный доход был бы в настоящее время на 5–6 млрд рублей больше фактически полученного"[57].

Итак, 2 млрд и еще 5–6 млрд рублей – много ли это?

Все познается в сравнении.

Расходы на науку в СССР в 1965 году /год указанных Д.М.Бардиным потерь/ составили 6,5 млрд рублей. В США[58] только по федеральному бюджету они составляют за тот же год 14 млрд долларов, а в целом по государству, с тем, что затрачивают на науку "меценаты и промышленность" /вероятно, еще и штаты/, эти расходы составляют 21 млрд долларов, т.е. 19 млрд рублей золотом, что примерно в 3 раза больше, чем в СССР – без учета разницы в ценах.

П.Л.Капица сообщает: число ученых на 1000 человек населения в СССР примерно такое же, как в Штатах. Производительность же их труда, по мнению и расчетам П.Л.Капицы[59], в СССР в два раза ниже,чем в США. Автор считает, что этот катастрофический факт связан как с плохой организацией их труда, так и с бедностью материальной базы, с недостатком средств, которыми располагает наука, я бы добавила /утверждение Н.Винера/, что наука не может быть производительной в странах, в которых ученый не свободен иметь убеждения, не зависящие от чьего бы то ни было диктата. 7–8 млрд рублей, вылетающих на ветер по причинам, указанным Д.М.Бардиным[60], могли бы удвоить средства, отпускаемые в СССР на науку. Вместо этого П.Л.Капица[61] вынужден рекомен-

довать вдвое уменьшить число ученых, чтобы улучшить материальную базу более узкого, но и более эффективного объема исследований /в 1970-х г.г. советские ученые нашли самодеятельный выход: они бегут за границу в поисках лучшей материально-научной базы и свободы иметь убеждения/.

"Уровень эффективности производства в СССР, как по размерам отношения национального дохода к основным фондам и оборотным средствам, так и по размерам национального дохода, приходящегося на одного работающего, пока что ниже, чем в США и в ряде других экономически развитых капиталистических стран.

Если уровень эффективности производства по размерам отношения национального дохода к числу работающих принять за 100% /в СССР – прим.Д.Ш./, то в США он составлял 252%, во Франции – 122, в Англии – 107%, в Канаде – 175%, в ФРГ – 111%. ... Это означает, что уровень эффективности производства составлял в 1962 году примерно 39–48% американского[62].

Следует заметить, что все эти сенсационные цифры появились в книгах и статьях 1960-х годов. В первой половине указанного десятилетия они, сданные в редакции после XX и XXII съездов КПСС, еще относились к "промахам" сталинского руководства; во второй его половине они относились к "промахам" и "грехам" Хрущева и его руководства. В 1970-х годах подобные данные стали в печати крайне редкими, хотя положение по ряду показателей стало существенно хуже. По-видимому, публикации по этому поводу мы увидим только после очередной неожиданной смены имен в газетах и портретов в присутственных местах...

"За период с 1960 года по 1965 год/период диктатуры Хрущева – прим. Д.Ш./ основные производственные фон-

ды всех отраслей народного хозяйства выросли в 1.59 раза, а национальный доход в 1.38 раза. Величина национального дохода на один рубль основных и оборотных производственных фондов составляла в 1959 году 59 копеек, а в 1964 – только 52 копейки. Этот же показатель, рассчитанный как отношение национального дохода к стоимости только основных фондов, уменьшился с 91 копейки до 76 копеек. Если бы в 1964 году в целом по народному хозяйству фондоотдача сохранилась на уровне 1958 года, то объем национального дохода увеличился бы на 48 млрд. рублей"[63].

Итак, речь идет уже не о прогрессе, а хотя бы о стабилизации положения 1958 года – года далеко не благополучного, если судить по тогдашним планам на будущее.

Акад. Трапезников в своем докладе на Всесоюзном совещании по проблемам автоматического управления[64] показал фондоотдачу за 1967 год:

в науке – 1.45 рубля на рубль капиталовложений;

в народном хозяйстве – 0.33 рубля на рубль.

В то же время промышленность США получала от 20 до 50 долларов на каждый доллар, вложенный в научные исследования, а журнал "Пейнт индастри мэгэзин" дает цифру в 60 долларов[65].

По данным экономиста Первушина[66], растет капиталоемкость национального дохода: "Если в 1956–58 г.г. на прирост 1 рубля национального дохода затрачивалось 1.5 р. производственных капитальных вложений, то в 59–63 г.г. на этот же рубль прироста нужно затратить уже 2 рубля 60 копеек. Еще больше затрачивается вложений для прироста "единицы национального дохода" в сельском хозяйстве. "За семилетие основные фонды выросли на 90%, а национальный доход – только на 53%". По данным того же автора, мы затрачиваем "в 1.5–2 раза

больше средств на экономический результат, равнозначный получаемому в развитых капиталистических странах". Затрата материалов на единицу готовой продукции, по данным той же статьи, в СССР вдвое выше, чем в передовых капиталистических странах.

А. Косыгин в докладе 1965 года указывает на трех-четырехкратные превышения плановых сроков введения новых мощностей: 15—17 лет вместо 3.5—4-х. "Если бы процент незавершенного строительства только по производственным объектам был снижен с нынешних 78% до 55% к годовому объему капиталовложений, — и то это означало бы увеличение основных производственных фондов примерно на 6 млрд. рублей, что привело бы к росту национального дохода на 4.5 миллиардов рублей"[67].

Что ж, остается считать потерянные доходы, которых в нашей стране ограниченной выборке накопилось уже 52.5 миллиарда рублей.

Согласно государственному плану развития народного хозяйства СССР на 1969 год, "в текущем году возрастают доходы населения из общественных фондов потребления. Общая сумма денежных выплат, материальных благ и услуг, получаемых населением из этих фондов, увеличится за год примерно на 5 млрд. рублей и превысит 54 млрд. рублей". Иными словами расходы на здравоохранение, образование, культуру и социальное обеспечение, почерпнутые из налогообложения работающего населения СССР и вот уже более полувека расцениваемые как благодеяния государства, должны достичь в 1969 году примерно суммы тех нелепых потерь, о которых говорят цитируемые нами авторы.

В СССР дипломированных инженеров примерно вдвое

больше, чем в США /1965 г./: 1631 тыс. инженеров в СССР – 725 тыс. в США*.

Маленькая иллюстрация организации и производительности труда полуторамиллионой армии советских дипломированных инженеров. Вот несколько газетных свидетельств[68]. "... На машиностроительных предприятиях Новосибирска, например, в совершенствовании производства участвует только треть инженеров и техников.

На Таганрогском заводе "Красный котельщик" по моей просьбе подсчитали, сколько инженеров и техников в возрасте до 30 лет участвует в техническом творчестве. Оказалось, только 17%. Давайте наложим эти цифры, с оговоркой, конечно, на масштабы страны. Получится, что около 2.5–3 миллионов ИТР не участвует в техническом творчестве. Расчет, разумеется, весьма условный. Но отсутствие точных расчетов такого рода уже о чем-то говорит". /Н. Джурихин, инженер, "На хорошем счету?"/.

"Наш институт имеет очень звучное и модное название и считается проблемным, головным, а об организации труда и эффективности использования инженеров судите сами: примерно половина рабочего времени проходит у нас в разных разговорах, чтении газет и журналов. Работа настолько не напряженная, что бывают дни, а иногда недели и даже месяцы, когда все сотрудники буквально изнывают от безделья" /И кто у них там в колхозах работает? – прим. Д.Ш. – Куда смотрят партийные органы? Строек, что ли в городе нет? Это свидетельство устарело: сегодня все лишние и даже некоторые не лишние ИТР

* По данным М. Поповского /"Управляемая наука", 1978, Лондон/, в середине 1970-х г.г. в СССР было уже в 2,5 раз больше инженеров, чем в США. Однако, производительность труда, как мы уже видели, по сравнению с американской, почти не выросла.

пристроены к делу в "зеленых цехах" и на стройках/, "не зная, куда употребить свое время. Широко практикуется игра в шахматы в рабочее время, а у женщин – многочасовое хождение по магазинам /опять же – в рабочее время/ и даже, можете себе представить, на дневные сеансы /в основном, летом, когда начальство уходит в длительные отпуска/". /Д. Викторов, инженер, Москва/.

То, что нарисовано в этом и в последующих отрывках, есть одна из самых сильных /я не оговорилась/ сторон социализма: на подавляющем большинстве рабочих мест можно работать либо плохо, либо мало. Это не дает высокого уровня жизни, но к высокому россияне в большинстве своем и не привыкли. Зато возникает небывалая даже для 19 века "обломовщина", формирующая тип человека, неспособного работать, а значит, и жить где бы то ни было, кроме обретенной им экологической ниши, – иначе как в привычной для него ситуации ложной занятости.

Как тут желать перемен, желать капитализма с его беспощадной "коррекцией на минимум необходимых общих затрат"? Ведь ты привык к своей институтской Обломовке так, что никакого повышения жизненного уровня, никаких свобод ценой превращения в Штольца* уже купить не сможешь: не тот человек... И бастовать, слава богу, бесполезно: чего выдавишь из "хозяина" /даже если не кинет тебя в кутузку и не сгноит там/ при такой работе?**

Став эмигрантами и репатриантами, мы получили возможность убедиться в том, что повальная "обломовщина" действительно одна из самых сильных сторон социализма.

* Герой романа "Обломов" Гончарова – антипод Обломова.

** Впрочем, забастовки как форма протеста против тех или иных эксцессов в сфере организации труда начали пробивать себе дорогу среди рабочих.

Во-первых, как уже было сказано, наемные работники западных стран изо всех сил рвутся в ту же ловушку. Правда, они хотят работать умеренно, а получать много. Но главное, что их прельщает, – это независимость получаемого от того, что общество /"капиталист", "хозяин", "государство"/ получит от них. Когда они убедятся, что получать они будут мало, очень /по их нынешнему представлению/ мало, поздно будет что-либо менять: тот, новый хозяин не даст. Во-вторых, в тех случаях, когда от нас, эмигрантов и репатриантов, требуется не социалистическая, а настоящая деловая активность и трудовая отдача /к сожалению, таких случаев и по эту сторону становится все меньше/, нам приходится нелегко...

"Другая сторона медали, пожалуй самая темная. Дело в том, что эти 7 наших "инженеров" фактически на 80% не загружены работой. Как ни парадоксально, но факт.

В чем здесь причина?

В первую очередь в плохой организации производства и планирования. Наш начальник отлично осведомлен о периодах нашего вынужденного безделья, но с этим он мирится, т.к. из опыта знает, что в любое время может появиться такой объем работ и такие сроки, что наших сил не хватит. И вот в ожидании таких случаев бьем баклуши.

Теперь можно сделать выводы: при четкой организации и соответствующем стимулировании можно сократить количество технического персонала наверняка вдвое и использовать освободившиеся силы там, где их действительно не хватает...

С уважением

В. Яструбинский
Инженер-технолог, Москва."

Люди, воспитанные в такой производственной обста-

новке, со временем утрачивают способность работать более напряженно.

"Комсомольская правда" 26 марта 1968 года, статья "Инженер": "...Выясняется, что инженер на сегодняшнем предприятии выполняет буквально ворох несвойственной его профессиональному уровню черновой работы. Он лично чертит все несложные детали /а их большинство/. Рисует графики, диаграммы, бегает с распоряжениями, заказами, получает ватман, кальку, карандаши, т.е. он сплошь и рядом подменяет техников и чертежников. Почему? Да потому, что на сегодняшний день наблюдается очень странный парадокс, согласно которому мы совершенно не вправе задать, например, вопрос: сколько инженеров /!/ приходится на одного техника или чертежника? И вот итог: на одного техника приходится 12 конструкторов. Разумеется, на разных предприятиях эта цифра варьируется. Самое хорошее соотношение по машиностроительным предприятиям Белоруссии — 6:1. А вот на заводах США — 2:1. Подготовка инженеров и техников во Франции определяется соотношением 1:4, но экономисты считают, что самая целесообразная пропорция 1:7. Выходит, мы отстаем от "идеала" в 84 раза*.

Техники не идут работать в конструкторские отделы: зарплата здесь — 75 рублей в месяц. Работая в цехе мастером, этот же техник получает 115 рублей. В конструкторском же отделе, так сказать, у колыбели технического прогресса, он только спустя 5–7 лет, да и то, если зачислят на должность инженера-конструктора без категории, будет получать где-то 95 рублей.

* Мудрено ли, что ни одна западная страна, включая Израиль, не может абсорбировать инженеров, составляющих большую часть дипломированных эмигрантов из СССР?

Ясно, что такая "экономия" на зарплате оборачивается немалыми издержками – ведь квалифицированный специалист вынужден бегать вместо курьера с бумагами. Бывают не только дни, но и целые месяцы, когда его работа ничем не отличается от работы техника. Техник, естественно, недоволен: либо повышайте мне зарплату, раз уж мы делаем с ним одинаковую работу, либо подпишите заявление об уходе". /Инженер Короленко/.

Во второй половине 1970-х годов положение не изменилось ни в части организации труда инженеров и техников, ни в их соотношении на производстве, ни в их зарплате.

ЛГ, №30, 23–7–1969, статья "Работа и рабочий. Размышления хозяйственника": "Мы готовим в 5 раз больше инженеров, чем в США.* ... Не будет преувеличением сказать, что 80% технической и управленческой работы не требует инженерной подготовки и мы зря подчас стараемся "вытеснять" практиков специалистами с дипломами. ...Число лиц, занятых умственным трудом, или, вернее сказать, не занятых физическим трудом, растет значительно быстрее, чем в этом есть нужда, и в ущерб росту общественной производительности труда". /Г.Кулагин, генеральный директор Ленинградского станкостроительного объединения им. Свердлова/.

Отдавая должное упорству и мужеству, с которым советская печать ухитряется доводить до сведения общества эти нелицеприятные и смелые размышления, повторяю: во-первых, число таких сообщений в советской прессе упало по сравнению с 1960-ми годами весьма существен-

* Из-за такого опережения в выпуске инженеров в СССР очень быстро увеличивается их относительная /по сравнению с США/ численность: в 1965 г. – в 2 раза, в 1975 г. – уже в 2,5 раза больше, чем в США.

но; во-вторых, единственной реакцией режима на эти и аналогичные письма, статьи, доклады и пр., которые в 1956–1969 г.г. шли "вверх" потоками гораздо более мощными, чем в массовую печать, явилось включение квалифицированных, в том числе дипломированных и даже имеющих научную степень, специалистов в физический труд путем систематической директивной отправки их в качестве чернорабочих на сельскохозяйственные и промышленные объекты. Массовый характер приняли случаи, когда молодой специалист – выпускник техникума или вуза, обошедшийся обществу в десятки тысяч рублей, – со дня поступления его на работу по специальности /т.е. согласно диплому/ месяцами не бывает в своем учреждении /на своем предприятии/, работая где-то /за зарплату техника или инженера, что является проигрышем для него, т.к. зарплата рабочего в городе выше/ на стройке, в цеху и пр. в качестве "разнорабочего" /с очень низкой – в этом качестве – квалификацией/.

ЛГ, 10–9–1969, статья "Вопрос третий: какова отдача инженера?": "Методы классификации и учета специалистов, а также условия их труда в СССР и США значительно отличаются. Я попытался в целях сопоставимости эти различия по возможности устранить. Все же полученные результаты следует рассматривать как сугубо примерные оценки.

Расчеты, основанные на данных статистических публикаций, позволяют сказать, что каждому миллиарду рублей валовой продукции всех предприятий в 1966 г. у нас соответствовал труд 4.3 тысяч инженеров, занятых в промышленности, ее научно-исследовательских учреждениях, конструкторских и проектных организациях. В американской же промышленности на ту же стоимостную величину /миллиард рублей продукции/ приходится примерно

1.2 тысячи инженеров. Иными словами, "отдача" инженеров в США в 3.6 раза превышает нашу. Если же исключить инженеров, выполняющих административные и управленческие функции, то в расчете на одного инженера-производственника и исследователя различия в уровнях "отдачи" будут еще на треть больше.

Конечно, не сами инженеры, а также и руководимые ими рабочие в совместном с ними труде создают продукцию. Оказывает влияние и более высокая производительность машин во многих отраслях американской промышленности и ряд других факторов. Но даже при всей условности подобного соизмерения оно не может не навести на мысль о том, что наше превышение в численности инженеров и превосходство в качестве их подготовки не компенсирует пока еще разрыва в совокупной эффективности их труда".

Если ни количество квалифицированной рабочей силы, ни качество подготовки ведущих специалистов – офицеров промышленности – инженеров не повышают совокупной производительности труда, если даже машины работают в одних условиях менее производительно, чем в других, не должно ли это заставить задуматься над способом функционирования всего производства в целом? Нет, не заставляет даже независимых ученых западных стран /о чем думают зависимые от всесильного монокапиталиста ученые Восточной Европы и СССР – можно только догадываться/.

Питер Дракер в своей книге "Эра скачкообразного развития", вышедшей в Лондоне в 1960-х г.г., ставит экономические перспективы индустриальных стран в зависимость от количества школьников, получающих среднее образование. В этой связи ему кажутся чрезвычайно радужными экономические перспективы СССР. Я не могу

судить о взаимосвязанности этих факторов для западных стран, но для СССР эти перспективы мало зависят не только от количества школьников со средним образованием, но даже от количества академиков /так же, впрочем, как и для Китая или Вьетнама/. Для экономики не имеет положительного значения тот факт, что у разнорабочих колхозов или строек лежат в столах /или в отделах кадров числящих их за собой институтов/ дипломы инженеров и техников; что у молокососов, заставляющих китайских интеллигентов каяться и "перевоспитываться" в сельских коммунах, нет этих дипломов, и т.д. В любой момент здесь могут возникнуть и возникают ситуации, при которых безграмотный агроном Лысенко, получивший от Сталина академический титул, как царский кучер – графский, занимает в общественной экономике и науке место убитого им гениального Вавилова.

По данным Д. И. Бардина[69], в СССР 46% всех рабочих заняты на вспомогательных складских, погрузочно-разгрузочных и ремонтных работах, "производимых , в основном, вручную". Я. Смеляков в своей "Деловой Америке" сообщает о почти полной механизации погрузочно-разгрузочных и складских работ в США.

"Несоответствие состава оборудования номенклатуре изделий" создает положение, при котором "основную массу обрабатываемых изделий в машиностроении составляют детали длиной до 500 мм, на их долю приходится 97,7% по количеству и 72,7% по трудоемкости. Основная же масса выпускаемых промышленностью токарных станков имеет расстояние между центрами 716 и 1000 мм; из общего количества используемых деталей только 19,5% требуют нарезки резьбы, в то время как все универсальные токарные станки выпускаются с ходовыми винтами" /т.е. с приспособлениями для нарезки резьбы/. "Расчеты

показывают, что только за счет перехода от существующей к оптимальной структуре выпуска токарных станков народное хозяйство может получить 120 млн рублей годовой экономии"[70].

Два других автора утверждают, что несоответствие параметров станков характеру обрабатываемх изделий принесло народному хозяйству в течение семилетия /1959–1965 г.г./ ущерб в 900 млн рублей[71].

Освоение Севера...

Казалось бы, здесь приоритет России подготовлен историей и природой.

Но:

"Если взять весь наш Север, то убытки только от прямых потерь из-за отсутствия техники в северном исполнении превышают 400 млн рублей в год. Полные народнохозяйственные потери, конечно, во много раз больше. ... ежегодно на ремонт одного бульдозера тратится на Колыме 12 тысяч рублей, новая же машина стоит 7 тыс. рублей, включая стоимость ее доставки на Север. ... Экономические и социальные издержки советского общества по хозяйственному освоению ресурсов сегодня выше общественно-необходимых. ... На 100 человек, работающих в основных отраслях хозяйства Магаданской области, приходится 530 человек, занятых в обслуживании /транспорт, ремонт, бытовые услуги и т.п./. Много это или мало? Для сравнения: в зарубежных странах, широко осваивающих Север, на 100 рабочих основных отраслей приходится 100–200 обслуживающих"[72].

Мы не подсчитываем при этом миллиардных потерь периода "освоения" Севера армиями рабов кремлевского рабовладельца – потерь, прежде всего человеческих, т.е. невосполнимых.

"Обследование 2000 тысяч предприятий, произведен-

ное ЦСУ СССР в конце 1965 года показало, что за один только день потери рабочего времени в трех сменах составили 254 000 человекочасов; на ряде предприятий и строек только внутрисменные простои рабочих составляют 15–17% рабочего времени. А если учесть прогулы, отпуска по разрешению администрации и другим причинам, то потери труда вырастают в миллионы человекочасов. ...Из общего количества норм, действующих на промышленных предприятиях СССР, технически обоснованные нормы составляют 56%"[73].

"Уценка морально устаревших товаров наносит огромный вред бюджету. ... На 1 января 1966 г. сверхнормативный запас составлял около 600 млн руб., а в розничной торговле РСФСР – 1 млрд рублей"[74]. По данным акад. Аганбегяна, стоимость сверхпланового остатка нераскупаемых товаров по всей стране составляла на 1 января 1965 года 3 миллиарда рублей, что превысило стоимость таких же излишков в Западной Европе и США в годы великого кризиса 1929–32 г.г. *

Доктор экономических наук Н. С. Спиридонова[75] сообщает о колоссальном росте доли производства средств производства, т.е. промышленности группы "А", в валовом национальном продукте СССР /по сравнению с группой "Б", т.е. производством средств народного потребления/: доля группы "А" в 1940 году – 60%; в 1950 г. – 69%; в 1960 г. – 72,5%, в 1965 г. – 75%.

Д-р Спиридонова уточняет: в 1950 году 28% продукции

* См. его доклад в издательстве "Мир", прочитанный в 1965 году и разошедшийся в списках Самиздата по всей стране; кстати, остепенившийся академик спокойно работает в Новосибирском филиале АН СССР, а за цитирование и распространение его старого доклада привлекают к уголовной ответственности и сажают в лагеря студентов, унаследовавших его былую горячность.

группы "А" шли на оснащение материальной базы промышленности группы "Б"; а в 1965 году уже только 18% продукции промышленной группы "А" уходит на эти цели, "Сейчас, – говорит д–р Спиридонова, – тяжелая промышленность работает в значительной мере сама на себя – потребляет более 80% производственных ею средств производства" /точнее – 82%/.

Это нагляднейше свидетельствует об ориентированности советской промышленности, в первую очередь, на обеспечение военной мощи государства – монокапиталиста. Эта поистине тяжелая промышленность всей своей тяжестью ложится на плечи потребителя, получающего от нее для себя лишь 18% ее продукции.

Для сравнения: по данным СУМТ, экономика США в 1959 году производила по группе "А" лишь 33,6% своего гигантского "вала", а по группе "Б" – 66,4%, работая на 2/3 на потребление.

Система обладает великолепными аппаратами принуждения и дезинформации; ее Центр сосредоточил в своих руках распоряжение всеми ресурсами общества, включая общественное сознание и волю; режим способен на длительное игнорирование интересов большинства населения, своих пороков, несообразностей и противоречий. Но от этого пороки, несообразности и противоречия не исчезают, а усугубляются и в конце концов могут привести к ориентации на прямую агрессию /в отличие от постоянно длящейся и нарастающей косвенной и замаскированной агрессии/, которая, в свою очередь, явится не выходом, а катастрофой, и далеко не только для силы, развязавшей войну.

Опять, – не ставя перед собой задачи дать сколько-нибудь полную картину советской экономики 1970-х г.г., я

приведу лишь несколько небольших свидетельств, позволяющих оценить ее тенденции.

Я уже приводила почерпнутое, в основном, из официальных советских источников свидетельство Д. Михеева* о том, что по-видимому, 1970 год действительно был рубежом, после которого прекратился всякий рост национального валового продукта.

Д.Михеев считает, что положение могло бы стать критическим, если бы не рост мировых цен на золото, нефть и другое сырье, дающий Советскому Союзу, по-видимому, до десяти миллиардов долл. в год, если бы не западные кредиты, также превысившие десять миллиардов. Это сделало возможными огромные закупки зерна, ставшие необходимыми даже в самые урожайные годы.

Итак, могучая сверхдержава превратилась в "сырьевой придаток развитых капиталистических стран" /обычное советское определение отсталых районов мира/. Вот только какие выгоды, кроме смертельной угрозы, извлекают из этого положения "развитые страны", понять невозможно. Ибо задолженность СССР по кредитам неуклонно растет, а платежеспособность не увеличивается.

"В первом полугодии 1979 г. в странах Совета Экономической Взаимопомощи существенно замедлился рост промышленной продукции. В Советском Союзе фактический рост суммарной промышленной продукции /по сравнению с аналогичным периодом прошлого года/ составил 3,5%, при плановом задании 5,7%. В Венгрии эти цифры 4,1 /5,5/%, в Польше – 0,6 /4,9/%, в ЧССР – 2,6 /4,5/%, в Болгарии – 6,7 /7,8/%. Суммарный рост стран СЭВ при плане в 6% исчисляется цифрой в 3,7%.

В прошлом году ЦРУ США предсказывало, что советская экономика вступает в период значительного снижения годового прироста – до 4%. Теперь ЦРУ считает, что

процент прироста уже в течение нескольких ближайших лет составит менее 3%, а к середине 1980-х годов может упасть ниже 1%, если производство нефти спадет ниже 1,2 млн. т. в день. "СССР будет нуждаться в западном импорте больше, чем когда-либо", – приходят к выводу американские эксперты.

По данным работника Государственного комитета труда РСФСР А.Мясникова /"Труд" от 17 июля 1979 г./, "на большинстве отечественных машиностроительных заводов численность работников в 1,3–1,5 раза выше, чем на подобных же предприятиях за рубежом". Численность рабочих и служащих, утвержденная Госпланом СССР министерствам и ведомствам, на практике превышается. По расчетам Госплана СССР, в 1971 г. должно было быть занято на производстве 92,7 млн., а в 1975 г. – 101,6 млн. человек. В действительности, эта численность была превышена в 1971 г. на 1,4, а в 1975 г. – на 2,5 млн. человек.

Экономисты Индии возмущены чрезвычайно завышенной стоимостью промышленных сооружений, возведенных по проектам и "с помощью" Советского Союза. Так, очистительный завод, построенный СССР в г.Рабаунде /годовая производительность 2 млн. тонн/, обошелся Индии в 76 млн. долларов. В то же время, такая же очистительная установка, возведенная американской компанией "Филипс петролеум" /годовая производительность 2,5 млн. тонн/, стоила только 36 млн. долларов. Первая очередь металлургического комбината в Бокаро, производительностью 1,7 млн. тонн. обошлась Индии в 4,86 млрд. рупий. Примерно той же мощности металлургические комбинаты, возведенные в Дюнкерке /Франция/ или Фукуяме /Япония/, стоили более чем в 3 раза дешевле"[7].

"Примерно 2 года назад западная пресса писала об ана-

лизе ЦРУ, согласно которому советская добыча нефти должна сократиться в ближайшие годы, поставив и Советский Союз в зависимость от ввоза нефтепродуктов из арабских стран. Прогнозы американской разведки тогда вызвали сомнения экспертов США и Европы, а также возмущенные опровержения советской стороны"[78].

Однако:

"Летом прошлого года ЦРУ подкрепило свои прогнозы новыми цифрами, которые на этот раз косвенно подкрепляются и новейшими данными советской официальной статистики: в апреле 1979 г. дневная добыча нефти в СССР равнялась 11,73 млн. баррелей /1 баррель равен 159 литрам, или, примерно, 0,135 тонны/, в мае же 1979 г. – 11,35 млн. баррелей. То есть, добыча нефти в СССР уже начала снижаться.

... Во всех советских месторождениях нефти, за исключением Тюменьского в Западной Сибири, добыча не растет или даже снижается. Да и в Самотлорском месторождении /Западная Сибирь/, где сейчас добывается почти половина советской нефти, добыча приближается к высшей точке и начнет сокращаться в 1980 или в 1981 г.

В настоящее время СССР продает /в том числе и в восточноевропейские социалистические страны/ примерно 1 млн. баррелей в день. А в 1982 г., по расчету ЦРУ, Советскому Союзу потребуется ежедневно ввозить 700 000 баррелей; к 1985 г. эта цифра может возрасти до 3,5 млн. баррелей в день. Собственная добыча СССР упадет до 10 млн. баррелей, а возможно, и до 8 млн. баррелей в день.

... Возможности безболезненной экономии энергии весьма ограничены /в частности, в стране мало личных автомашин/ и экономить можно главным образом за счет сокращения производства. Для организации промышлен-

ной добычи нефти на новых местах потребуется десятилетие"[79].

Нехватка нефти в СССР в ближайшем будущем, при том, что: "Переход с нефтепродуктов на газ и уголь до сих пор в Советском Союзе по различным причинам не удавался", может, "по мнению ЦРУ, вызвать новые осложнения отношений между США и СССР на Ближнем Востоке"[80].

Похоже, что эти осложнения уже начались. Свободному миру трудно себе представить, что неизбежные внутренние неудачи сверхдержавы-монстра не ослабляют, а усиливают угрозу глобальной войны. Экстенсивное "расползание" – неизбежный способ существования структур, неспособных в силу своей организации на созидательно-интенсивное бытие. Коммунизм представляет собой уникальный до сих пор в истории случай. Во-первых, эта система по происхождению идеологична. То, что в идеологию эту внутри страны уже никто не верит, не имеет значения: так или иначе, другого миропонимания нет, а то, которое было, превратилось в способ существования. Во-вторых, идеология, из которой возникла система, изначально имеет своей целью, своим идеалом свою мировую победу. В-третьих, система работать эффективно не может и поэтому непрерывно, во все большей степени, должна потреблять произведенное не ею.

Все эти условия приводят ее к стремлению захватывать и заглатывать все незахваченное и непроглоченное. Но несчастье в том, что как только самый лучший кусок земли становится частью этой системы, он проникается ее бесплодием.

"Под броским заголовком "Эстафету принял завершающий" в "Правде" /26.1/ напечатано сообщение ЦРУ СССР "Об итогах выполнения Государственного плана экономи-

ческого и социального развития СССР".

Коротко эти итоги, в главном, могут быть показаны следующей таблицей /проценты прироста/:

	Факт. 1978	План 1979	Факт. 1979
Национальный доход	4,0	4,3	2,0
Пром. продукция	4,8	5,7	3,4
В т.ч. группа "А" /тяж.пром./	5,0	5,8	3,5
группа "Б" /лег.пром./	4,0	5,4	3,3
Реальный доход на душу	3,0	3,3	3,0
Фонд зарплаты	5,0	3,6	4,1
Общественные фонды потребления на душу	4,7	3,2	3,2
Розничный товарооборот	3,9	4,8	4,2
Бытовые услуги	7,9	7,7	7,6

Комментарии, как говорится, излишни" [81].

"В 1979 году производство ряда важнейших продуктов в СССР не достигло запланированного уровня. Вместо 1265 млрд. киловатт электроэнергии выработано 1239 /план на 1980 год – 1295/; вместо плановых 593 млн. тонн нефти добыто 586 /план на 1980 год – 606/. Добыча угля составила 719 млн. тонн, что не только значительно меньше плановой /752/, но и меньше добытого угля в 1978 году /724 млн. тонн/. Также меньше, чем в 1978 году /151 млн. тонн/, произведено стали – 149 млн. тонн. Не достигнут и целый ряд других плановых показателей.

В 1979 году более, чем на 6% уменьшился ввод жилой площади. Если в предыдущие 10 лет ввод жилья составлял в среднем 108,7 млн. кв. м ежегодно, то в истекшем году было построено 102,5 млн. кв. м.

Последний раз официальные данные о советских золотых резервах были опубликованы в 1934 году /3500 тонн/.

В 1964 году советские золотые запасы, по мнению западных экспертов, были в 2 раза меньше"[82].

Именно потому, что внутренний рост производства замедлился и грозит прекратиться /отчасти уже прекратился/ и что никакие захваты не обеспечат этого роста, система по своей воле /в ее агрессивности/ не остановится.

В. ПОТРЕБЛЕНИЕ, УСЛОВИЯ ТРУДА И СУЩЕСТВОВАНИЯ. То, что мы процитировали выше, уже в значительной степени содержит в себе ответ на заглавный вопрос: уровень жизни не может быть высоким при столь неупорядоченном экономическом процессе /да еще с учетом колоссальных потребностей хозяина-монополиста/. Разумеется, плывя, как щепка, в общем международном потоке современной технологии, страна, обладающая такими масштабами, как-то свое потребление перекрывает. Но как? В какой мере это потребление соответствует возможностям современной технологии и передовым стандартам времени?

Мы будем опять пользоваться, в основном, советскими источниками, заранее соглашаясь с тем, что возможные несоответствия статистики истине будут в пользу объекта критики, а не в нашу пользу. Картина и так получается достаточно впечатляющей.

По данным ЦСУ СССР, средняя заработная плата рабочих и служащих в промышленности СССР составляет за 1968 год 112,5 рублей в месяц, а с учетом использования общественных фондов — до 140 рублей. Это обычное в советской статистике дополнение — за счет общественных фондов — неправомерно, ибо указанные фонды, во-первых, образуются за счет налогообложения, т.е. за счет той же зарплаты, в то время, как в цифре, характеризующей зарплату, налог не показан /дается зарплата всегда номинальная, до отчисления налога, а не истинная/. Во-вторых,

доплаты из общественных фондов получают далеко не все категории работающих: здесь учтены пенсии, стипендии, стоимость обучения и бесплатных /т.е. пропагандистских: за остальные зрители платят/ культурных мероприятий. В-третьих, в сумме указанных выше выплат никогда не отмечается удельный вес собственных денег налогоплательщика, изымаемых из его зарплаты, и государственных субсидий из других фондов.

Но примем и такой подход к делу: другой статистики нам взять неоткуда. Минимальная зарплата составляет с 1967 года 60 рублей в месяц – для городских рабочих и служащих; для колхозников и совхозных рабочих такого ограничения нет, а для сельских служащих нижний предел зарплаты – 50 рублей.

В селах РСФСР дело обстоит следующим образом:

"Известно, что оплата труда в колхозах Федерации за последние 6 лет выросла в 1,5 раза. Но средние заработки скрывают зачастую большие различия в уровне заработка разных профессий. В российских колхозах заработная плата на человекодень в 1964 году составляла:

Председатель колхоза	7,22 р.
Агроном	4,35 р.
Бригадир	3,01 р.
Тракторист	3,83 р.
Животновод	2,28 р.
а занятый в полеводстве лишь	1,79 р.
а занятый в полеводстве лишь	1,79 р.

Если же учесть, что самих-то человекодней у человека со штатной должностью больше, чем у "полевода", то понятной станет сильная разница в годовом заработке. Средняя годовая зарплата по перечисленным профессиям выглядела соответственно так: 2223 р., 1270 р., 933 р., 346 р.

Ясно, что и эти средние цифры сглаживают резкие ступени: в зависимости от экономики колхоза зарплата председателя колебалась в пределах:

	1746 – 3064 р.
Тракториста	618 – 1116 р.
Полевода	172 – 614 р."[83]

В месячном заработке эти колебания выглядят так /расчет Д.Ш./:

Председатель колхоза	145,5 – 255,3 р.
Тракторист	54,2 – 93,0 р.,
Полевод	14,3 – 51,1 р.

Наглядно выступает разница в заработке между председателем колхоза и самой массовой категорией его работников: полеводы составляют более 50% колхозников и совхозных рабочих Федерации.

Таковы средние заработки.

Соотнесем их с прожиточным минимумом. В 1965–67 г.г. в СССР вышло несколько книг и статей, посвященных нормативным и реальным бюджетам трудящихся СССР. Это, к примеру: И.Я. Матюха, "Статистика бюджета" /Изд. "Статистика, М., 1967/; Г.С.Саркисян и Н.П.Кузнецова, "Потребности и доход семьи" /Изд. "Экономика", 1967/; В.А.Васильева, "Бюджеты рабочих прежде и теперь" /то же издательство, 1967/; В.Я.Райцин, "Нормативные методы планирования уровня жизни" /то же/; кроме того, появились статьи в периодике, рецензирующие указанные книги, и т.д.

В.П.Кузнецова и Г.С.Саркисян разработали нормативный бюджет для средней советской семьи, состоящей из двух работающих взрослых и двух детей школьного возраста /в американской статистике рассматриваются обычно семьи из одного работающего и трех иждивенцев/. Этот бюджет представляет собой прожиточный минимум

и составляет 51,4 рубля на человека в месяц. Расходы на питание составляют 55,9% бюджета и равны 29 рублям в месяц на человека. Рецензент "Нового мира" В.Борнычева, с полными к тому основаниями, отмечает бедность набора продуктов, который предлагается в этом минимуме /и который единственно только и можно – с трудом! – уложить в 29 рублей, при том нереальном условии, что в магазинах всегда есть эти продукты по твердой, т.е. не по "кооперативно-коммерческой" и не по базарной, гораздо более высокой цене/. Тем не менее на деле этот бюджет и этот набор продуктов являются не минимальными, а выше средних для массовых слоев населения СССР.

Авторы нормативного бюджета говорят о выигрыше граждан СССР в питании по сравнению с гражданами "капиталистических" государств. Если только не производить сравнения с самыми отсталыми и голодными районами мира, то непонятно, откуда берется выигрыш, ибо структура питания в СССР /при удовлетворительной общей калорийности/ является далеко не оптимальной. По данным сборника "Мы и планета" /наиболее оптимистическим, ибо другие источники, например, сборник "Страны социализма и капитализма в цифрах", 1966, дают более пессимистические цифры/, СССР занимает по потреблению основных продуктов питания на душу населения следующие места в мировой таблице соответствующих показателей /см. стр. 211/:

По фруктам и овощам показатели везде опускаются – как сравнительные, так и абсолютные, ибо потребление их везде, кроме отдельных районов, поставляющих фрукты и овощи всей стране /параллельно огромному, но недостаточному импорту этих продуктов питания из Болгарии, Венгрии и т.д./, чрезвычайно низкое, для некоторых

Продукты	Место в мире	Потребление на душу насел. в год	Научно обоснованная норма
Мясо	8	46 кг (1965) 55–56 кг (1978)	80–100 кг
Сахар	6	35 кг	40–44 кг
Молоко и мол, прод.	7	270 кг.	460–540 кг
Яйца	6	138 шт	330–365 шт.
Хлеб и хлебопрод.	3 (после Пакистана)		Величины в цифрах нигде не показаны
Картофель	3 (после Бразилии)		

местностей – катастрофически низкое. По калорийности питания СССР /в советских таблицах/ стоит обычно на 5–6 месте в мире /за счет перевеса в хлебе, хлебопродуктах и картофеле/. Характерно, что потребление продуктов питания на душу населения в США /согласно советским таблицам/ полностью соответствует рациональным нормам, вычисленным советскими диетологами. По потреблению хлеба и хлебопродуктов США стоит на последнем месте в таблице, приведенной справочником "Мы и планета".

Итак, норматив минимально возможного для работы и жизни потребления составляет 51.4 рубля в месяц на человека.

Если бы сельскохозяйственное население СССР суще-

ствовало* только на доходы от "общественного", т.е. государственного, хозяйства, то неквалифицированные "полеводы" давным-давно вымерли бы, как мамонты или ящеры.

Как по данным Ю. В. Арутюняна[84], так и по данным Ю. Черниченко[85], никто из "полеводов" не зарабатывает достаточно для самого себя, не говоря уже об иждивенцах.

Ю.В.Арутюнян разделил обследованное им население Украины на 4 категории: а/квалифицированный умственный труд; б/ неквалифицированный умственный труд; в/квалифицированный физический труд; г/неквалифицированный физический труд. Оказалось, что потребление членов своих семей не обеспечивает на минимальном уровне в 51.4 рубля в месяц на каждого ни одна из рассмотренных категорий работников!

Почему же "полеводы" не вымирают, а продолжают как-то кормить страну, правда, все чаще и больше прикупающую хлеб за границей, у "непроизводительных" "единоличников" и капиталистов?

Ответы приходят порой случайно /мы имеем в виду не жизненный опыт, делающий ситуацию ясной большинству наблюдателей, а документальные подтверждения этой ясности/: в сборнике "Советский читатель"[86] есть такие сведения: колхозники заняты в "общественном" хозяйстве примерно 8—9 часов в сутки, а дома еще 6—7 часов. "Исследование расходования рабочего времени, проводившееся в конце 1965 года в селе "Комсомольское"

* Как того неоднократно требовала советская власть, – от В. И. Ленина, боровшегося против предоставления индивидуальных огородов рабочим совхозов и членам коммун, до сталинского и даже хрущевского руководства.

Белорусской ССР показало, что если мужчины тратят на работу по дому 6 часов, то женщины – 10".

Вот и ответ: сельскохозяйственное население вынуждено* работать на своих приусадебных карликовых хозяйствах дополнительный рабочий день, чтобы воспроизвести рабочую силу для государственного сельского хозяйства, которое не прокармливает своих работников.

А заодно эти карликовые хозяйства пополняют бюджет питания и городского населения через рынок, ибо государственный и колхозный секторы торговли не справляются с этой задачей**.

"Но, – как остроумно замечает Ю.В.Арутюнян, – рабочие в городе тоже не в силу высокой сознательности не разводят капусту на асфальте", а лишь потому, что на асфальте капуста расти не может. Ю.В.Арутюнян объясняет "живучесть" приусадебного хозяйства в селе "недостаточностью фондов, выделяемых на оплату труда колхозников". Формулировка неточная: Ю. Черниченко[87] отлично проиллюстрировал тот общеизвестный в СССР факт, что там, где односторонне увеличили и стабилизировали оплату сельскохозяйственного труда, там получаемый урожай перестал компенсировать эту оплату. Дело в непродуктивности советского сельского хозяйства, а не пресловутой "неправильности" распределения – неправильности, уже в 19 веке ставшей фундаментом марксистской антикапиталистической пропаганды. Если бы советское руководство имело возможность, обеспечивая все выжива-

* По сей день, а не только во времена сталинской всеобщей бесплатности сельскохозяйственного труда, когда "трудодни" и отмечались в ведомостях, и назывались "палочками", ибо за них десятилетиями ничего не платили!

** По данным 1977 г., приусадебные участки обеспечивают более трети рыночного спроса на мясопродукты.

тельные, самозащитные, пенитенциарные, наступательные и потребительские расходы самого государства-монокапиталиста /т.е. всех его ступеней, органов, аппаратов/, хорошо кормить еще и производителей, оно бы не преминуло это сделать, ибо тогда ему жилось бы намного спокойнее.

"В разработке рациональных норм потребления принимают участие свыше 25 НИИ и организаций под общим руководством Госплана СССР", – сообщает В. Райцин[88]. Я полагаю, что если 25 НИИ и организаций приемлют используемый В.Райциным /с ссылкой на них/ стандарт "условного распределения доходов" среди населения СССР, то, очевидно, это "условное /?/" распределение более или менее реально: не станут же 25 НИИ и организаций толочь воду в ступе? Или могут?..

В. Райцин приводит следующее распределение рабочих и служащих по душевому денежному доходу /см. стр.215/:

Таким образом, если снизить нормативный минимум потребления с 51.4 р. до 50-ти, то и тогда 43.7% рабочих, служащих и членов их семей не дотянут до этого "минимального" уровня, т.е., по западноевропейским или североамериканским понятиям, попадут в разряд беднейшего, остро нуждающегося населения.

Правда, экономисты, в т.ч. Райцин, прибегают к пересчету, в котором уменьшают норматив потребления всех членов семьи, кроме взрослых мужчин, но и после этой сомнительной операции до 50-тирублевого минимума не дотягивают 21.9% населения городов, а 59.1% его пребывают на низших ступенях "благополучия".

Газета "Известия" от 2.7.1967 года опубликовала реальный бюджет рабочей семьи по данным обследования двух тысяч семей завода им. Носенко /г. Николаев/.

Группы по величине душевого дохода на члена семьи (в рублях)	Удельный вес группы, имеющей такой душевой доход по отношению к общему числу рабочих, служащих и членов их семей (в %%)
14–30	15,5
35–50	28,2
50–75	35,0
75–100	10,0
100–140	8,75
140–200	2,0
свыше 200	0,5
Итого	100

Этот бюджет составляет 47.4 рубля в месяц на одного человека, т.е. на 4 рубля меньше, чем в минимуме. Авторы статьи говорят об индивидуальных огородах рабочих /"капуста" в пригороде, или опять необходимость дополнительным трудом, в свободное от службы время, поддерживать воспроизводство рабочей силы для государственных предприятий/; о дополнительных заработках /огороды имеют 2/5 семей; какие же "дополнительные заработки" имеются здесь в виду – непонятно/. Однако, даже с учетом всех этих поправок и дополнений, в значительной группе семей бюджет на четырех человек составляет 120–150 рублей, а 1% семей обеспечен на уровне минимальной зарплаты /60 руб./, не позволяющей содержать даже одного иждивенца.

Надо учесть, что в минимальном бюджете /51.4 р. на человека в месяц/ учтены только питание, одежда, хозяйственно-бытовые расходы, включая жилье. Ни отдых, ни культурные расходы, ни транспорт, ни лечение, хотя лекарства в СССР платные и очень дорогие, так же как и санаторное лечение /бесплатные или льготные санаторные путевки обследованные рабочие семьи получают в среднем один раз в 10 лет/, ни образование, хотя детские сады и ясли, учебники, школьные формы тоже платные, а крохотное пособие на ребенка дается лишь матерям-одиночкам и семьям с доходом ниже 50 рублей на человека в месяц и составляет 12 рублей, – в этом бюджете не учтены.

Маркс писал в "Капитале"[89], что оплата рабочей силы по ее минимальной стоимости означает фактическое "вырождение", "хирение" – "деградацию" этой рабочей силы. Он свидетельствует, что даже для капитализма его времени "падение заработной платы до уровня "прожиточного" /физиологического/ минимума является практически случаем исключительным". Что же тогда следует говорить о систематическом отыскании работниками дополнительных доходов на стороне, помимо их заработной платы, без чего они не могли бы выполнять своих производственных функций и как-то воспроизводить для своего хозяина рабочую силу?

И ведь мы говорим о самой богатой из социалистических стран, используя при этом ее собственные официальные показатели и легально изданные работы!

Что же тогда говорить о Китае, жизненный уровень которого составляет примерно 24% советского? Или о Северном Вьетнаме, где он близок к 16% советского? Вспомним призывы китайских властей к отказу рабочих от государственной заработной платы и к самообеспече-

нию их за счет собственных микроскопических огородиков. Кто же привел к деградации и вырождению рабочей силы – конкурентный капитализм или монокапитализм /социализм/?

Нормальное воспроизводство рабочей силы в стране требует, чтобы каждая семья имела примерно 2–3 детей. Средняя же заработная плата, показанная в отчете ЦСУ за 1967 год /112.5 р. в месяц/, позволяет советскому отцу содержать на минимальном выживательном уровне не более одного иждивенца.

"Для инженеров и старших инженеров всех специальностей, экономистов, нормировщиков должностные оклады на предприятиях тяжелой промышленности установлены в размере 80–135 рублей, на предприятиях легкой и пищевой промышленности 80–110 рублей... На предприятиях машиностроения оплата труда конструкторов производится по трем категориям: ... 110–150 р., ...100–140 р., ...95–135 р."[90].

Следует учесть, что более высокие оклады получают как правило работники старших возрастов, а не молодые родители, так как господствует принцип зависимости оклада от стажа работы.

Ставки техников колеблются, как мы уже говорили, в пределах 75 – 100 р., учителей – 100 – 140 р., врачей – 105 – 150 р. (1968 г.); 20-ти – 25-тилетний стаж работы дает учителям и врачам значительную, по советским понятиям "выслугу" – до 40% зарплаты или право получать, работая, еще и пенсию, предел которой – 120 рублей. Но после 20-ти – 25-ти лет работы вряд ли возможно увеличение семейства иначе как за счет появления внуков... Вот и оказывается, что родители не освобождаются от материальной помощи детям /на своих нищенских окладов и пенсий/ до самой смерти. Советских журналистов удив-

ляет и даже почему-то шокирует удельный вес пожилых людей и пенсионеров в туризме Запада. Советские обозреватели выражают сочувствие пожилым родителям, живущим на Западе как правило не вместе со своими детьми. Им по сердцу и по привычке "комфорт" 2-х – 3-хкомнатных /в лучшем случае/ семейных "вороньих слободок"[91], в которых старики из последних сил копошатся на кухне и нянчат внуков, а потом, свалившись, отнимают у молодых столь насущно необходимое время и жизненное пространство. – Молодые же, к своему собственому ужасу, оказываются вынужденными в глубине души, против воли, желать прекращения обоюдных мучений.

Советские авторы предлагают, помимо минимального, еще и "рациональный" бюджет, дающий, по их словам, "благосостояние более высокое, чем достаток" /по-видимому, 51,4 рубля в месяц на человека – это достаток/. Этот рациональный бюджет составляет сто сорок семь и две десятых рубля в месяц на одного члена семьи и более, чем в 2,5 раза /почти в три/ превышает минимальный массовый норматив, до которого не дотягивает ни одна рядовая сельская и около половины /43%/ городских семей.

– Но ведь люди живут? – возразят нам читатели.

– Живут, – согласимся мы. – И даже имеют сбережения в кассах и домашние накопления.

Сельское население, как мы уже говорили, имеет приусадебные участки; почти в каждой сельской семье, живущей в зоне курсирования пригородных поездов, кто-то работает в городе, на промышленных предприятиях; кроме того, полностью изжило себя мало-мальски уважительное отношение к колхозно-совхозной и прочей государственной собственности.

Десятилетия неоплачиваемого и плохо оплачиваемого труда научили сельское и городское население стихийно

перераспределять продукт своего труда. В селе никто не возвращается с пустыми руками ни с поля, ни с огорода, ни с животноводческой фермы, ни с маслобойни, ни с мельницы, ни из сада, ни из кладовой. Начальству — везут, не взирая на и без того относительно большие доходы председателей, директоров, бригадиров, специалистов с сельскохозяйственным образованием в колхозах и совхозах и пр. Остальные — несут. Этим заняты даже уважаемые матери семейств, которые к "человеческой", т.е. личной, собственности относятся с прежним традиционным уважением.

Городской житель не уступает в этом отношении сельскому, и производственные хищения стали злом, с которым государство практически бессильно бороться: не помогли ни драконовские законы сталинской эры, ни "мягкость" коллегиального" руководства, ни хрущевские процессы с ретроактивными смертными приговорами, ни попытки введения нравственности населения в терпимые рамки посредством множества воспитательных и юридических мероприятий . Есть данные, что в настоящее время противодействие властей "левому" * производству в городах снова усилилось.

Городской житель подрабатывает, "халтурит", "шабашит", "левачит", выполняет в частном порядке не облагаемые налогом работы и услуги, если владеет каким-нибудь полезным для окружающих ремеслом; берет доплату за услуги и работы, выполняемые им для частных лиц / и даже для учреждений/ на государственных предприятиях /надбавка за истинное повышение качества/, — словом, выкручивается, как умеет. Нерасторопные постоянно залезают в долги. Те, кому не за что брать доплаты и взят-

* Частному, незаконному, "подпольному".

ки, нечего красть и нечем прирабатывать на стороне /рядовые специалисты с высшим образованием и служащие/, попадают в разряд наиболее зависимого и необеспеченного населения. Мимоходом замечу, что роль и организация "левой", т.е. частной, не зависящей от государства, экономика СССР должна изучаться и изучаться. Разумеется, рациональности в системе от нее никак не прибывает – напротив: растут шумы, увеличиваются искажения всевозможных верховных программ, накапливается дезорганизация, но люди как-то живут...

В 1934 году Элеонора Рузвельт писала о более чем 1/3 нищенствующего населения США.

В 1964 году Джонсон назвал находящимися на грани бедности и бедствующими 18% населения США.

В 1969 году в своем послании к Конгрессу Никсон назвал нуждающимися примерно 16% населения США, из которых в острой нужде, по его словам, пребывают около 6% населения.

Согласно приведенным нами данным советской статистики, по состоянию на 1968 г., в СССР обеспечены ниже минимального прожиточного уровня по доходу на члена семьи все сельскохозяйственные работники, кроме узкого слоя руководства колхозов и совхозов и некоторых постоянных работников /механизаторов, животноводов/ в сильных хозяйствах, а также 43% городских жителей. Для того, чтобы предупредить разговоры о несоизмеримости цен на продукты широкого потребления и поэтому – о несоизмеримости показателей по зарплате, я вычислила, сколько часов или минут должны затратить средний работающий по найму гражданин СССР и рабочий США на приобретение единицы того или иного товара. После рассмотрения приводимой ниже таблицы отпадут уверения, что нельзя сравнивать доходы тех и других из-за резкой

разницы в ценах. Цены в абсолютном своем исчислении на продукты питания весьма близки, на промышленные потребительские товары в развитых капиталистических странах как правило ниже, чем в СССР, на бытовые услуги и квартиру – в СССР ниже, чем на Западе, но заработная плата /по состоянию на 1966 год/ у рабочих США, в среднем, в 4 раза, а у дипломированных специалистов – в 8–10 раз выше, чем у тех же категорий советских граждан.

Расчеты в прилагаемых ниже таблицах /см. стр. 222,223/ произведены по сборнику "Страны социализма и капитализма в цифрах" /М., 1966/

Имеется ли в СССР безработица?

Я уже говорила о том, что можно определить как ложную занятость – занятость, не создающую ни материальных, ни духовных ценностей. Сейчас мы говорим не об этом, а о явлении, которое в СССР стыдливо именуется "незанятостью населения".

В докладе Косыгина на мартовском пленуме ЦК КПСС /март 1965 года/ приведена следующая цифра "незанятости населения": 16% населения неиндустриальных городов и поселков СССР, в т.ч. 25% незанятого женского трудоспособного населения.

В Марселе 14 тысяч докеров, потеряли работу в связи с автоматизацией портовых работ и перешли на пособия по безработице – сокрушается "Литературная газета" в январе 1969 года, публикуя эффектные фотографии.

В Пскове 26,8 тысяч нетрудоустроенных жителей трудоспособных возрастов, нуждающихся в работе, – сообщает Ю. Черниченко[92], и никого эта цифра не потрясает, хотя Псков много меньше Марселя и пособия по безработице в нем неработающем не платят. Поистине, в чужом глазу...

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ЦЕН И РАСХОДА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ЕДИНИЦЫ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ В СССР, США, ФРГ и АНГЛИИ

Виды товаров	Един. изм.	Цены и валюта				Время в часах			
		СССР рубли	США центы	ФРГ марки	Англия пенсы	СССР	США	ФРГ	Англия
Хлеб пшен.	1 кг	0,16–0,27	47,6	1,1	18	0,24–0,4	0,16	0,3	0,2
Молоко	1 л	0,24	26,2	0,68	16	0,36	0,09	0,18	0,18
Масло слив.	1 кг	3,5	166,3	7,81	102	5,3	0,58	2,1	1,8
Маргарин	1 кг	1,7	60,6	2,9	–	2,58	0,21	0,78	–
Говядина	1 кг	1,9	126,0	6,57	70–180	2,8	0,43	1,77	0,7–2,0
Свинина	1 кг	2,0	148,6	7,7	110–135	3,03	0,51	2,08	1,25–1,5
Куры	1 кг	1,6–2,25	84,9	5,17	–	2,4–3,7	0,29	1,4	–
Яйца (шт)	10–12	0,8–1,2	63,8	2,1	20–40	1,2–1,8	0,19	0,56	–
Картофель	1 кг	0,08–0,2	14,3	0,4	–	0,12–0,3	0,06	0,1	–
Апельсины	1 кг	1,9–3	79,3 дюж.	–	31	2,8–4,5	0,27	–	0,35
Сахар	1 кг	0,78	32	1,23	21	1,18	0,11	0,3	0,24

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ЦЕН И РАСХОДА РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ЕДИНИЦЫ ТОВАРОВ И УСЛУГ*

Товары масс. пр-ва средн. качества	СССР	США	ФРГ	СССР	США	ФРГ
		цены			часы	
Костюм муж.	50–150	18–80	165	64,1–192,3	6,08–26,6	44,7
Пальто муж.	50–150	25–75	–	64,1–192,3	8,4–25,3	–
Рубашка муж.	6–20	2,5–5	16–19	7,7–25,6	0,8–1,6	4,4
Ботинки муж.	15–40	4–18	8,8	19,2–51,2	1,3–6,08	2,4
Брюки шерст.	10–25	5–25	–	12,8–39,2	1,6–8,1	–
Костюм жен.	40–120	9–50	–	54,2–154,9	3,04–16	–
Визит к врачу	–	–	5	–	–	1,6
Рентген	–	–	10	–	–	3,2
Анализ	–	–	5	–	–	1,6

"Сельское население страны составляет 107,5 млн. человек, из работающих в общественном секторе села 70% колхозники. Так что уровень занятости члена сельхозартели — чрезвычайно важная экономическая категория. В среднем по стране трудоспособный колхозник занят в общественном хозяйстве 197–199 дней в году; это составляет 73–74% годового фонда рабочего времени, т.к. за норму принимается обычно 270 дней.

* Я взяла лишь те показатели, которые обнаружила в упомянутом справочнике. На мой взгляд, цены на промтовары по СССР занижены, но, по-видимому, и в зарубежных примерах приведены цены на промтовары не лучшего качества. Стоимости медицинского обслуживания в США мне в советских справочниках конца 1960-х г.г. обнаружить не удалось. Платного медицинского обслуживания в СССР в них тоже нет, и я его не оцениваю. Полагаю, что, при всей своей неполноте, эта таблица дает некоторое представление о цене труда в СССР и в западных странах.

Напомним, что "недотянутые" до нормы человекодни колхозников в сумме вдвое превышают затраты труда на черную металлургию, добычу угля и нефти, вместе взятые. "... Это превращается в норму: чем гуще население в районе, чем лучше возрастной состав его, тем хуже занятость. ... 9,5 миллионов колхозников зимой оставались без работы. ... Удельный вес этой категории колхозников очень велик. В Российской федерации человек "общеколхозной" профессии работал в 1964 году в среднем 140 дней"[93].

Напоминаем: "люди "общеколхозной" профессии" – это не имеющие ни специальности, ни постоянных должностей и мест работы "полеводы", годовой заработок которых колеблется в пределах 172 – 614 рублей; так что дома они сидят не с жиру...

Люди уходят в промышленность, но "по расчетам экономистов, поглощающие способности промышленности на ближайшие 10–15 лет очень ограничены. Поточное автоматическое производство снизило среднегодовой темп прироста рабочих по сравнению с довоенным временем. ... Город все более способен сам покрывать свои потребности в рабочей силе"[94].

Так складывается положение, при котором число людей, выехавших из сел в города, и число "незанятых" трудоспособных / и ищущих работы/ граждан в этих городах почти совпадает. Особенно справедливо это наблюдение ряда авторов для нечерноземной полосы и ее малоиндустриальных районов.

Поскольку и этот раздел моей книги построен, в основном, на советской статистике 1960-х г.г. приведу несколько более свежих данных о жизненном уровне советских граждан:

"Программа КПСС 1961 года – среди многих прочих даров – обещала:

а/ в течение 60-х годов "... превзойти США по производству на душу населения;

– повысить сельскохозяйственное производство на 150%;

– повысить доходы /реальные/ рабочих и служащих на 100%;

– обеспечить 11-летнее среднее образование для всех детей;

– перейти на 35-часовую рабочую неделю;

б/ в течение 60-х и 70-х годов:

– систематически снижать розничные цены на товары;

– отменить налоги с населения;

– обеспечить современную комфортабельную квартиру для каждой семьи;

– ввести бесплатное пользование квартирами, коммунальным транспортом, водоснабжением, газом, отоплением, лекарствами; ввести бесплатное содержание детей в детских учреждениях и школах-интернатах,бесплатные обеды в столовых на предприятиях и в учреждениях, а также для занятых на производстве колхозников;

– обеспечить более высокий жизненный уровень, чем в любой капиталистической стране;

– сократить число заболеваний и увеличить продолжительность жизни;

– обеспечить советской науке ведущее место в мире по всем основным направлениям."

Эти задачи основывались на расчетах советских экономистов, которые указывали, что за предыдущие 10 лет национальный доход в СССР возрос более чем на 150%, в то время как в США – только на 32%. Руководители СССР обещали, что и в будущем темпы роста производ-

ства в СССР будут в 4–5 раз выше, чем в Соединенных Штатах."[95]

Однако:

" Даже по официальным советским данным, расходы военного министерства СССР в 1960–1976 годах увеличились почти на 100%; расходы же 8-ми министерств военной промышленности увеличились еще больше. Нужно отметить, что бюджет военного министерства отражает, главным образом, затраты на оплату жалования военнослужащих, которое в Советском Союзе относительно невелико и увеличивается медленно. Производство же в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, например, значительная часть которого имеет военное назначение, только за 1965–1975 годы возросло более чем в 3 раза. Соответственно возрастали и затраты в этой области.

Производство в тяжелой промышленности возрастало гораздо быстрее, чем в легкой. Вот некоторые показатели тяжелой промышленности /в млн. тонн/.

	нефть	уголь	железн. руда	сталь
1960 г.	148	510	106	65
1975 г.	482	701	233	141

В результате такой политики СССР обогнал США и все другие страны /взятые в отдельности/ по производству в нескольких областях тяжелой промышленности и по изготовлению вооружений, в том числе по производству ракет, танков, артиллерийских орудий, боеприпасов. В то же время и в связи с той же политикой отставание уровня жизни в СССР от уровня жизни в демократических

странах не только не уменьшилось, но напротив, возросло. По некоторым показателям условия жизни в СССР даже ухудшились. Так, в 1975 году в Советском Союзе было построено меньше новых квартир и стало меньше институтов и больниц, чем в 1960 году – несмотря на то, что население за эти 15 лет увеличилось почти на 40 млн. человек. Об этом свидетельствует следующая таблица:

	Посевн. площ. млн.га	Новые квартиры тыс.	ВУЗы	Библио-теки тыс.	Боль-ницы тыс.
1960 г.	218,5	2591	880	136	26,7
1975 г.	217,7	2200	856	131,3	24,6

Вместо того, чтобы, согласно обещанию снижать налоги и цены на потребительские товары, советское руководство сразу же принялось повышать цены и общий объем налогообложения /особенно косвенные налоги, которые входят в цены на товары, продаваемые магазинами, принадлежащими все тому же руководству/.

Под предлогом деноминации рубля цены на многие товары были повышены уже в 1961 году. Цена коробки спичек, например, была увеличена на 233%. В следующем году были значительно повышены цены на мясо и масло, имеющие большое значение для населения. На этот раз повышение было откровенно объяснено властями как результат политики увеличения военных расходов.

... В дальнейшем были повышены цены на многие товары и услуги, в том числе более чем вдвое увеличены цены на кооперативные квартиры, в два раза повышена плата за проезд в такси, увеличены цены на книги, водку и т.д.

По неопубликованным подсчетам Института экономики Украинской Академии наук, стоимость жизни в СССР повысилась в 1966–1975 годах более чем на 50%. Если же взять период с 1960 по 1977 год, то можно считать, что цены на потребительские товары в эти голы повысились в среднем примерно в два раза. Нередко те или иные товары первой необходимости /например, мясо, картофель/ исчезают из государственных магазинов, и населению приходится покупать их на рынке, где они гораздо дороже /картофель на рынке дороже на 233%/. В последние годы темпы роста цен еще более увеличились – в то время как заработная плата у большинства трудящихся остается прежней. Другими словами, покупательная способность и жизненный уровень десятков миллионов жителей СССР в 60-х и 70–х годах не только не повысились, но даже снизились.

Официальная советская статистика утверждает, что номинальная средняя годовая зарплата трудящегося в СССР увеличилась с 967 рублей в 1960 году до 1750 рублей в 1975 году. Но темп инфляции в эти годы, как мы уже видели, был по меньшей мере таким же, как и темп роста зарплаты. Это говорит о застое покупательной способности населения. Между тем в США средняя зарплата повысилась с 4 800 долларов в 1960 г. до 10 700 долларов в 1975 году, а темп роста цен уступал темпу роста зарплаты. В других демократических странах повышение покупательной способности населения было еще более значительным."[96] *

Программа КПСС базировалась на априорной экстраполяции темпов роста 1951–61 г.г. в последующее деся-

* Автор статьи ссылается на печатные источники всех своих данных об экономике СССР.

тилетие. Между тем эта экстраполяция была заведомо ненадежной.

Во-первых, по данным справочника "Экономика стран мира"[97], национальный доход США возрос за десятилетие /с 1950 по 1960 годы/ не на 32%, а примерно на 71% /от 241,1 до 414,5 млрд долларов/. В последующие семь лет он увеличился еще на 56,5% /с 414,5 до 649,6 млрд. долларов/.

Во-вторых, национальный доход США несопоставим с национальным доходом СССР ни по абсолютной величине, ни по степени насыщения народных потребностей. В 1967 году он составлял в США 649,6 млрд долларов – в СССР 225,5 млрд рублей /при населении в США – 199,1, в СССР – 234,4 млн человек/.

В-третьих, середина 1950-х г.г. была периодом ликвидации эксцессов и крайностей сталинского правления, что не могло не дать некоторого ускорения темпов развития.

Экстраполировать эти относительно высокие темпы на предстоящее десятилетие было неграмотно, но "управляемая наука" СССР /М.Поповский/ не корректирует бредовых идей правителей.

В силу тех пороков системы, о которых сказано в теоретических главах этой книги, темпы развития социалистической экономики 1951 – 1961 г.г. должны были замедлиться. И замедлились – настолько, что СССР не в состоянии этого скрыть. Весь характер советских статистических публикаций 1970-х г.г. резко сузился и мистифицировался по сравнению со статистикой 1956–1968 гг. Однако советских специалистов отличает прежде всего духовная двойственность, а советскую жизнь – господствующий в ней беспорядок. Поэтому сделать дезинфор-

мацию абсолютной не удается. Динамика очевидна даже без поправок на дезинформацию.

В конце 1970-х – начале 1980-х г.г. экономическая ситуация в СССР стала ухудшаться все быстрее. И неизбежный "выплеск" непродуктивной системы за ее пределы, поначалу носивший форму конспиративную: инфильтрация агентуры влияния, поставок вооружения, создание изнутри просоветских группировок и режимов, и т.д. – дополнился прямой агрессией.

Начинает развеиваться /с помощью все той же официальной статистики/ и миф о высоком образовательном цензе советских граждан. Хрущевские /несостоявшиеся, отмененные или молча сведенные на нет/ "реформы" в образовании обещали завершить переход ко всеобщему среднему образованию к концу 1970-х г.г. Однако, "вместо того, чтобы обеспечить 11-летнее среднее образование всему молодому поколению, советское руководство сократило срок обучения в средней школе до 10 лет, причем значительная часть молодежи не оканчивает даже десятилетку. В 1975 году, например, 5 миллионов молодых людей окончило 8-летние дневные школы, но только 2,7 миллиона окончило 10-летние дневные школы. Только 600 000 молодых людей было принято в дневные высшие учебные заведения. Что касается вечерних отделений учебных заведений, то качество подготовки там гораздо ниже, чем на дневных отделениях.

В начале 1976 года только 68 миллионов советских граждан имели 10 или более лет образования. Это означало, что больше половины взрослого населения не имело даже общего среднего образования и обладало весьма незначительной профессиональной подготовкой.

В Соединенных Штатах граждане в возрасте 25 и более лет имели в 1975 году в среднем 12,3 лет образования,

включая и определенную профессиональную подготовку. Это означало, что большинство взрослого населения США имело полное 12-летнее образование. Число высших учебных заведений в Соединенных Штатах возросло с 1447 в 1960 году до 1733 в 1974 году, а число студентов в них – с 3,1 миллиона до 6,8 миллиона.

Число студентов вузов в СССР составляло только 4,9 миллиона в 1975 году /включая 2,3 миллиона на вечерних и заочных отделениях/, хотя население СССР значительно превышает население США."[98]

Советская пропаганда продолжает непрерывно спекулировать на ужасах американских "трущоб"*. Вместе с тем, "число строившихся новых квартир на тысячу человек населения, по признанию советской статистики, неуклонно сокращалось, хотя в большинстве демократических стран оно увеличивалось.

Новые квартиры на тысячу человек населения:

	1958	1975
СССР	11,5	8,8
Австралия		10,0
Испания	3,4	12,6
Канада	8,6	12,6

* В 1972 году в СССР гостила однаиз моих школьных подруг, с конца 1940-х г.г. – канадка, потом /и по сей день/ гражданка США. Посетив перенаселенные "хрущобы" /новые малогабаритные низкопотолочные квартиры в многоквартирных домах/ и еще довоенные "коммуналки" /многосемейные коммунальные квартиры с общей кухней и одной туалетной/ своих бывших одноклассников, сплошь специалистов с высшим образованием и в большинстве своем – кандидатов наук, она с недоумением задала вопрос: "Если американские бедняки живут в трущобах, то где же живете вы?"

Мы развели руками.

Норвегия	7,5	10,2
Финляндия	6,9	14,7
Франция	6,5	9,5
Швейцария	5,0	10,1
Швеция	8,4	9,1
Япония	4,5	11,7

В настоящее время жилищная площадь на душу населения в СССР в 3 раза меньше, чем в США, и в 2 раза меньше, чем в Западной Европе. К тому же качество жилищного строительства и оборудования домов в Советском Союзе значительно уступает Западу. Отсутствие канализации и водопровода в большинстве деревень и маленьких городов, отсутствие лифтов и машин для мойки посуды в стандартных городских пятиэтажных домах – все это сильно затрудняет жизнь советских людей по сравнению с жителями демократических государств. Нужно добавить, что многие миллионы советских семей живут в коммунальных квартирах, где условия значительно хуже, чем в отдельных квартирах."[99]

Бесплатное общедоступное здравоохранение – тоже постоянный объект советской патриотической пропагандистской демагогии.

Однако:

"Смертность на тысячу человек населения возросла в СССР с 1964 по 1976 год на 38%, в то время как в США и большинстве других демократических стран она снизилась.

По советским данным, в 1960 году, например, смертность в СССР была ниже смертности в США, Японии, Голландии, Австралии, Новой Зеландии. В настоящее же время все эти страны имеют меньшую смертность на тысячу человек населения, чем СССР. Обещание советского

руководства снизить заболеваемость и увеличить продолжительность жизни населения СССР оказалось невыполненным."[100]

Я бы сказала не "невыполненным", а – без изменения господствующей в СССР социальной системы – невыполнимым.

Рост цен на предметы, о которых пойдет речь ниже, в СССР не особенно меня волновал. Тревожили цены на одежду, обувь, питание да еще на такси. Работая по вечерам, я не имела сил добираться домой двумя-тремя видами дешевого общественного транспорта и тратила на такси около трети своей зарплаты в 102 рубля. И все-таки здесь, в бедном, находящемся на грани войны Израиле, пребывая в положении иммигранта с весьма скромной ставкой, я поняла, что ковры, хорошая мебель, красивая посуда, ежедневный кофе не симптомы буржуазного ожирения, а предметы нормального повседневного обихода, в том числе и моего*. Здесь я замечаю, где дешевле и на более удобных условиях продаются ковры и мебель. Там меня вряд ли заинтересовало бы, что на "изделия из драгоценных металлов, ковры, ковровые изделия, натуральные меха и меховые изделия цены повышены в среднем на 50%, легковые автомобили – на 18%, импортную гарнитурную мебель – на 30%, мебель отечественного производства – на 10%. В ресторанах и кафе цены повышены в зависимости от категорий этих предприятий от 25 до 45%. Повышены также в среднем на 45% цены на пиво.**

* Ожиреть /не в пропагандно-идеологическом, а в прямом смысле слова/ легче в СССР с его картофельно-мучным /точь-в-точь откормочно-свиноводческим, "на сало"/ рационом рядовых граждан, а не здесь – на фруктах, овощах, птице и молочных продуктах.

** Даже в аномально /для Запада/ инфляционном Израиле

Объясняя это повышение цен, председатель Государственного комитета СССР по ценам Глушков признает, что "спрос на ряд товаров опережает возможности их производства" – это на 62-м году советской власти! Поэтому "решено в качестве вынужденной, но необходимой меры использовать механизм ценообразования". Нужно только добавить, что эту "вынужденную меру" государство стало применять ежегодно. В 1977 г. были существенно, на десятки процентов, повышены цены на одежду, стеклянные и фарфоровые изделия, шелк, общественный транспорт /вдвое!/, книги. В марте 1978 г. повышены цены на кофе /в 3 – 4 раза! /, какао и шоколад, кондитерские изделия, вина, запчасти к автомобилям, бензин /в среднем в 2 раза/. На золото и платину в 1978 г. цены были повышены на 60%. Таким образом, цена на золото за два года возросла более чем вдвое! А ведь частота изменения цен на золото – первый показатель устойчивости валюты."[101]

Самое удивительное, что любой западный левоориентированный либерал, а также немалое количество эмигрантов из СССР объяснят вам, что "по эту сторону" их изводит инфляция*, а в СССР инфляции нет и его валюта железно устойчива. И никто не напомнит смелым критикам Запада, что за последние 2 года ОПЕК повысил цену на нефть в 15, если уже не более, раз!

Зато продукция, о которой пойдет речь ниже, интересует в СССР всех. Правда, одни покупают ее в магазинах

рост зарплаты примерно каждые 2-2,5 года опережает рост цен /данные начала 1980 года/. Кроме того, нет никакого дефицита товаров.

* В одних странах – немедленно, в других – на протяжении года-двух нейтрализуемая профсоюзным монополистическим шантажом, упорно не желающим возвращаться к первоначальной "капиталистической" зависимости цен и зарплат от себестоимости и производительности труда.

/любого, то есть плохого, качества: не до жиру – быть бы живу/, причем в кредит, оплачивая пальто, обувь, костюмы от трех месяцев до года, другие – "с рук" или "из-под прилавка"*.

"На одежду резко различается три градации цен: на отечественную продукцию, импортную и цена черного рынка.

Женские демисезонные пальто: советские – до 120 р., импортные – до 200 р.

Шубы из искусственного меха: советские – 360-400 р., импортные – 400-450 р.

Сапоги женские: советские – от 10 р. до 75 р., импортные – от 70 р. до 120 р; на черном рынке импортные сапоги стоят от 150 р. до 300 р.

Туфли: советские – от 18 р. до 50 р., импортные – 35-55 р; на черном рынке импортные туфли стоят от 70 р. до 200 р.

Джинсы: советские – 8-20 р; импортных в продаже не бывает, изредка лишь польские и индийские /28-30 р./; на черном рынке импортные джинсы хорошего качества – от 160 до 200 р.

Юбок из джинсовой ткани /импортных/ в магазинах не бывает, на черном рынке – от 100 до 150 р. Платье из джинсовой ткани на черном рынке – от 150 до 250 р.

Дубленки – в магазинах бывают крайне редко – 500–600 р. Цена черного рынка – 1000 р.

Чрезвычайно дороги импортные вещи из искусственных материалов, хотя всюду на Западе именно искусст-

* На Западе, в том числе и в Израиле, покупают иначе: каждый находит магазины /или распродажу/ по своему карману. Благо, что среднее качество и вид товаров широкого потребления как правило могут удовлетворить любой вкус, любую потребность и любую покупательную способность. Особенно вкусы неизбалованных советских вольноотпущенников.

венные ткани – самые дешевые. Совершенно ясно, что тут происходит грандиозная государственная спекуляция. Вот цены на некоторые импортные вещи из искусственных тканей: свитера – 35–55р., рубашки мужские – 25–35 р., комбинации женские – 18–35 р., ночные рубашки женские – 30–35 р., бюстгальтеры – 8–15 р., трусы – 5–10 р., женские нейлоновые халаты – 35–80 р., галстуки мужские – 4 р.50 к.

В то же время ситец, сатин и другие хлопчатобумажные ткани стали дефицитными; то же и вельвет советского производства /импортного вельвета в магазинах не бывает/. На черном рынке вельветовые брюки стоят до 200 р.

Постельное белье в последнее время исчезает из продажи. Стоимость: простыня – от 5 до 10 р., наволочка – от 1,5 до 3 р., пододеяльник – 10–16 р.

Очень дороги предметы из натуральной кожи. Импортные сумки стоят от 30 до 60 р., импортные женские перчатки /бывают крайне редко/ – 18–30 р.

В заключение стоит напомнить, что официальная средняя месячная зарплата советского трудящегося, т.е. с учетом всевозможных, реальных или придуманных, социальных доплат и без учета всех налогов и вычетов, равна сегодня 151 рублю."[102].

Еще одно современное свидетельство, опубликованное в газете "Русская мысль" от 19 марта 1981 года: "В сентябре прошлого года в издании Статистического бюро США вышло исследование двух специалистов по вопросам здравоохранения и демографии СССР: одного – англичанина Христофора Дэвиса и другого – американца Феррей Фешбака, под названием "Увеличение детской смертности в СССР в 1970-е годы". В сжатом виде здесь на основании советских данных рассказывается о подлинной

катастрофе, происходящей в Советском Союзе в области здравоохранения и демографии.

Если до 1960-х годов смертность понижалась, а продолжительность жизни увеличивалась, то после середины, и особенно конца 60-х гг. начинается обратный процесс, принявший в 70-е гг. характер настоящего народного бедствия. Авторы исследований (на основании данных ЦСУ) приводят следующие числа. С 1970 по 1975 год детская смертность увеличилась на 1/3 и, хотя после 1975 года данные не опубликованы, но экстраполируя они приходят к выводу, что теперь она достигла 40 на 1000 в год, т.е. в три раза больше, чем в США и в странах Западной Европы, где она ниже 14. До 1960 года детская смертность в России и в СССР снижалась и к этому году она была ниже, чем в таких европейских странах, как Австрия, Италия и Восточная Германия. Теперь же ни в одной европейской стране, даже в Албании, нет такой высокой детской смертности, как в СССР: она находится на уровне Чили, Доминиканской республики, Малайзии, Тринидада. Однако и в этих странах тенденция — на снижение детской смертности, тогда как в СССР — она идет на повышение.

Продолжительность жизни в СССР шла на повышение до 1960 года и в 1950-х гг. достигла 68,7 лет для всего населения, а в 1965 году понизилась ниже 68, а для мужчин уменьшилась на 4 года и дошла до 62 лет. Ни в одной европейской стране нет такой короткой ожидаемой продолжительности жизни, которую можно сравнить с Коста-Рикой, Ямайкой. Только в Камбодже при Пол Поте продолжительность жизни падала , а детская смертность увеличивалась.

По мнению исследователей, каждая возрастная группа в СССР затронута уменьшением продолжительности жиз-

ни и ростом смертности по сравнению с 1960 годом; например, для возрастной группы 40 лет – смертность увеличилась на 30%, а для 50-летних – на 20%. Очень тревожны данные исследователей о численности возрастных слоев в СССР: теперь там меньше 15-летних, чем 25-летних, т.е. численность самых важных возрастных групп не увеличивается, а снижается, что грозит серьезными последствиями не только социального, но и политического характера.

Эти два исследователя, а также профессор Эберстадт из Гарварда, ставят вопрос о причинах такого катастрофического положения в СССР; они находят, что такими причинами детской смертности являются различные факторы, но что, вероятно, главные из них: растущий алкоголизм всех групп населения (кроме детей), огромное увеличение числа абортов, ухудшение питания детей и взрослых, загрязнение воздуха и вообще окружающей среды, ухудшение ухода за детьми, особенно в яслях, и вообще медицинского обслуживания за последние годы.

Количество абортов растет, в среднем достигая 6-8 в жизни женщины. В год происходит от 10 до 16 миллионов абортов, при 4-5 миллионах рождений. Это не может не отражаться на здоровье женщин. Детская смертность в яслях и детдомах в два раза выше, чем у детей, растущих дома. Советская средняя семья в городе тратит на спиртные напитки такой же процент своего бюджета, как американская семья на продовольствие. Алкоголизм – третья по величине причина смертности в СССР. Количество рождающихся дефективных детей увеличивается на 5-6% каждый год (200 000). Утром в начале смены на завод пускают пьяных, считая их за трезвых, если они могут держаться на ногах.

Одной из причин неблагополучия является уменьшение

бюджетных затрат в СССР на здравоохранение; по сведениям авторов – с 6,6% в 1965 г. до 5,2% в 1977 г. (или с 9,8% общего производства страны до 7,5%, тогда как в США затраты эти увеличились за то же время с 8% до 11%).

От инфлюэнцы в СССР ежегодно гибнут десятки тысяч детей; сильно развит рахит у детей, практически неизвестная более болезнь в западных странах. Недостаток лекарств, современного медицинского оборудования, незаинтересованность медицинского персонала в своей работе – все это еще ухудшает положение населения, особенно его беднейших слоев.

Сухие цифры, скажет читатель, но за ними кроется трагедия целого народа, который ведут к физической гибели!"

Думаю, что примеров отчетливой деградации советской экономической жизни вполне достаточно.

В заключение добавлю: как я уже говорила, основная часть этой книги написана мной в СССР, по материалам советской статистики, и закончена к 1969 году. С начала 1977 года я живу на Западе. Новый жизненный опыт и множество достоверных материалов, изученных мною за эти годы, лишь утвердили меня в основных положениях этой книги.

Прежде чем подвести итоги сказанному во II части этой книги, я рискну еще раз вернуться к марксизму литературному и посмотреть, как решаются его учителями проблемы распределения. Итак:

10. МАРКСИЗМ И ПРОБЛЕМЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА

В обществе, основанном на коллективных началах, –

утверждают Маркс и Энгельс, – производители не превращают продуктов в товары, т.е. не производят их с целью продажи. С исчезновением товарного обмена, а исчезнуть он должен уже в первой фазе коммунизма – после отмены частной собственности на средства общественного производства, исчезает господство продукта над производителями, а следовательно и всякая эксплоатация*.

Ленин пишет, что при социализме "царствует как будто бы" равенство"[103].

Почему – "как будто бы"?

Как объясняет Маркс в "Критике готской программы", согласно "идеальному буржуазному праву", равенство людей заключается в том, что их право на известную долю общественного продукта пропорционально их трудовому вкладу в производство продукта. Труд, в свою очередь, должен быть измерен либо по времени, либо по продуктивности, иначе он не может быть мерой. Для осуществления равенства, по Марксу, Энгельсу, Ленину, необходимо вознаграждать /но не оплачивать, ибо деньги отменяются/ равный труд одинаково. "Но, – продолжает Маркс, – один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или способен работать дольше...", а поэтому выходит, что "равное право есть неравное право для неравного труда". И несколько ниже Маркс добавляет: "Чтобы избежать этого, право, вместо того, чтобы быть равным, должно бы быть неравным". И высшим идеалом общественного устройства Маркс объявляет полный коммунизм – строй, при котором органическое неравенство индивидуумов будет нейтрализовано введением права неравного, но справедливого, – когда по-

* См. "Критику готской программы", "Развитие социализма от утопии к науке", "Капитал", "Государство и революцию" и т.д.

требление определяется не трудовым вкладом производителя, а его потребностями.

Это очень важный момент учения: равное право, состоящее в применении ко всем здоровым, трудоспособным, зрелым людям равной меры при определении их социально-экономического статуса, несправедливо с точки зрения производственно /в широчайшем значении последнего слова/ более слабой личности. Справедливость требует, чтобы потребление было оторвано от трудового вклада /речь идет не об отдельных группах населения: детях, инвалидах, стариках, безработных, больных и пр. – речь идет о глобальном принципе/. В этом суждении угадываются знакомые каждому с детства мотивы: мечта о "молочных реках в кисельных берегах", о "щучьем велении", о "скатерти-самобранке" – об антитезе столь же древнего "без труда не вынешь и рыбки из пруда". Этот подход, в отличие от суждения второго / о труде и о рыбке/не несет в себе и тени строгости, и тени расчета. Но, чем тяжелее положение многих людей, чем труднее им получить образование или хорошую работу, тем он притягательнее. Действительно: разве мне меньше хочется есть, меньше хочется жить хорошо, если "он" смог выучиться, а я не смог?

В истории можно найти множество разнохарактерных аналогий такого подхода.

Маркс говорит о неравенстве способностей и трудоспособности.

Энгельс говорит о неравенстве географических, природных экономических условий существования жителей разных районов даже одной страны /его беспокоит неустранимость такого неравенства/.*

* См. письмо Маркса к А. Бебелю от 18–28 марта 1875 года.

Рассматривая этот вопрос, они не находят другого выхода /для восстановления обещаемого массам полного равенства/, кроме устранения связи между производством и потреблением в жизни каждого индивидуума: сколько бы ты ни давал обществу, – ты получишь все, в чем ты нуждаешься.

Конечной целью марксизма в области распределения является, таким образом, уничтожение связи между эффективностью труда каждого члена общества и его потреблением.

Естественно, что для социального "обезвреживания" этого принципа необходимо создать "нового человека", ибо человек, которого знает история, не склонен к излишним затратам труда.

"Один из существенных признаков коммунизма, отличающий его от всякого рода социализмов, заключается в основанном на изучении природы человека эмпирическом убеждении, что различия мозга и умственных способностей вообще не влекут за собой различий желудка и физических потребностей; отсюда следует, что неверное, основанное на наших нынешних порядках, положение "каждому по его способности" должно – поскольку оно относится к потреблению в узком смысле слова – превратиться в положение "каждому по потребностям", иными словами, различие в деятельности, в труде, не влечет за собой никакого неравенства, никаких привилегий в смысле владения и потребления"[104].

Здесь есть оговорка, забытая продолжателями: "... поскольку оно относится к потреблению в узком смысле слова" . Удовлетворение элементарных физиологических потребностей в принципе не противопоказано никакому мало-мальски обеспеченному обществу: бывали добрые и богатые рабовладельцы; объедались и спали 3/4

суток дворовые в Обломовке; ели в три горла даже рабы в ГУЛаге, когда попадали на обслуживание мельничных комбинатов и скотобоен /свидетельствую, что бывало в войну, на безлюдье, и это/; современные развитые капиталистические страны приблизили большинство своего населения к удовлетворению его потребностей "в узком смысле этого слова".

Но: есть в этом определении еще одна оговорка, лишающая все остальное смысла: "... никаких привилегий в смысле владения и потребления"! А владение — это распоряжение, это управление, это не отсутствие частной собственности на средства общественного производства, а наличие реальной возможности распоряжаться и управлять производством и его продукцией.

Поскольку иначе трактовать слово "владение" невозможно, то невозможно и говорить о равенстве людей, занятых разнокачественным функционально трудом, в смысле владения.

Аргументирование такого равенства отсутствием "различий желудка и физических потребностей" в устах людей образованных и тактически весьма одаренных не может быть ничем иным, кроме политической демагогии.

Кроме того, все общество в целом всегда будет иметь в своем распоряжении только то, что оно производит или находит в готовом виде в природе. Поэтому уничтожение связи между трудом и потреблением в жизни каждого отдельного человека столь же сомнительно, как и уничтожение подобной связи в жизни всего общества.

На практике марксистские определения коммунистического труда /в условиях государственной диктатуры компартий/ постепенно сводятся к требованию труда бесплатного, а коммунистическое распределение подме-

няется распределением, директивно организованным коммунистами, правящими страной.

Вдумаемся в следующие определения, принадлежащие послеоктябрьскому Ленину: "Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу."[105]

"Коммунизмом называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением."[106]

"Коммунизм, если брать это слово в строгом значении, есть безвозмездная работа на общественную пользу, – не учитывающая индивидуальных различий, стирающая всякое воспоминание о бытовых предрассудках, стирающая косность, привычки, разницу между отдельными отраслями работы, разницу в вознаграждении за труд и т.п."[107]

"Коммунистический труд, в более узком и строгом смысле, есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд, добровольный, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, труд по привычке трудиться на общую пользу, труд как потребность здорового организма."[108]

Постепенно вознаграждение /потребление/, не зависящее от труда, превращается в труд, не зависящий от вознаграждения и нормируемый представлениями государства, диктатуры компартии о твоих потребностях и о твоих заслугах.

"Манифест Коммунистической партии" постулировал в свое время, что коммунизм ни у кого не отнимает возможности присвоения продукта труда, а лишь исключает

"возможность посредством этого присвоения порабощать чужой труд". Таким образом, подразумевалось, что продуктом своего собственного труда волен распоряжаться лишь тот, кто его создал.

После своей революции Ленин так говорит о крестьянине и продукте его труда* : "Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает /?/ лишний /?/ хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине"**, а все остальные сидят без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплоататора /?!/. Чем больше он оставляет себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают. "Чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб". "Надо, чтобы все работали по общему плану, на общей земле, по общему распорядку"[109], – отчетливо формулирует Ленин задачу, с ленинской беспощадностью осуществленную Сталиным в 1928–33 г.г.

Что с того, что крестьянин ведет себя в полном соответствии с распределительной формулой "Манифеста" для первой стадии коммунизма?

Что с того, что у него нет хлеба даже для своих детей?

Что с того, что хлеб у него изымается не для голодных толп городских рабочих, перед которыми, отправляя их в продотряды***, Ленин произносит свои погромщицкие антикрестьянские речи, а для того, чтобы хлебная моно-

* Разумеется, сказано это до введения НЭПа, в годы "военного коммунизма", когда понятие "старательный крестьянин" еще не вытеснило на короткое время из газетной фразеологии зловещую антикрестьянскую пропаганду 1918–1920 г.г.

** На X и XI, впрочем, и на VIII, и на IX съездах РКП (б) было весьма впечатляюще рассказано о том, как помирали с голоду после "отъема и увода" у них этого "лишнего" хлеба целые губернии – и крестьяне, и их скотина.

*** С неограниченными полномочиями и с правом отправлять домой две полупудовые посылки в месяц или брать с собой семьи.

полия сделала партократию хозяином жизни и смерти каждого ее подданного?

К этому времени Ленин полностью свыкся с мыслью, что коммунистическое распределение есть распределение, организуемое коммунистическим государством /словосочетание, как мы уже отмечали, в классической марксистской системе понятий – бессмысленное/. Вот что он пишет о коммунистическом распределении[110]:

"Наша предыдущая экономическая политика /речь идет о политике "военного коммунизма" и "продразверстки" – прим. Д.Ш./, если нельзя сказать рассчитывала /мы в той обстановке вообще рассчитывали мало/, то до известной степени предполагала, что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах". "Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое распределение".

Чем это отличается от "нормативного метода" ценообразования "по полезности вещей" для общества в целом и для каждого человека в отдельности, предлагаемого академиком Федоренко, или от "нормативных минимумов потребления", которые мы выше цитировали? Все возвращается на круги свои, а не отдаляется от ленинского всеведения и от ленинской всеблагой справедливости, как по сей день кажется многим.

"Но весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму. ...На экономическом фронте, с попыткой перейти к коммунизму, мы к весне 1921 года потерпели поражение, гораздо более серьезное, чем какие бы то ни было по-

ражения, нанесенные нам Деникиным и Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванною от низов и не создала такого подъема производительных сил, который в нашей программе признан основной и неотложной задачей. Разверстка в деревне, этот непосредственно коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года".

Я не могу комментировать каждое слово этого рассуждения /а надо бы/, но прошу внимания к ленинским определениям коммунистического распределения: ни сталинская политика коллективизации, бесплатности сельскохозяйственного труда колхозников, принудительной голодной индустриализации, массового рабовладения ГУЛага и пр., ни нынешнее отождествление всевластия коммунистического партийного Центра с коммунистическим управлением не являются отступлениями от ленинизма. Либо подразверстка в ее том или ином выражении, т.е. "военный коммунизм" /как система нерациональная и сконструированная чисто политическими, силовыми приемами, коммунизм не может быть не военным/, – либо возвращение к капитализму, третьего не дано. Ленинский политический самосохранный маневр – НЭП – неизбежно должен был через несколько лет поставить его преемников перед указанной альтернативой. Сталин сумел выбрать первое – и выбрал; выбрал той кровавой ценой, которой – единственно – и мыслимо было осуществить такой выбор. Ленин всегда делал то же самое: если мог, он выбирал первое; когда не мог,

шел на маневр, сохраняющий политическое всевластие коммунистов.

Вопрос о наличии или отсутствии эксплоатации может ставиться лишь так: есть ли в данной системе силы, обладающие реальной возможностью использовать в своих интересах неоплаченный или недооплаченный труд? И насколько они, эти силы, обществу необходимы? Поскольку партократический "идеальный совокупный капиталист", монополизирующий всю социальную инициативу, обществу не только не нужен, но и вреден, мешает, – постольку изъятие доли общественного продукта на его содержание, на его привилегии, на обеспечение его безопасности, стабильности его бытия является безусловной эксплоатацией работающих звеньев системы.

Именно эта доля общественного продукта – доля поработившего общество и уродующего его существование монокапиталиста – и может быть охарактеризована /все в той же марксистской фразеологии/ как прибавочная стоимость, грабительски отнятая у общества вооруженным насильником.

Человеческая сила – учат основоположники марксизма – обладает неким особым свойством – способностью создавать стоимость, превышающую ту стоимость, которую имеет она сама*.

На этом имманентном человеческой силе свойстве /слово "сила" часто заменяется словом "работа"/ построена якобы всякая эксплоатация.

Просто и, главное, вдохновляюще: прогнать капиталиста – и не надо будет отдавать негодяям разницу между стоимостью своей работы и стоимостью результатов этой работы.

* См., к примеру, "Наемный труд и капитал" К. Маркса.

Не выдерживает серьезной критики и эта часть марксистской доктрины.

Человеческая работа, понимаемая только как определенная затрата личной энергии за определенный промежуток времени, взятая в отрыве от объекта ее приложения, а также – от технических средств труда, которыми она выполняется, и от определенных способов организации этого труда, никакими загадочными свойствами, нарушающими естественные законы сохранения, не обладает. Эта работа может быть выражена через изменение энергии системы, производящей работу: $E_1 - E_2 = \Delta E$.

Дельта Е – это и есть энергетическая стоимость произведенной человеком работы /работы – в физическом смысле термина/, – стоимость, которая, за вычетом непрерывных необратимых потерь организма, может быть компенсирована посредством возвращения последнему затраченного количества энергии.

Однако в качестве результата труда выступает уже не эта энергия, а трансформированный объект ее приложения или какая-то информация.

Оставим в стороне производство информации, ибо специальные исследования показывают, что в этом случае связь между затраченной на ее производство личной физической энергией и результатом чрезвычайно сложна и коэффициент усиления здесь очень высок, т.е. результат многократно /иногда – несоизмеримо/ превосходит причину, понимаемую энергетически. Говоря о результате, мы в данном случае игнорируем стоящий перед ним социальный плюс или минус, имея в виду лишь фактор энергетической стоимости.

Количество общественно-необходимого труда, вложенного в вещественный результат труда, зависит безусловно не только от затраты личной энергии работника. Техника

производства развивается так, что физическая работа во все большей степени сводится к сравнительно небольшим усилиям, затрачиваемым на подачу соответствующих сигналов машине /я приводила высказывания акад. Трапезникова и Н. Винера по этому поводу/. Труд во все большей степени принимает коллективный характер, и все чаще следует говорить не о труде рабочего, а о труде рабочего и машины, рабочего и системы машин, рабочего и ИТР, и администраторов, и ученых, и изобретателей, и разработчиков изобретений и т.д. Повышение органического строения капитала приводит к падению удельного веса физического труда в стоимости единицы продукции. Оно же приводит к росту общей стоимости продукции /при падении стоимости единицы ее/, но последняя все менее совпадает со стоимостью труда рабочего. Иными словами, доля труда рабочего в продукции нынешней сверхпроизводительной механизированной и автоматизированной промышленности падает, в то время как реальный заработок его, уровень его жизни, удобство условий его труда неуклонно растут. Откуда же берется рекламируемый коммунистами рост капиталистической эксплоатации?

Маркс измеряет долю стоимости, сообщаемую продукции постоянным капиталом, только степенью износа этого капитала в ходе работы, степенью его физического расходования в процессе производства.[111]

По его утверждению, в стоимость продукта переходит, прибавляется к ней только та часть стоимости основного капитала, которая потеряна им в процессе его эксплуатации, в итоге его физического разрушения.

Но если увеличение стоимости продукции в целом происходит и за счет износа средств производства, то падение удельной /на единицу продукции/ стоимости продукции

определяется не износом, не разрушением средств производства в процессе их эксплуатации, а всеми технологическими свойствами функционирующих средств производства и организационно-управленческой структурой их эксплуатации.

Конечно, рабочий связан со средствами производства не 2,5 часа /допустим, что это время создания заводом продукта, эквивалент которого рабочий получает в зарплате/, а 7–8 часов. Но один, без машин и коллег, специалистов, организаторов процесса, ученых, техников, он не произвел бы стоимостного эквивалента 2,5-часовой своей работы ни за 7–8, ни за 70–80 и т.д. часов!

Маркс же утверждает /и современные коммунисты не спорят с этим/, что если бы рабочий "работал не на капиталиста, а на самого себя, самостоятельно, ему пришлось бы при прочих равных условиях /?/ по-прежнему работать в среднем такую же часть суток для того, чтобы воспроизвести стоимость своей рабочей силы". Эту часть рабочего дня Маркс назвал "необходимым трудом". Необходимым для рабочих, потому что он независим от общественной формы их труда"[112].

Но рабочий уже работал без капиталиста и всей связанной с ним структуры и формы труда! Работал, будучи производителем разных эпох, используя разные технологии, и воспроизводил стоимость своего труда от зари до зари – на поле, на пастбище, в ремесленнической своей мастерской!

Не желая учитывать, что нынешняя эффективность труда рабочего есть функция совершенно определенной "общественной формы труда", Маркс утверждает, что все время работы пролетария, продукция которого не предоставляется в распоряжение рабочего в виде его зарплаты, "не образует никакой стоимости для пролетария". Между

тем вся та продукция, которая обеспечивает технику, технологию, организацию и управление индустриального способа производства образует стоимость и "для пролетария", ибо вне данной "общественной формы их труда" рабочим приходилось /даже на собственном клочке земли и в семейной ремесленной мастерской/ работать астрономический день /и более/ и обеспечивать себя и семью неизмеримо хуже, чем ныне. Вопрос заключается не в том, может ли рабочий обойтись без уплаты дани инициативным слоям нового производства: он не платит им дани, ибо выигрывает в условиях этого способа производства /по сравнению с предыдущими своими "существованиями" в виде самого массового класса эпохи, физически созидающего вещественные товары и продукты/ достаточно много. Вопрос состоит в том, какой способ организации и управления: конкурентно-рыночный или монокапиталистический – выгодней для рабочего. При каком из них он больше имеет и большего может добиться для себя в будущем. Маркс же, вопреки очевидности уже его времени, говорит, что "прибавочное время" рабочего "образует прибавочную стоимость, которая прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего... Только та форма, в которой этот прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества, например, общество, основанное на рабстве, от общества наемного труда"[113].

Если так, то какой смысл имеет то открытие Маркса, которое Энгельс в речи на Хайгетском кладбище объявил величайшей заслугой своего умершего друга перед наукой и человечеством? Ведь это открытие сводится к утверждению определяющей роли техники, технологии и производственных отношений в общественной жизни...

Вторя Марксу, Энгельс тоже категорически заявляет, что при капитализме та доля продукта, которая не попадает в распоряжение рабочего и остается в руках капиталиста /причем распределение этой доли между прочими участниками производства и сбыта не учитывается, чтобы, по словам раннего Каутского, "не затемнять" этот ясный вопрос/, является исключительно продуктом труда тех, "кто действительно приводит в движение средства производства и действительно является производителем этих продуктов"[114].

В предисловии к брошюре Маркса "Наемный труд и капитал" Энгельс говорит еще более категорически: "один только рабочий класс производит все стоимости".

Можно найти и у Маркса, и у Энгельса и несколько иные высказывания, признающие долю в этих "стоимостях" остальных частей "совокупного рабочего" /точнее — работника/. Но таких высказываний значительно меньше, они обычно находятся не в пропагандистских, массовых, агитационных работах, и уж во всяком случае не они горят на знаменах всех политических последователей Маркса и Энгельса.

Есть одно существеннейшее отличие капитализма от всех предшествовавших ему формаций: раб, крестьянин при "староазиатском" /кастово-деспотическом — Маркс/ строе, крепостной при феодализме, ремесленник и другие массовые слои докапиталистических производителей вещественного продукта, как я уже говорила, действительно могли бы самостоятельно, при помощи наличных технологических навыков и техники производства, обеспечивать свое и своих потомков существование — при неизменных экологических и демографических обстоятельствах, — если бы не внешнеполитические факторы и если бы не потребности внутриполитической организации.

Иногда к потребностям внутренней организации и к задачам военным примешивались и общенародные экономические задачи /ирригация, дорожное строительство, культовое строительство/.

В противоположность этому, в условиях современного индустриального способа производства, рабочий не может один создать продукт, не может создавать самостоятельно средства общественного производства, не может один привести их в движение.

Чтобы справиться с производством продукта самостоятельно, ему пришлось бы уничтожить все виды разделения общественного труда, существующие в сфере современного производства.

Поскольку же это оказывается невозможным без возвращения не только к "архаическому виду собственности" /что считал целью своей борьбы Маркс/, но и без возвращения к архаическим способам производства, с их жалким уровнем производительности, смертельным для современного общества с его масштабами потребления, то отпадают все разговоры о передаче рабочим всего совокупного продукта индустриальной экономики и всей власти в обществе и в производстве, которую Маркс и Энгельс называют властью рабочих "над продуктом их собственного труда".

Остаются актуальными лишь споры о доле этого совокупного продукта, поступающей в распоряжение тех или иных социальны слоев, и об увеличении или уменьшении этой доли. Но, как известно всем, кто мало-мальски объективно оценивает вопрос, такие споры исключены при монокапитализме и повседневны при капитализме конкурентнорыночном, где они приносят рабочим, благодаря их профсоюзной сплоченности, переходящей в

профсоюзный монополизм, порой существенные преимущества перед другими слоями общества.

ВЫВОДЫ

1. Убеждение современной марксистской коммунистической и социалистической интеллигенции, даже самой оппозиционной к реальному монокапитализму*, что классическая марксистская экономическая доктрина располагает указаниями, на основе которых можно построить продуктивное и выносимое для общества плановое производство и распределение, ошибочно.

На все вопросы, поставленные в начале ч.II этой книги: а/ можно ли, следуя Энгельсу, сделать сегодня или в обозримом будущем управление индустриальными производительными силами безгосударственным, распределенным поровну между всеми "ассоциированными производителями"? б/ можно ли – по Ленину – монокапиталистическую государственную машину – "обратить на пользу всему народу"? в/ дает ли марксистская классика или современная марксистская экономическая наука конкретные рекомендации по поводу того, как должна быть организована эффективная социалистическая экономика? – приходится отвечать отрицательно: нельзя, невозможно, не дает.

2. Марксистское исходное определение качеств и возможностей капиталистического способа производства неправильно /для XIX и XX столетий – по крайней мере; далеко заглядывать вперед я не берусь/:

* Предельно монополизированному капитализму, передающему общество во власть "идеального совокупного капиталиста" – Энгельс.

а/ оно игнорирует в высшей степени продуктивные обратные связи этого способа производства /в его конкурентнорыночном варианте/, стимулирующие неуклонный научно-технический и технолого-экономический прогресс;
б/ оно неправильно прогнозирует распределение условий труда и совокупного общественного продукта в развитии конкурентного капитализма;
в/ оно выводит из своих неправильных оценок ошибочный тезис о неизбежной и быстрой деградации капиталистического производства и о неизбежности близкой социалистической революции в развитых странах.
3. Система, которая возникает после национализации основных средств общественного производства, несет в себе конструктивный порок:
а/ с одной стороны, она неизбежно представляет собой "большую систему" и, следовательно, по степени своей сложности должна быть самоорганизующейся;
б/ с другой стороны, она является практически "одноканальной", "разомкнутой" системой, т.е. насильственно, по политическому принуждению, сохраняет отсутствие корректирующих воздействий по линиям "обратных связей" – от потребителей к поставщику, от управляемых к управляющему устройству;
в/ партократический Центр, построивший эту противоестественную для "больших систем" организацию, не может эффективно решать поставленные им перед собой и системой задачи, ибо система по определению не поддается удовлетворительному управлению посредством "предписанных извне правил".
4. Являясь единственным распорядителем предельно монополизированной экономики, единственным поставщиком вещественных и духовных товаров и единственным работодателем в созданной им системе, Центр по необхо-

димости упрощает стоящие перед ним необъятные задачи:

а/ он игнорирует все наличествующие в системе критерии оптимальности, кроме своего собственного самосохранительного критерия;

б/ он выделяет из бесконечного объема задач, связанных с его предреволюционными обязательствами и декларациями, одну задачу – сохранение своего всевластия, с которым единственно связаны и все его привилегии, и все социально-экономические эволюции, которым он подвергает систему;

в/ критерий оптимальности, которому Центр подчиняет систему, связан только с этой задачей.

5. В силу отмеченных выше ограничений, заключенных в попытках управлять "посредством предписанных извне правил "большой системой", Центр не может добиться идеального решения даже этой главной своей задачи: в системе растут шумы и накапливается неуправляемость. Но положение всевластного тройного монополиста /в экономике, в политике, в идеологии/ позволяет Центру очень долго /по сравнению с индивидуальной человеческой жизнью/ игнорировать эти шумы и сохранять нужную ему форму организации, т.е. свои привилегии.

Разница между капитализмом и социализмом /в моей терминологии – между конкурентным капитализмом и монокапитализмом/, являясь вроде бы чисто количественной, оказывается неодолимо качественной: сведение числа поставщиков к единице принципиально перестраивает структуру общественных отношений, меняет источники управляющей обществом информации, уничтожает обратные связи и делает управление одноканальным.

Оптимализация социализма с точки зрения общества требует снятия абсолютизма Центра /или существенного

его смягчения, что автоматически ведет к его снятию/. Оптимализация социализма с точки зрения партократии означает усиление ее всеобъемлющего всевластия. Естественно, что Центр бешено сопротивляется оптимализации с точки зрения общества и изо всех сил обеспечивает оптимализацию в своем понимании термина.

Можно сколько угодно говорить о "нецентралистском социализме": это остается синонимом конкурентного капитализма или пустой фразой. С таким же успехом социализм можно называть "централистским капитализмом", или монокапитализмом, что я и делаю. "Нецентралистский социализм" предполагает /чтобы не оставаться фразой/ уничтожение трехстороннего монополизма Центра. Что же тогда остается от социализма? Чем он будет тогда отличаться от "конвергентного", или "народного", или "двухканального", или "демократического капитализма", от "менеджерсистемы", от "индустриального открытого общества" и от всех прочих моделей и наименований современного развитого демократического конкурентного капитализма?

В прогнозах "утопического социализма" обществом как правило руководили интеллектуалы, просвещенные промышленники, аристократы духа, философы и т.п., т.е. какая-то стоящая над обществом профессионально руководящая и в смысле информационной вооруженности превосходящая остальных сила. В прогнозах так называемого "научного коммунизма" обществом должны были управлять сначала рабочие, а потом все "ассоциированные производители". "Научный коммунизм" утопичнее "утопического социализма", ибо он предполагает в качестве идеала общественных отношений противоестественную и неосуществимую для современных производительных сил универсализацию социальных функций /совме-

щение управленческого труда со всеми прочими общественными обязанностями в жизни каждого члена общества/. Кроме того, он предполагает возможность управления обществом со стороны наименее производственно инициативного и наименее информативно вооруженного слоя его, функционально прикованного к техническим орудиям своего труда. Невозможность передать власть пролетариату и заставила российских большевиков передать ее созданному ими всевластному Центру – со всеми неизбежными последствиями этого акта.

Политическая реальность существования монокапитализма есть диктатура, ибо деспотия есть неизбежная форма существования всякой нерациональной, с точки зрения интересов большинства ее подданных, социальной системы. Не менее неизбежной формой оптимального функционирования конкурентнорыночного капитализма является политическая демократия, ибо при отсутствии таковой немедленно возрастают тенденции монокапитализации, всегда наличествующие в конкурентных рыночных обстоятельствах.

* *
*

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т.1, стр. 1–39. ИМЭЛ, М., 1948.

[2] Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. ПСС, т. 34, стр. 192.

[3] Энгельс Ф. Эльберфельдские речи. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. П, т.2, стр. 532–554. Госполитиздат, 1955.

[4] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения, т.2, стр. 83–145. ИМЭЛ, М., 1952.

[5] Маркс К. Капитал, т.2.

[6] Там же.

[7] Ленин В. И. Государство и революция. ПСС, т. 33, стр. 1–119.

[8] Там же.

[9] Все цитаты – по книге акад. Федоренко Н. П. "Экономика и математика", М., 1967 и по его статье "Середина века: беспредельность поиска", ЛГ № 49, 1967.

[10] Ленин В. И. О нашей революции, письма к Суханову, 1923, Соч., изд. IV, т. 33, стр. 436–439.

[11] Акад. Трапезников В. К. Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. "Автоматика и телемеханика" 1969, № 1; "Наука и жизнь" 1969, № 1.

[12] Васильев Ю. М., Гельфанд И. М., Губерман Ш. А., Шик М. Л. Взаимодействие в биологических системах. "Природа" 1969, №№ 6, 7.

[13] Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. (пер. с англ.). Изд. "Советское радио", М., 1968.

[14] Смирнов С. Г. Симбиоз зрелых наук. "Природа", 1975, № 6.

[15] Бир Ст. На пути к кибернетическому предприятию. В сб. "Принципы самоорганизации", стр. 48. Изд. "Мир", М., 1966.

[16] Там же. Предисловие редактора.

[17] Терещенко В. И., ЛГ 1970, № 33.

[18] Федоренко Н. П. Научно-техническая революция и управление. "Новый мир" 1970, № 10.

[19] Эшби У. Р. Что такое разумная машина. В сб. "Кибернетика ожидаемая и неожиданная". М., 1968.

[20] Глушков В. М. Электронный ключ. ЛГ от 1.5.1970.

[21] Акад. Трапезников В.К. Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. "Автоматика и телемеханика" 1969, №1; "Наука и жизнь" 1969, №1.

[22] Анохин П.К. Методологический анализ узловых проблем условного рефлекса. В сб. "Философские проблемы высшей нервной деятельности и психологии". Изд. АН СССР, М., 1963. В дальнейшем все ссылки – на эту работу Анохина.

[23] Дорн А. Принцип смены функций. Биомедгиз, М–Л, 1934.

[24] Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине (пер. с англ.), стр. 231–232. Изд. "Советское радио", М., 1968.

[25] Араб-Оглы Э.А. Кибернетика и моделирование социальных процессов. В сб. "Кибернетика ожидаемая и неожиданная". М., 1968.

[26] Араб-Оглы Э.А. Социология и кибернетика. "Вопросы философии" 1958, №5.

[27] Акад. Трапезников В. К. Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. "Автоматика и телемеханика" 1969, №1; "Наука и жизнь" 1969, №1.

[28] Поповский М. Управляемая наука, стр. 257–261. Оверсис Публикэйшенз Интерчейндж, Лондон 1978.

[29] Бардин Т.М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. "Знание". М., 1967.

[30] Акад. Трапезников В.К. Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. "Автоматика и телемеханика" 1969, №1; "Наука и жизнь" 1969, №1.

[31] Петров А. Статистика под углом анализа. "Правда" от 28.6. 1966.

[32] "Известия" от 26.3.1968.

[33] ЛГ №19, 1968.

[34] ЛГ №№ 5 и 11, 1968.

[35] Быков И.К. Организация управления в США. Изд. "Экономика", М., 1968.

[36] Бирман И. Когда экономия убыточна. "Известия" от 21.1.1968.
[37] Счастливцева Л.В. и Ракитский Б.В. Экономика качества. Изд. "Знание", М., 1967.
[38] Темчин Е. Новые условия и психология хозяйственника (Рубрика "Реформа: люди, проблемы") ЛГ, 1968.
[39] "Посев" 1980, №7, стр. 8.
[40] Там же
[41] "Посев" 1980, № 2, стр. 19.
[42] Лемешев М. Межотраслевые связи сельского хозяйства, вопросы анализа и планирования. Изд. "Экономика", М., 1968.
[43] "Известия" от 19.5.1967.
[44] Серия статей "Тревоги Смоленщины". ЛГ, 1966.
[45] Черниченко Ю. Ржаной хлеб. "Новый мир" 1968, № 11.
[46] Сб. "Страны социализма и капитализма в цифрах", М., 1966.
[47] Владимиров В. Экономическое соревнование двух мировых систем. Изд. "Знание", М., 1969.
[48] Из книги Эдмона Тьери "Экономическое преобразование России". Была издана в 1914 году.
[49] Михеев Д. Размышления: что и как может произойти. "Новое русское слово" 2.7.1980.
[50] Глаголев И. Решающее поражение. "Посев" 1979, № 1,с стр. 47–48.
[51] Поповский М. Матренин двор крупным планом. "Посев", 1979, № 8, стр. 53–54.
[52] Сб. "Мы и планета", М., 1967.
[53] Владимиров В. Экономическое соревнование двух мировых систем". Изд. "Знание", М., 1969.
[54] Сб. "Мы и планета". М., 1967.
[55] Там же.
[56] Бардин Д. М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. "Знание", М., 1967.
[57] Там же.
[58] Капица П. Л. Теория, эксперимент, практика. Изд. "Знание", М., 1966.
[59] Там же.
[60] Бардин Д. М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. "Знание", М., 1967.
[61] Капица П. Л. Теория, эксперимент, практика. Изд. "Знание", М., 1966.

[62] Бардин Д. М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. "Знание", М., 1967.
[63] Там же.
[64] Акад. Трапезников В. К. Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. "Автоматика и телемеханика" 1969, № 1; "Наука и жизнь" 1969, № 1.
[65] Волков Г. Н. Наука и общество. Изд. "Знание", М., 1967.
[66] Первушин С. Направление главного удара (Заметки экономиста). "Новый мир" 1966, № 6, стр. 150.
[67] Бардин Д. М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. "Знание", М., 1967.
[68] Дискуссия "Инженер и время". Подзаголовок "Талант. Должность. Зарплата". ЛГ от 9.4.1969.
[69] Бардин Д. М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. "Знание", М., 1967.
[70] Там же.
[71] Счастливцева Л. В., Ракитский Б. В. Экономика качества. Изд. "Знание", М., 1967.
[72] Левиков В., Переведенцев А., Смирнов-Черкезов А., Травинский В. Колыма и колымчане (Рубрика "Северные экспедиции"). ЛГ от 14.10.1968.
[73] Бардин Д.М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. "Знание", М., 1967.
[74] Счастливцева Л. В., Ракитский Б. В. Экономика качества. Изд. "Знание", М., 1966.
[75] Спиридонова Н. С. Закономерности создания материально-технической базы коммунизма. Изд. "Знание", М., 1967.
[76] Михеев Д. Размышления: что и как может произойти. "Новое русское слово" 2.7.1980.
[77] "Посев" 1979, № 11, стр. 9–10 (Рубрика "По стране").
[78] "Посев" 1979, № 12, стр. 13 (Рубрика "Экономика").
[79] Там же.
[80] Там же.
[81] Перед завершающим годом пятилетки. "Посев" 1980, № 3, стр. 14.
[82] Экономические новости. "Посев", 1980, № 3, стр. 14.
[83] Черниченко Ю. Помощник-промысел. "Новый мир", 1966, № 8.

[84] Арутюнян Ю. В. Опыт социологического изучения села. Изд. МГУ, 1968.
[85] Черниченко Ю. Помощник-промысел. "Новый мир" 1966, № 8; Ржаной хлеб. "Новый мир" 1968, № 11.
[86] Сб. "Советский читатель". Изд. "Книга", М., 1968.
[87] Черниченко Ю. Помощник-промысел. "Новый мир" 1966, № 8. Ржаной хлеб. "Новый мир" 1968, № 11.
[88] Райцин Б. "Нормативные методы планирования уровня жизни. Изд. "Экономика", М., 1967.
[89] Маркс К. Капитал, т. I, гл. 5.
[90] "Возможности поощрения есть". ЛГ от 9.10.1968.
[91] Ильф И., Петров Е. Золотой теленок.
[92] Черниченко Ю. Помощник-промысел. "Новый мир" 1966, № 8.
[93] Там же.
[94] Там же.
[95] Глаголев И. Решающее поражение. "Посев" 1979, № 1, стр. 45–48.
[96] Там же.
[97] Экономика стран мира. Изд. политической литературы. М., 1968.
[98] Глаголев И. Решающее поражение. "Посев" 1979, № 1, стр. 45–48.
[99] Там же.
[100] Там же.
[101] Очередной скачок цен. "Посев" 1979, № 7, стр. 9
[102] Цены в Советском Союзе. "Посев" 1980, № 4, стр. 9
[103] Ленин В. И. Государство и революция. ПСС, т. 33, гл. 5, п. 3, стр. 92.
[104] Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., изд. II, т. 4, стр. 322–339.
[105] Ленин В. И. Речь на I съезде земледельческих коммун. ПСС, т. 39, стр. 380.
[106] Ленин В. И. Доклад о субботниках на Московской общегородской конференции РКП (б) 20 декабря 1919 г. ПСС, т. 40, стр. 34.
[107] Ленин В. И. Политический доклад ЦК 2 декабря 1919 г. VIII Всероссийская конференция РКП (б). ПСС, т. 39, стр. 360.
[108] Ленин В. И. От разрушения векового уклада к творчеству нового. ПСС. т. 40, стр. 315.

[109] Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 г. ПСС, т. 41, стр. 310–311.

[110] Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. Соч., изд. IV, т. 33, стр. 39.

[111] Маркс К. Капитал, т. 1, гл. 5, 6, 7.

[112] Там же, гл. 7.

[113] Там же, гл. 7.

[114] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. II, т. 19, стр. 185–230.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ДЕМОКРАТИЯ – ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

"Действенно жить – значит жить,
располагая правильной информацией"
Норберт Винер.

1. ДИКТАТУРА И ДЕМОКРАТИЯ

Что такое демократия?

Народовластие, ответят, переведя это слово с греческого языка на русский.

Однако хотелось бы получить не семантико-этиологическое определение термина, а характеристику общественного института, социально-политического устройства, выступающего обычно под этим названием.

И, открыв советский словарь иностранных слов*, получаем определение: "Демократия /гр. демократиа, демос – народ плюс кратос – власть/: 1/ народовластие, одна из форм государства; демократия в классовом обществе неразрывно связана с диктатурой класса, в руках которого находится государственная власть, что и определяет природу соответствующей демократии, например: рабовладельческая демократия в древнем мире, буржуазная

* Например, "Словарь иностранных слов" под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна, изд. 6-е, М. "Советская энциклопедия", 1964 г.

демократия, социалистическая демократия. Буржуазная демократия покоится на формально декларируемых правах и свободах всех граждан и фактическом ограничении прав эксплоатируемого большинства и на насилии, защищающем интересы господствующего класса, государственного аппарата над эксплоатируемым большинством. Советская социалистическая демократия – новый высший тип демократии, подлинное народовластие: "Советский строй есть максимум демократизма для рабочих и крестьян и в то же время означает разрыв с буржуазным демократизмом и возникновение нового, всемирно-исторического, типа демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата"/Ленин/. После Второй мировой войны возникли новые формы демократии: народная демократия – государственный строй, возникший в ряде стран Европы и Азии, ставших на путь социалистического развития; национальная демократия, – возникшая в ряде освободившихся от колониальной зависимости слаборазвитых в экономическом отношении стран, – основана на блоке всех прогрессивных патриотических сил, борющихся за полную национальную независимость, за широкую демократию, за доведение до конца антиимпериалистической, антифеодальной, демократической революции; 3/ внутрипартийная демократия – см. демократический централизм; 4/ самодеятельность и активное участие всех членов коллектива в жизни и деятельности общественных организаций /профессиональных, культурных, добровольных обществ/ и в руководстве их работой; выборность, сменяемость, подотчетность и подконтрольность перед всем коллективом руководящих органов этих организаций".

В новой конституции, торжественно узаконенной к пенсионному возрасту советской власти, государство

диктатуры пролетариата объявлено государством трудящихся – "всенародным" государством. От "перевода" государственного строя СССР под восточноевропейскую вывеску суть этого строя не изменяется. Узаконение этой вывески – еще один шаг в сторону от литературной логики классического марксизма: основоположники категорически утверждали, что "всякое государство не-народно и не-свободно" и что государственная организация может быть принята революционным пролетариатом только на переходной от капитализма к социализму /коммунизму/ период, только как диктатура пролетариата и только при том условии, что она начнет отмирать немедленно после победы пролетариата*. Однако и в этом случае /как во всех прочих/ шаг в сторону от литературной логики основоположников учения означает шаг в сторону неизбежной жизненной логики коммунизма: "уговорить" государство, что оно должно "отмереть", не удалось – следует изобрести для него фразеологически приемлемые для современного мира определения.

В. И. Ленин пишет[1] : "Чистая демократия" есть лживая фраза либерала, одурачивающая рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной... "Чистая демократия" и просто "демократия", о которой говорит Каутский, есть лишь пересказ того же самого "свободного народного государства", т.е. чистая бессмыслица. Каутский с ученостью ученейшего кабинетного дурака или с невинностью десятилетней девочки вопрошает: зачем нужна была диктатура, если есть большинство?" /Действительно – зачем?

* Маркс, "Критика готской программы"; Энгельс, "Развитие социализма от утопии к науке"; Ленин, "Государство и революция" и т.д.

До сих пор невозможно понять/. "А Маркс и Энгельс разъяснили:
– затем, чтобы сломать сопротивление буржуазии;
– затем, чтобы внушать реакционерам страх;
– затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников;
– затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии".
"Главное, чего не понимают современные социалисты и что составляет их теоретическую близорукость, их плененность буржуазными предрассудками и их политическую измену по отношению к рабочему классу, это то, что в капиталистическом обществе, при сколько-нибудь серьезном обострении заложенной в его природе классовой борьбы, не может быть ничего среднего, кроме диктатуры пролетариата или диктатуры буржуазии. Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная ламентация мелкого буржуа. Об этом свидетельствует и опыт более чем столетнего развития буржуазной демократии и рабочего движения во всех передовых странах, и в особенности опыт последнего пятилетия. Об этом говорит также вся наука политической экономии, все содержание марксизма, выясняющего экономическую неизбежность при всяком товарном хозяйстве диктатуры бужуазии, которую некому сменить, кроме класса, развиваемого, умножаемого, оплачиваемого, укрепляемого самим развитием капитализма, т.е. класса пролетариев."[2]

Итак, для Ленина, в данном случае повторяющего формулировки своих учителей /и для его преемников, повторяющих Ленина/, демократия всегда означает диктатуру – либо "хорошую" /пролетарскую, "народную", "национальную"/, либо "плохую" /буржуазную, феодальную, рабовладельческую, мелкобуржуазную/.

Коль скоро, согласно марксистской литературной традиции XIX – начала XX в.в., всякое государство – это аппарат классового господства, то любое государство может быть сведено к диктатуре того или иного класса /или блока каких-то классовых сил/.

Того, что любую демократию можно всегда расшифровать как орган господства тех или иных классовых сил, не понимают только прекраснодушные мелкобуржуазные интеллигенты и слюнтяи-оппортунисты, "объективные" изменники делу "народа" /или "рабочего класса"/ – у Ленина, "враги народа" – несколько позже.

Возможно, однако, определение демократии, не совпадающее ни с марксистским, ни с традиционным определением демократии /как народовластия/. **Современная демократия представляет собой не что иное, как свободу производства, продажи, приобретения, распространения и потребления информации разного рода, производимой в качестве товарной продукции. Демократия переносит в сферу производства и потребления информации законы конкурентного товарного рынка.**

Поскольку явление демократии, которую принято в марксистской литературе называть буржуазной, укладывается в данное определение, постольку нельзя предъявлять демократии требований, лежащих вне границ этого определения.

Чем шире и последовательней обеспечение свободной конкуренции в областях производства, распространения /сбыта/ и потребления информации /в самом широком применительно к социальной жизни значении последнего слова/, тем шире и последовательней демократия.

Конкуренция подразумевает борьбу разнонаправленных и противоположных тенденций, стремящихся моно-

полизировать предложение в своей области производства и сбыта.

Победа одной из таких тенденций и сосредоточение победителем в своих руках монополии на производство, на сбыт и на регламентацию потребления информации — это и есть диктатура.

Говоря об информации, я имею в виду не только идеологию, политическую пропаганду, литературу, искусство, философию, научную и техническую мысль, религиозные представления и доктрины, но и команды, регламентирующие бытие гражданина и общества.

Структура связей в системах производства и потребления информации при диктатуре совершенно иная, чем при конкурентной демократии.

Когда Ленин говорит о зависимости производителей информации в буржуазном обществе от "денежного мешка", он прав: информация не может служить средством существования своих создателей и должна быть либо использована ими самими в процессе производства вещественных ценностей /например, крестьянином в его хозяйстве, ремесленником в его мастерской и пр./, либо обменена ими на деньги или предметы потребления.

В подавляющем большинстве случаев информация — это товар товаров, ибо как правило она производится для сообщения другим лицам. Без обмена ее на какие-то средства существования человек, занятый производством информации не "по совместительству" и не от случая к случаю, не может существовать.

Ленин обещал при социализме полностью освободить производителей информации от этой порабощающей их зависимости: "Действитедьно свободой и равенством будет такой порядок вещей, который построят коммунисты и в котором не будет возможности обогащаться

за чужой счет, не будет объективной возможности ни прямо, ни косвенно подчинять прессу власти денег, не будет помех тому, чтобы всякий трудящийся /или группа трудящихся любой численности/ имел и осуществлял равное право на пользование общественными типографиями и общественной бумагой".[3]

Заявление это сделано на I конгрессе Коминтерна и рассчитано на западных марксистов, воспитанных в условиях свободы печати, мысливших социализм как дальнейшее расширение демократии и мечтавших освободить производителя информации от необходимости продавать идеи.

К моменту этого заявления Ленин уже закрыл большую часть небольшевистских газет и трактовал на практике свободу печати точно так же, как трактует ее советская конституция: как свободу защищать социализм /большевизм, советизм/.

Однако, повторяем, кто-то должен давать профессиональным производителям информации хлеб в обмен на несъедобные продукты их творчества; кто-то должен оплачивать также технические средства распространения их идей. Значит, речь идет не об освобождении производителя информации от необходимости продавать последнюю, а о перемене покупателя: в условиях конкурентной демократии завязки от "денежного мешка" держит в своих руках, по утверждению Ленина, буржуазия; в условиях пролетарской демократии кормить "трудящегося и группы трудящихся разной численности", производящих информацию, будет, по-видимому, пролетариат?..

Когда Ленин говорит о "денежном мешке", находящемся "в руках" буржуазии, последняя предстает в его рассуждениях как некий совокупный субъект, имеющий одну пару рук, крепко держащую пресловутый "мешок".

Малограмотную аудиторию, внимающую большевикам, этот образ не оставляет равнодушной: он ей импонирует.

Однако, информацию всех перечисленных нами выше видов оплачивает отнюдь не только буржуазия: в общенациональном и международном конкурентном информационном рынке участвуют все слои и группы общества; классы, союзы, корпорации, партии, учреждения и организации, социальные институты, лица – субъекты с несовпадающими и часто противоречивыми интересами, которые в условиях свободы информационного обращения имеют юридическое право и находят экономические возможности оплачивать те идеи и образы, которые полагают для себя ценными /хотя бы по принципу: "с миру по нитке – голому сорочка"/. Здесь, таким образом, "денежных мешков", от коих зависят производители информации, не один, а много.

Существуют, кроме того, ситуации, когда сами производители информации согласны нести расходы, связанные с предложением ими обществу своих идей и созданных ими образов: таковы, например, забастовки или совмещение политической, литературной и эстетической деятельности с другой работой, приносящей деньги. Говорит же Норберт Винер: "Писателем и ученым должен руководить такой неодолимый импульс к творчеству, что даже если бы их работа не оплачивалась, то они должны были бы быть готовы сами платить за то, чтобы иметь возможность заниматься своей работой".[4]

Разумеется, Винером описана экстремальная ситуация, неприемлемая для общества в качестве принципа.

Согласно данному утверждению Ленина, пролетариат – это тоже некое целое, не содержащее соперничающих группировок с противоречивыми интересами, что, разумеется, не соответствует истине. Но так как "диктатура

пролетариата" может быть реализована только как однопартийная государственная диктатура, то здесь действительно "денежный мешок" один и завязки от него находятся в одних руках. То, что владелец этих рук есть субъект совокупный, не играет роли, ибо идеология его монолитна и подчинена партийным критериям. В социалистическом обществе всю производимую в обществе информацию может купить у ее создателей только государственная власть; то, чего она не санкционирует, в обращение легально не попадет – разве что по ее недосмотру. Потребитель получает духовную продукцию только из рук посредника /государства/ и платит за нее не непосредственно ее создателю, а посреднику, который производит отбор и определяет оплату. Все происходит здесь так же, как с предметами материального потребления в полностью национализированной экономике.

Так был произведен в области духовного производства переворот, который осуществлен был и в области производства материального. Скачкообразно и полностью /политическими приемами/ победила одна из тенденций монополизации предложения, всегда зримо присутствующих в конкурентном производстве и сбыте. Только здесь операция была произведена над особым видом товара /идеи, образы – информация, а не предметы физического потребления/.

Через три года после того, как Ленин говорил Коминтерну о предоставлении всем трудящимся и группам трудящихся разной численности бесплатно бумаги и типографий для пропаганды их убеждений, он с полной определенностью ответил Мясникову в своем знаменитом письме о свободе печати, что коммунистическое правительство будет пускать в обращение только ту информацию, которая соответствует интересам коммунизма в России.

"Все трудящиеся" — в ленинском понимании — это прежде всего пролетариат, 2–3% населения советской России начала 1920-х г.г., — класс, по его собственному определению, "униженный, запуганный, забитый, задавленный, раздробленный, обманутый" /Ленин/ буржуазией и ее всевозможными "политическими лакеями" /т.е. всеми противниками большевиков/. Уделом этого класса при капитализме являлись "невежество, одичание, моральная деградация" /Энгельс/. Когда этот класс безоговорочно приемлет диктат коммунистов, — он "преодолевает" свою забитость, одичание и невежество. Когда он в чем-то расходится с большевиками, все его отрицательные качества проявляются в полной мере. Перечитайте внимательно Ленина советской эпохи — и вы убедитесь, что я не преувеличиваю. Как же оставить такого недоросля без патроната? Что же касается остальных групп населения, то их неполноценность была провозглашена марксизмом еще в 1840-х г.г.: неслучайно отсталый и деградирующий пролетариат был объявлен их гегемоном — своеобразным мессией нового времени.

Как я уже отмечала, один бедняк не может содержать своего полномочного представителя в сфере информационного производства. Но группы людей "разной численности" могут оплачивать выразителей своих интересов и вкусов на общем информационном рынке. Каждая из этих групп, прежде чем оплатить тот или иной духовный товар, оценивает его с точки зрения своих критериев. Здесь возможны промахи при первых встречах с товаром, но устойчивый спрос обретает лишь тот товар, который выдерживает критерий покупателя /о социальных качествах этих критериев мы здесь не говорим/. Поскольку же в обществе фигурирует множество таких фильтров—критериев, то в нем циркулирует многообраз-

ная информация. И чем больше подходов к ее оценке и к ее оплате, тем больше надежды, что вся производимая информация попадет в распоряжение общества, а следовательно, не потеряются те крупицы ценного, которые затеряны в ее потоках.

Когда же в общественное обращение сквозь фильтры–критерии единственного посредника /между производителем и потребителем информации/ проникает только одна мировоззренческая модель /а именно – модель, объявленная посредником истиной в последней инстанции/, – все циркулирующие в общественной умственной жизни идеи и образы лишь многократно воспроизводят и несущественно варьируют эту модель, а именно – мировоззрение посредника /или то, что ему выгодно выдавать за свое мировоззрение/.

В таких обстоятельствах те, о ком говорит Н.Винер, т.е. люди "с непреодолимым инстинктом к творчеству", платят за роскошь "сметь свое суждение иметь" не деньгами, а головой; последнее достигается "отсеиванием" неугодных всесильному монополисту идей вместе с головами, в которых эти идеи возникли.

Если в общественное обращение сквозь фильтры–критерии единственного посредника /между производителями и потребителями информации/ проникает только одна мировоззренческая модель мира и человека, то в идеологической, умственной и эстетической жизни общества возникает видимость полного единодушия, единомыслия. Происходят массовые потери информации, которые сопровождаются всеобъемлющим, многообразным и неотступным навязыванием обществу одобренного монополистом стандарта.

Эта односторонность создает в конце концов впечатление массового психоза, страшного обеднения обществен-

ного сознания, духовной жизни, творческих способностей общества – впечатление необъяснимой, на первый взгляд, приверженности целых народов к абсурдам,к жестокости, впечатление потери собственного достоинства и тяги к свободе, впечатление агрессивности и психологии осажденности, что характерно для подданных всех государств, переживающих устойчивые формы тоталитаризма*.

Один бедный комплекс идей, "повторенный тысячекратно" /А. Галич/, становится главной духовной пищей большинства членов общества на протяжении жизни нескольких поколений. Разумеется, даже в самых стандартизованных ситуациях разные люди мыслят и чувствуют по-разному. Но ведь тех взглядов, которые не выражаются вслух и не разделяются с другими людьми, а также не реализуются в действии, в активе общественного сознания и поведения практически нет!

Современный человек черпает свои идеи не столько из личных соударений с действительностью, сколько из школы, прессы, литературы, церковной проповеди, искусства, из источников массовой информации. Но при социализме все эти /и другие легальные/ источники воспроизводят одну-единственную модель действительнос-

* Подобно монополизации в области вещественно-товарного рынка, и монополизация нематериальных "товаров" может нарастать постепенно, "гнездами", создавая некое направление развития или пограничную ситуацию. В экономике это положение охарактеризовано А. П. Федосеевым как предсоциалистический монополизм. В духовной жизни западного, еще свободного, общества тоже намечается монополизация сбыта информации разного рода. Этот процесс усиливается целенаправленными воздействиями извне – со стороны недемократических правительств. Черты, о которых я говорю: приверженность к абсурдам, потеря зоркости, инстинкта самосохранения, собственного достоинства и др. – нарастают нередко задолго до полного крушения демократии.

ти, и волей-неволей эта модель начинает занимать в сознании большинства людей место самой действительности. Она посягает на прошлое, фальсифицирует настоящее и уродует будущее, заставляя воспринимающего ее как реальность человека принимать бессмысленные решения, предопределенные ею. Ситуация эта отлично воспроизведена в антиутопиях Замятина, Орвелла, Брэдбери, Лема, бр. Стругацких... Конечно, во многих носителях тоталитарно навязываемой идеологии присутствует чувство несовпадения между моделью и жизнью. Это тревожное чувство порождает неверие в слово, отвращение к идейности как таковой, пустоту, психологические и клинические духовные недомогания. В ряде случаев это ведет к анализу, к самостоятельному исследованию модели, к ее сопоставлению с оригиналом — к высвобождению из-под идеологического диктата, к борьбе с монополией, с ее идеями, с самим принципом идеологического монополизма.

Но опасный путь выработки собственного мировоззрения, противоречащего стандарту воспитания и всеобъемлющей пропаганде, нелегок и не всегда возможен.

Достоянием большинства остается навязываемый монополистом стандарт. В конце концов единообразие нарастает по обе стороны фильтра-критерия, т.е. и в области самого производства информации, а не только в области потребления, образуемой профильтрованным материалом. Посреднику приходится отсеивать не так уж много идей: нестандартизованные представления возникают все реже: нет материала, понимания, потребности независимо мыслить, неудовлетворенности своим духовно зависимым положением. В такие периоды террор в этой области несколько смягчается: монополист позволяет себе ослабить бдительность; его убаюкивает уверенность в прочно-

сти его всемогущества. И тогда начинает стремительно падать уровень идеологического единообразия, что, в свою очередь, требует усиления террора со стороны монополии, если она намерена себя сохранить. Мы были свидетелями подобных циклов в нескольких диктатурах XX века.

"Истинная" или "полная" демократия представляется множеству произносящих это слово людей то как идеализация "вечевого", "соборного", "общинного" равенства, то как свобода в анархистском понимании слова – свобода от ограничений, налагаемых обществом и государством на личность и на объединения таковых.

Анархия, т.е. свобода личного или группового действия, не ограниченная государственными законами, неизбежно реализуется как примитивное право сильного – как та или иная форма произвола. Там, где все свободны делать, что им взбредет на ум, этим правом естественно пользуется сильнейший. Банальнейший бандитизм – отнюдь не случайное и не побочное следствие идейного и даже философского анархизма.

Когда молодые шведы, французы, американцы, британцы и пр. кричат, что им надоела свобода слова, устного и печатного, что они хотят свободы действия, свободы претворения любых своих мнений в действительность, – они бесконечно радуют этими своими заявлениями всевозможных экстремистов и радикалов, справедливо видящих в них орудие достижения своих политических целей. Но нетрудно заметить, что молодые горлопаны, играющие с огнем и готовящие дорогу к власти разноцветным фашистам /мы говорим не о цвете кожи, а о цвете знамен и рубашек/, плохо представляют себе социальную технологию полной свободы действий для каждого члена общества, плохо представляют себе, как общество может просуществовать хоть несколько дней

без ряда правил и ограничений, обязательных для всех его составляющих.*

Ни "вечевой" способ управления современным государством, ни описанная выше "свобода действия", якобы призванная сменить собой опостылевшую свободу слова, действительно, не реальны в нынешних условиях общественного нашего существования.

Но демократия в том понимании термина, который предлагается здесь, реальна и существует во многих странах. Свобода пропаганды тех или иных идей и образов отнюдь не тождественна ни свободе навязывания кому-то своих команд, ни свободе действий. Свободное мыслеизъявление и волеизъявление общественного человека отнюдь не синонимичны свободной реализации этих мысле и этой воли. Между волеизъявлением гражданина демократии и воплощением его воли в жизнь лежит общепринятая и узаконенная демократическая процедура борьбы за свою идею, борьбы за свои права и т.д., причем борьбы правовой, ведущейся в рамках закона. Следует при этом не забывать, что и сам закон не является в условиях конкурентной демократии объектом "табу".

Управление людьми и процессами находится в демократическом обществе в компетенции определенных инстанций, учреждений и институтов. Но здесь никто не лишен /иначе это не демократия/:

1) права обсуждать вслух и публично законный правопорядок;

* Эту удручающе-бездумную демагогию очень легко подхватывает часть литературной эмиграции из СССР. Причем у каждой из пресловутых "волн" эмиграции (от "первой" до "третьей") есть свои штампы безмыслия, работающего в конечном счете против мысли. Ничего не поделаешь: всякая мысль отбрасывает свою тень безмыслия.

2) права пропагандировать свои убеждения, т.е. воздействовать на общественную идеологическую и политическую конъюнктуру;
3) права использовать необходимую /для себя/ информацию.

Подчеркнем еще раз: демократия предполагает право для всех своих граждан обсуждать и осуждать законный правопорядок, требовать его изменения, пропагандировать требования его изменения, но не право произвольно его преступать.

Вот основные черты демократии в определении Н.Винера:
1) "Точное, ясное и воспроизводимое право";
2) Независимость толкующего право органа от верховной государственной власти;
3) "Всякая фразеология должна быть проверена обычаем того места и той сферы деятельности, к которой она относится";
4) Невозможность навязывания кем бы то ни было кому бы то ни было невыгодных сделок;
5) "Принуждение, которого могло бы требовать само существование общества и государства, должно осуществляться таким образом, чтобы не вызывать излишних нарушений свободы".

Противников конкурентной демократии пугает возможность самоотравления общественного сознания вредными, безнравственными идеями, застраховаться от распространения коих в условиях свободы печати и слова нельзя. По существу своему, это та же боязнь противоречивого и этими противоречиями движимого процесса, что и по отношению к вещественнотоварному рынку. Это все то же естественное человеческое /коль скоро человек не лишен воли и разума/ благонамеренное желание "раз

навсегда" определить добро и зло, упорядочить, очистить, застраховать от опасностей, обезвредить для всех и каждого противоречивый по определению механизм социального отбора. Поэтому и возникают все те же вопросы, которые возникают при попытке исключить все рискованное, все угрожающее слабым и неконкурентноспособным из механизма рыночного экономического отбора, только место вещей заступают идеи и образы.

Вот некоторые из этих вопросов:

1) Кто будет производить за все (?) общество отбор полезных или вредных идей и образов?

2) На основании какого критерия будет производиться отбор?

3) Какой механизм позволит своевременно собрать, исследовать и превратить в исходные и корректирующие команды всю подлежащую исследованию и отбору информацию?

И опять мы приходим к выводу, что любая инстанция, тотально и внеконкурентно взявшая на себя такой отбор, будет действовать вслепую, наугад, произвольно, ибо иначе действовать не сможет, даже если захочет. И в этом случае, как и в области экономической, речь должна идти, по-видимому, не об уничтожении конкурентного механизма, не о политике внешних ограничений /кроме тех крайних, рассматриваемых всегда конкретно, в ходе демократической процедуры, случаев, когда такого ограничения требует, по Н. Винеру, "само существование общества"/.

Речь должна идти о совершенствовании оценочных критериев потребителей информации — иными словами, о воспитании вкуса, о формировании духовных потребностей — без исключения разнообразия таковых, о ненасильственном воздействии на потребителя информации — без ре-

гламентации предложения. Но нельзя упускать при этом оговорку, сделанную выше, в скобках.

Отказ от регламентации предложения не может быть абсолютным. Обществу могут быть предложены услуги, идеи и образы, от легализации коих оно вправе отказаться, если в процессе демократического рассмотрения сочтет их опасными для самого своего существования. Таковы, например, услуги гангстеров /от предложения наркотиков и кражи детей до платных убийств/ или потоки садизма, порнографии и мазохизма в массовых зрелищах и чтиве. Фактически речь идет здесь об установлении и перманентном пересмотре уголовного кодекса, без чего не обходится ни одно демократическое государство. Но такой пересмотр должен протекать в границах демократического права, а действующий уголовный кодекс должен так же подлежать критике и обсуждению в целях коррекции, как и другие законодательные установления.

Никакие общие положения не избавляют и не избавят нас от частного подхода к частным явлениям /а все явления нашего мира частны/, не избавляют и не избавят нас от ответственности, обусловленной необходимостью индивидуализировать любое свое решение по каждому конкретному поводу. Но я говорю о принципе, о норме, о преимущественном подходе. Я полагаю, что идеал, предел демократии конкурентного типа как принципа — не запрет, а формирование /демократическими приемами и средствами/ отказа тех общественных групп или тех лиц, к которым обращена наша пропагандистская и воспитательная активность, от информационной продукции, против которой мы боремся.

Демократия, подобно Моисеевой заповеди, предполага-

ет борьбу словом против слова, убеждением против убеждения, действием против действия.

Этот принцип расположен между двумя крайностями – между тотальным принуждением, исходящим от диктатуры, и абсолютным непротивлением злу насилием. Оба крайних принципа отдают общество и личность во власть насилия. Оба принципа дают лишь всеобъемлющую, общую установку, которая игнорирует конкретный, частный, неповторимый характер любой ситуации во вселенной, доступной нам.

Главный принцип современной рыночной демократии – узаконенность идеологической конкуренции. Главная опасность в рамках этого принципа – утрата демократий инстинкта социального самосохранения, утрата разумной меры свободы, отведенной обществом его частности. Эта утрата тем или иным способом отдает демократию во власть одной из монополистских тенденций, всегда состязающихся на ее внутреннем и на международных политических рынках.

А.П.Федосеев, считая данное здесь определение демократии недостаточным, предложил автору в письме более полное ее описание*:

1. Федерация как уполномоченный, но не суверенный представитель автономных национальных государств.

2. Автономные государства, состоящие из самоуправляющихся и самофинансирующихся общин.

3. Функции всех трех этажей государства ограничены только теми обязанностями, которых в принципе не могут осуществить сами граждане или их ограниченные в размере объединения.

* Развернутое определение демократии дано А. П. Федосеевым в его книге "Новая Россия. Альтернативы", 1980 год.

4. Совокупный бюджет всех трех этажей государства ограничен определенной частью национального дохода и в обязательном порядке сбалансирован.

5. Законодательство определяет только правила общежития, а не поведение и ход жизни граждан.

6. Главным механизмом регулирования народного хозяйства является полностью свободный рынок, т.е. свободная от любых монополий /профсоюзных, государственных, банковских и промышленных/ конкуренция.

7. Полное равенство всех граждан перед законом.

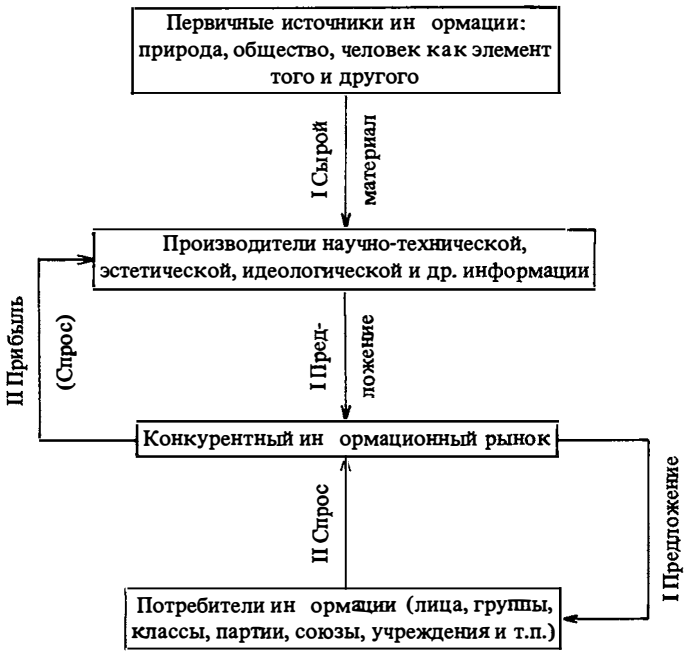
8. Хартия прав и обязанностей всех граждан.

Мне представляется, что мое определение политической демократии как перенесения законов конкурентного товарного рынка в сферу производства и потребления информации несколько не противоречит ни определению Н.Винера, ни конституционно-детализованному определению А.П.Федосеева. Повторяю: говоря о производстве информации, я пользуюсь этим термином в его наиболее широком значении. Информация в данном контексте не означает передачи каких-то сведений и только, а включает в себя все решения, команды, сообщения, идеи и образы, которые циркулируют в общественно-государственном обиходе. При таком толковании понятия информации свобода ее производства, продажи и потребления автоматически предусматривает все те права и свободы, о которых говорят Н.Винер и А.П.Федосеев.

Демократия – это очень "трудный" строй. Ее стабильность и истинность, ее полноценность суть производные от ее способности балансировать между тоталитарными политическими приемами, превращающими демократию в фикцию, в диктатуру, и непротивлением монополистским тенденциям, тоже отдающим ее во власть диктатора-победителя /внешнего или внутреннего/.

Во второй части книги была предложена читателю схема экономического конкурентного рынка. Ниже я предлагаю схему информационного обращения демократии, а затем схему взаимосвязей всех рынков в условиях демократии /см. стр. 288/.

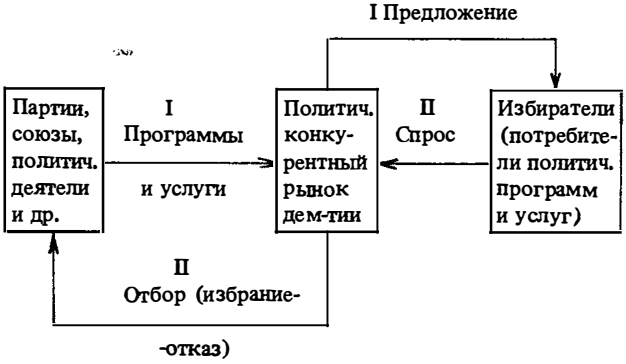
СХЕМА № 8. ИНФОРМАЦИОННЫЙ КОНКУРЕНТНЫЙ РЫНОК



Из этих схем следует, что главным "заводящим" элементом демократической системы является потребитель, выступающий в качестве генератора обратных связей

СХЕМА № 9

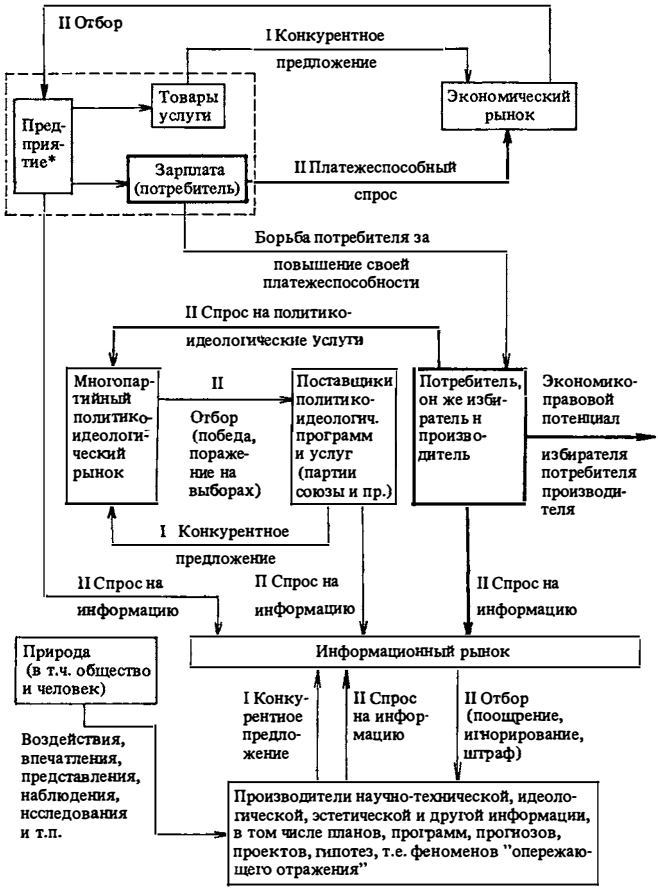
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНКУРЕНТНЫЙ РЫНОК ДЕМОКРАТИИ



на всех трех рынках: вещественнотоварном, политическом, информационном. Он заказывает музыку, поэтому на него обрушивается массированная, оглушающая самореклама поставщиков товаров, услуг, политических программ, идей, образов. Его вкусы, его потребности, его "да" и "нет", "беру" – "не беру", формирующие конъюнктуру рынков /в том числе политического рынка, на котором он борется за повышение своей платежеспособности/ зависят от этой бесцеремонной атаки. Но последнее слово /если демократия есть демократия/ остается за ним. Не в том смысле, что он волен вылепить ситуацию по своему усмотрению, вкусу, аппетиту и пр., а в том смысле, что за ним остается выбор одного из наличествующих предложений, одной из наличных и потенциально возможных тенденций.

Иными словами, система демократических рынков приводится в движение экономическим потенциалом пот-

СХЕМА № 10. ОБЩАЯ СХЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ КОНКУРЕНТНЫХ РЫНКОВ



* Частные, корпоративные, кооперативные, смешанные, государственные и другие предприятия, включенные в конкурентный рынок.

ребителя, он же избиратель, он же производитель. Потребитель /избиратель/ борется за повышение своего экономико-правового потенциала /платежеспособности и конкурентоспособности/ на политико-идеологическом рынке в качестве избирателя и сторонника определенных программ и доктрин. Все участники конкурентных рынков, в том числе государство, вынуждены конкурентной борьбой использовать в своих интересах разнообразную информационную продукцию, циркулирующую в системе /на информационных: культурном, политическом, идеологическом – рынках/, поневоле стремясь избегнуть ограничений и фальсификаций в этой области, так как фальсифицированная или урезанная информация ослабит их позицию в неизбежной конкурентной борьбе. Стремление к правдивости и своевременности используемой информации оказывается автоматическим следствием безвыходной необходимости для всех участников рынков знать правду о себе, о своих противниках, о потребителях, о возможных тенденциях дальнейшего их поведения и состояния и пр. Так модель профессора Отто Смита оказалась необходимой и очень полезной для капиталистической /конкурентно-рыночной/ экономики. В отличие от своего американского коллеги, советский экономист не может предложить своему единственному работодателю и заказчику – государству – точной /более или менее/ модели социалистической экономики, ибо последнюю нельзя улучшить, не отказавши заказчику /государству/ в тоталитарном всевластии.

Однако ни в коем случае нельзя забывать и о том, что нынешняя демократическая ситуация развивается под могучим и целенаправленным воздействием партократии. Последняя имеет всепроникающую агентуру влияния на всех демократических рынках. Внутри демократии, как

уже не раз было подчеркнуто, тоже непрерывно продуцируются монокапиталистические и тоталитарные тенденции. Собственные взаимозависимости демократии во все большей мере теряют под этим искажающим напором свой автоматизм.

Авторы уже упомянутой мною статьи "Взаимодействие в биологических системах"[5] пишут: "Мы хотим подчеркнуть нашу основную мысль: в основе поведения живых систем лежит небольшое число принципов. С помощью этого небольшого числа механизмов оказывается возможным организовать разумное поведение систем во всем многообразии ситуаций внешнего мира".

Механизм конкурентнорыночного отбора в экономике, политике, идеологии и культуре в сочетании с использованием и развитием специфичных для такого отбора форм и способов "опережающего отражения" /прогнозирования и планирования/ относится, по-видимому, к числу тех немногих фундаментальных принципов, которые лежат в основе функционирования сложных "больших систем", в том числе и социальных структур, организованных демократически в современном, а не в примитивно-соборном смысле этого термина.

Именно поэтому цивилизация спроса есть в условиях демократии задача в высшей степени важная: цивилизованный спрос выровняет предложение, сформирует его по себе; уродливый спрос исказит ситуацию так,что сделает ее самоубийственной для демократии. Более того: уродливый спрос может создать ситуацию, убийственную для вида, для цивилизации.

Идея тотального непротивления злу насилием кажется мне не столько утопической /человечество продемонстрировало ее воплощение в жизнь неоднократно – демонстрирует и сегодня, в отношении своем к террористам, к

бандитам, во взаимоотношениях между демократиями и диктатурами/, сколько опасной. Идеи морального самосовершенствования, самовоспитания и воспитания тех идеалов здоровья и нравственности, коими грезит человечество испокон веков /и которые так часто соседствуют с идеей непротивления в одних и тех же великих книгах/, непопулярны в глазах практичных людей, выглядят бессильными и беспомощными. Но в условиях, когда заказ потребителя формирует общественную ситуацию, эти "отвлеченные" рекомендации приобретают первостепенное значение.

Критерий в таком самовоспитании и воспитании у каждого свой /иначе мы возвращаемся к ситуации диктатуры/. Вопрос заключается в том, угадаем ли мы /вы, они/ лично, национально, видово выгодные критерии и сумеем ли убедить других в их выгодности.

Как мы видим, демократия не упрощает исторической ситуации, но она оставляет шанс выиграть, тогда как партократия есть потеря и этого шанса.

2. ПРИМИТИВНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В вопросе о демократии существует путаница, связанная, как я уже говорила, с неразличением, по меньшей мере, двух ее типов и их особенностей.

Одна из них — примитивная демократия /вечевая, соборная, первобытнообщинная, первобытнокоммунистическая демократия/ — это принцип общественной организации, предполагающей в качестве органа, управляющего данным объединением, собрание всех его членов, разумеется, зрелых и полноценных.

Второй — конкурентнорыночная демократия, о которой мы говорили выше. В литературе имеется великое

множество идеализаций первого типа демократии: "И какая чудесная организация этот родовой строй при всей ее наивной простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без эксцессов* – все идет своим установленным порядком. Всякие споры и недоразумения разрешаются коллективом тех, кого они касаются, – родом или племенем, или отдельными родами между собой; только как крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть; наша смертная казнь представляет только ее цивилизованную форму со всеми положительными и отрицательными сторонами цивилизации. Хотя общих дел существует гораздо больше /?/, чем в настоящее время, домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща, и коммунистически, земля является собственностью всего племени, только мелкие огороды предоставлены во временное пользование отдельным хозяйствам, тем не менее у них нет и следа нашего широкого, разветвленного и сложного аппарата управления. Участники решают, и в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал **. "Бедных и нуждающихся не может быть: коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и увеченным на войне.*** " "Все равны, свободны, не исключая женщин."[6]

* Иногда "немножечко" людоедства, например, в очаровательной Полинезии, добавлю я; немножечко полузвериной иерархии, личной, возрастной и т.д.

** Например, закапывание живьем в землю мужеубийцы на Руси (см. в "Истории России" С.М. Соловьева), или побивание камнями до смерти грешников у древних иудеев, или убийство жены за супружескую измену, а то и просто за разговор с чужим мужчиной в арабских странах.

*** У доинкских южноамериканских племен престарелых и больных съедали их родственники, и часто – заживо, после чего

Оставим в стороне достоверность картины, набросанной Энгельсом: ему ли не идеализировать первобытного равенства, если восстановление золотого общинного века — главная задача марксизма? Исторической точности мы от него не ждем. Предполагается, что Собрание вырабатывает свои решения в открытом,прямом,многостороннем диалоге, который завершается той или иной формой свободного голосования. Результат голосования и становится законом для общества. Мы не будем останавливаться на том, какого рода иерархия лежит в основе доплеменного и племенного общества, как организован родовой строй.

Остановимся на двух моментах.

Собрание представляет своими решениями волю большинства присутствующих — во всяком случае, так принято трактовать примитивную демократию. Прежде всего, не исключено /и это наиболее вероятно/, что речь идет о "воле" пассивного большинства, убеждаемого в том или ином вопросе красноречивыми или подавленного влиятельными участниками собрания. Большинство идет за тем или иным лидером, санкционирует его точку зрения, а меньшинство, не сумевшее убедить, или подавить, или как-то иначе завоевать большинство, оказывается перечеркнутым: его мнение обществом игнорируется. Конкурентная демократия тоже в конечном счете учитывает

объявляли их родовыми святыми; у чукчей ослабевшего старика душил сын или зять, если сына не было; в Древней Руси стариков увозили в лес на санях и оставляли там замерзать /сходный обычай существовал и у североамериканских индейцев/; в античной Спарте убивали слабых младенцев и т.д. Я могу привести еще очень много столь же человечных обычаев первобытной демократии. Напомню только, что в том же доинкском общинном рае, как и на некоторых островах Полинезии,существовали специальные "фермы",на которых "разводили" и выращивали детей для стола племенной верхушки. О последнем рассказывает и Тур Хайердал, которого в антипатии к туземцам не заподозришь.

мнение большинства, но она не перечеркивает и меньшинства, оставляя за ним свободу дискуссии, пропаганды своего мнения, свободу действий и образа жизни – в пределах, не нарушающих чужой свободы и безопасности. Если такой гарантии у меньшинств нет, это – по современным представлениям – не демократия. "Живая система отличается от искусственных неживых систем тем, что каждая структурная единица в ней имеет свои "личные" задачи. Существование этих единиц не нуждается в специальном оправдании, в то время как в неживой конструкции такие единицы – это элементы, подчиненные замыслу всей конструкции.

Одна из важнейших "личных" целей живой системы – сохранение ее индивидуальности /совокупности задач/. Поэтому всякая живая система всегда стремится повысить степень своей стабильности, создать для себя условия, когда воздействие на систему факторов, могущих ее разрушить, становится минимальным"[7].

Я думаю, что, говоря о людях и обществе, можно отбросить кавычки, стоящие вокруг слова "личные" в этом отрывке.

Примитивная демократия /и якобы копирующая ее "социалистическая демократия", то есть тоталитарная диктатура/ не допускает неподчинения меньшинства принятому решению, установленному обычаю и т.п. Таким образом "примитивная демократия" отказывает своим несогласным с решением большинства сочленам в одном из главных, определяющих свойств живого – в праве на независимость задач и духа. Это может показаться неубедительным, но в одном из своих аспектов примитивная демократия с ее категорическим приоритетом большинства /если бы даже принцип этот соблюдался идеально, что марксисты и близкие к ним по воззрениям

люди считают великим благом, высшей общественной справедливостью/ родственна как диктатуре, так и глобальному требованию непротивления злу насилием: она применяет к разнохарактерным, "разнослойным" /частное, категорийное, "общее" в каждом предмете/ феноменам мира один подход, в данном случае – решение по большинству голосов. История же свидетельствует, что правота нередко остается за меньшинствами и за одиночками. При перечеркивании их мнения, их дальнейшей социальной активности проигрывают не только они – проигрываем мы все. Именно поэтому принцип охраны прав личности и обеспечения прав меньшинств, в том числе права на инакомыслие и на неуголовное инакодействие, есть один из центральных принципов современной демократии. Конкурентными рынками демократии этот принцип удовлетворительно обеспечивается.

Далее: примитивная демократия дееспособна только как способ самоорганизации сравнительно небольших групп с достаточно малым объемом более или менее однородных задач, ибо иначе возникают проблемы некомпетентности большинства в решении тех или иных проблем, а следовательно – фиктивности его мнения. В качестве локального принципа взаимоотношений внутри достаточно малых групп и объединений, вкрапленных в другие структуры, более сложные и иначе организованные, нечто похожее на примитивную демократию существует сегодня и существовало всегда. Таковы разнообразные товарищества, небольшие рабочие /в широком значении последнего слова/ коллективы, дружеские компании, хорошие семьи /с корректной возрастной иерархией/, территориальные местные объединения разного рода, кибуцы /не полностью/ и пр.

Но и в этом случае /как локальный принцип взаимоот-

ношений внутри малых групп/ примитивная демократия не противоречит современному чувству собственного достоинства только тогда, когда она не отнимает у инакомыслящих права иметь особое мнение, отстаивать его, образовывать согласные с ним подгруппы и, на худой конец, выходить из сообщества. Ничего подобного ни примитивная демократия первобытного типа, ни "социалистическая демократия" не допускают.

Тем не менее утопия примитивной демократии продолжает восприниматься и сегодня множеством людей во всем мире как идеал общественной справедливости. Великое слово "сообща" гипнотизирует и философов, и обывателей. Что может быть надежнее и справедливее, чем совместное полюбовное открытое обсуждение и решение всеми членами общества всех общих вопросов? Понятное преклонение перед "прямым", "нефальсифицированным" коллективизмом снова и снова заставляет забывать и о технической неосуществимости этого принципа организации — в масштабах современного государства как целого, и о пороках его — буде его удалось бы осуществить. Поэтому возникают все новые и новые попытки воплощения в жизнь примитивнодемократических утопий. Как бы осуществители этих попыток ни обходили на бумаге и на словах затруднений, связанных с воссозданием в современных условиях этого принципа организации, — на деле они всегда приходят к построению социальных конструкций, противоположных их первоначальному замыслу: производство решений оказывается по-прежнему функцией не "всего общества", не "ассоциированных производителей", не модернизированного "собрания" примитивной общины, а особого узкого органа, стоящего над обществом и прочно удерживающего в своих руках всю общественную инициативу. Причем власть, возникшая в ходе

осуществления примитивнодемократических утопий, всегда обладает бóльшим могуществом в областях подавления и принуждения, чем власть уничтоженная.

Почему бóльшим?

Потому, что она уничтожает автоматизм конкурентно-рыночной самоорганизации и вынуждена заменять этот автоматизм принуждением.

Потому что она ломает естественно возникшие экономические формы и строит новые – спекулятивно ею изобретаемые, что требует централизации всей социальной инициативы в ее руках и, следовательно, дополнительного принуждения. Потому что она возникает насильственно. Она не может выполнить своих обязательств и потому приносит разочарование своим прежним сторонникам и нынешним подданным, в связи с чем ее самосохранение тоже требует непрерывного принуждения.

Искусственный строй, сформированный насильственно, во всех своих элементах безотчетно или сознательно стремится к более естественному для современного цивилизованного человека уровню жизни и уровню независимости. Органу власти, заменившему все прежние правящие классы истории, приходится постоянно противостоять этой упрямой инерции.

"Сознательные" преобразователи современного общества берут на себя задачи глобальные и всеобъемлющие, а посему и власть их над обществом возрастает, становясь всеобъемлющей.

3. "ТРИБАЛИЗМ" ИЛИ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ?

Многие зарубежные исследователи социализма искренне принимают его узкокастовое, олигархическое управ-

ление за власть коллектива над индивидом, большинства над меньшинством.*

Они делают из этого различные выводы: одних /самоотверженных апостолов массы, Ее Святейшества – Непогрешимой Толпы/ именно это и привлекает к социализму; других /людей, не склонных фетишизировать "массу" – понятие, в общем–то, не слишком четкое, а если и реализующееся в общем порыве – то часто страшное/ пугает возможность насилия большинства над меньшинством, толпы – над личностью, ибо им известна ценность инакомыслия для человечества /для той же "массы"/, им страшно терять себя, растворяясь в толпе, и т.д.

Но, изображая социализм как власть массы над единицами, большинства над аристократией "денежного мешка" или над аристократией духа, они лишь увеличивают его привлекательность для всех тех, кто по какой-то причине относит себя к большинству, к "массе" или считает себя виноватым перед ней, обязанным искупить вину, обязанным жертвовать своими "сомнительными" ценностями ради ее – "несомненных".

Представление о социализме как о власти большинства над меньшинством, массы над индивидуумом связано с генезисом этого строя, со способами его политического самоутверждения, с его литературными источниками – с чем угодно, только не с его истиной сущностью.

Политически представление это чрезвычайно опасно, ибо порождает в людях иллюзии и ложные цели: миллионы стремятся к власти, которую им – без всяких к тому оснований – приписывают сторонники подобного взгляда на социализм. Между тем миллионы никогда этой

* К ним, как это ни удивительно, примыкает и столь хорошо знающий советское общество Александр Зиновьев.

власти не обретают, но когда дело сделано, говорить уже нельзя: и миллионы, и "лица" попадают в одну и ту же ловушку.

К. Поппер, к примеру, решительно отождествляет социализм советского типа /равно как и нацизм/ одновременно с двумя различными общественными укладами: с племенной демократией и со староазиатской кастовой деспотией. От латинского "триба" /племя/ К.Поппер образует термин "трибализм" и распространяет его на все режимы, в коих, по его мнению, господствует "верховная власть племени, без которой индивид – ничто", "устойчивость и строгость социальной жизни", "магическое отношение к социальным порядкам"*, "замкнутый круг неизменных табу, законов и обычаев, которые воспринимаются как неизбежные, как движения солнца или смена времен года". Это религиозное отношение к законам, традициям, решениям и запретам племени якобы и делает "трибалистское" общество "закрытым", т.е. внутренне неспособным к совершенствованию, к сознательному целесообразному изменению присущих ему институтов. Эти мысли высказаны в книге "Открытое общество" и в других трудах К. Поппера.

Социализм кажется К.Попперу** современной формой трибализма – власти племенных представлений над личными, массового сознания – над индивидуальным сознанием. Я плохо представляю себе феномен "массового соз-

* Хорошо "магическое отношение", если для сохранения "социального порядка" монокапитализма или нацизма надо было и необходимо сейчас непрерывно уничтожать, подавлять, лишать элементарной свободы и гласности, держать в железной узде – с помощью колоссальных контингентов государственной охраны и оружия – миллионы людей!

** То же – и А. Зиновьеву.

нания", противопоставленный феномену "личного сознания": мне кажется, что мощность или инертность "массового сознания" возникает в условиях, когда в каждом из индивидуальных сознаний формируется множество представлений, общих для всех. Особенно тяжело в таких условиях "выродкам"[8], сознание коих не поддается этой унификации и не несет в себе достаточного кворума общих черт – для того, чтобы чувствовать себя хорошо в среде такого единообразия. Но сейчас речь не об этом. К.Поппер отождествляет в вышеуказанном плане египетский кастовый строй, феодальный абсолютизм, социализм, фашизм с первобытным племенным строем. Мне представляется, что он отождествляет принципиально различные конструкции.

В первобытной общине, в племени, в том виде, в каком их часто реконструирует историческая наука, управляющую информацию вырабатывает коллективный орган, не стоящий над племенем, а состоящий из всех взрослых его членов /за исключением некоторых поло-возрастных категорий: женщин, детей и т.д./.

В кастовой деспотии, в монархическом, фашистском, социалистическом государстве управляющие инстанции расположены над обществом, профессионализированы и представляют его более или менее узкое меньшинство. Ничего общего с властью массы, племени, рода, толпы эти последние способы управления не имеют.

В сближении К.Поппером кастовой деспотии и социализма /здесь сближение вполне правомерно, но лишь в том случае, когда мы говорим о социализме реальном, а не книжном/ странно скрестились взгляды его и Маркса. Поппер считает учение Платона о государстве предшествием марксистского учения об идеальной общественной организации, полагая и государство Платона, и социалис-

тическое государство яркими воплощениями "закрытого" "трибалистского" общества.

Маркс же называл учение Платона о государстве "афинской идеализацией египетского кастового строя".

Маркс был прав, считая "идеальное" /страшное уже на бумаге не менее, чем реальный социализм и реальный нацизм/ государство Платона одной из идеализаций кастового государства. От того, что место фараона в нем занял совет мудрецов, суть дела не изменилась. Государство Платона еще централизованней, чем его прообраз. Прав и Поппер, говоря, что и Платон, и Маркс стремилась увенчать развитие общества раз навсегда найденной и осуществленной формой общественной организации: "Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариата путем непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода"[9]. Чем черт не шутит?..

Но все дело в том, что Маркс задумывал свою "последнюю форму устройства человеческого рода" /как бы не напророчил.../ как идеальное самоуправление, как власть подавляющего большинства народа над самим собой, действительно, представляющую собой идеализацию строя, который у К. Поппера предстает как трибализм. Но реализовался Марксов трибалистский /примитивно-демократический/ идеал как абсолютная государственная диктатура – более абсолютная и более монополистская, чем самый деспотический кастово-государственный строй.

Платон же и в теории – этатист, сторонник самой строгой государственной регламентации общественной жизни.

Маркс в теории – "трибалист", демократ в примитивном понимании термина. Он более утопист, чем Платон:

Платон утопичен только в надеждах, которые он возлагал на свое идеальное государство; построить его оказалось возможным. У него и в истории были прототипы, современные Платону и предшествовавшие его утопии. Маркс утопичен в самом намерении осуществить принцип общественной организации, для современного ему /и нам/ общества не осуществимой. Его последователи, пытаясь осуществить его проект, осуществили проект Платона и ничего другого осуществить не смогли бы. Проект Платона, в свою очередь, обернулося тем, чем единственно и мог обернуться строй, основанный на догмате всевластия и абсолютной непогрешимости его верховной инстанции.

Ниже предлагаются схемы общего управления и информационного обращения тоталитарной диктатуры – того реального строя, который вырос из "трибалистских" рецептов Маркса.

СХЕМА № 11

ОБЩЕЕ УПРАВЛЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ДИКТАТУРЫ

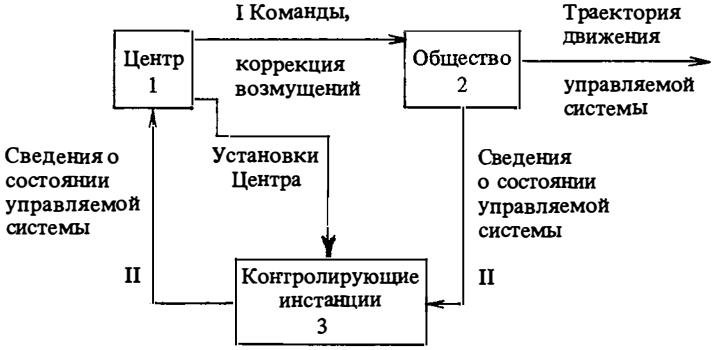
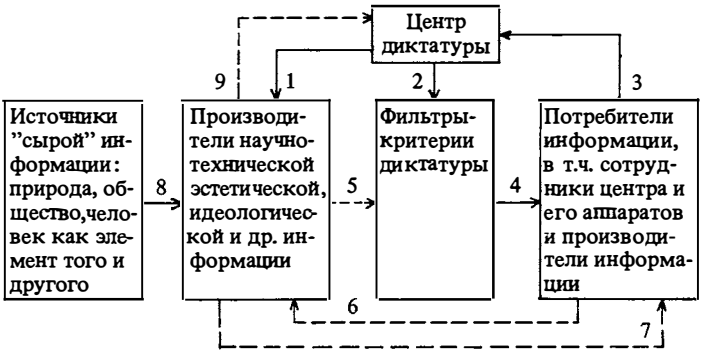


СХЕМА № 12

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ТОТАЛИТАРНОЙ ДИКТАТУРЫ



1, 2 – установки и критерии центра; 3, 4, 5 – потоки информации; 6, 7 – нелегальный спрос на информацию и неподцензурное предложение; "сырой" информационный материал; 9 – неурезанная информация по запросам центра.

Очень важно следующее: и контролирующие инстанции в схеме № 11, и производители информации /на протяжении всей жизни и деятельности/ подвергаются массированному воздействию установок Центра. В результате ни отчеты, ни то, что Центр получает в качестве неурезанной /т.е. секретной для всех остальных/ информации, не является свободно воссозданной моделью реальности. В каждой инстанции, занятой информированием Центра, и в каждом производителе информации действует воспитанный на протяжении всей жизни "внутренний цензор". Он заставляет людей и организации поставлять Центру в качестве информации то, что Центр приучил их считать таковой /или выдавать за таковую/. В итоге всего этого Центр в информационном отношении уподобляется змее, заглатывающей себя самое с хвоста. В качестве истины

он получает то, что им же самим предписывается считать истиной. В лучшем случае ему достается полуправда, хорошо откорректированная в желательном направлении. Единственная область, в которой Центр старается не допускать собственной дезинформированности, – это область его политического самосохранения. Здесь ему жизненно необходима быстрота и адекватность реакций на все, что угрожает его трехстороннему /политика, идеология, экономика/ монополизму, и здесь он старается иметь достоверные сведения. Это знают и соответствующие осведомители, и поэтому уровень фальсификации в этой области информационного обращения ниже, чем в остальных.

4. НРАВСТВЕННОСТЬ ПАРТОКРАТИИ

Опыт истории и черты настоящего свидетельствуют, что качества коммунистической партократии определяются не филантропическими целями, которые декларируются ее пропагандистами и устроителями, а тем, как она подходит к этим филантропическим целям. Этот подход характеризуется, с одной стороны, ее априорным идеологическим решением навязать себя всему народу и всему миру. С другой стороны, свойства партократии предопределены ее априорным /идеологическим же/ отказом от плюрализма. Однопартийность предопределяет совершенно определенную и неизбежную структуру управления обществом. Партия, возглавляющая партократию, тоже не может не быть организована тоталитарно-иерархически, ибо наличие в ней нефиктивного разномыслия /"фракций"/ означало бы фактически восстановление многопартийности, т.е. плюрализма.

Несмотря на разнообразие идеологических концептов и задач, невозможно не ощутить, что монопартократии как таковой свойственны некоторые черты, которые не

снимаются особенностями и оттенками неизбежно присущими каждому конкретному ее варианту*.

"Практически уже через несколько лет после захвата власти нацистами государственные, партийные и общественные организации представляли собой неразрывное целое. В результате давление по государственной линии сразу же подкреплялось давлением по "общественной", а давление по "общественной" получало немедленную поддержку государственного аппарата". /А.А.Галкин/

"Франкистская диктатура — ... это прежде всего государственная машина, претенциозное "сверхгосударство", созданное таким образом, чторы все подчинить себе, все унифицировать: политику, экономику, систему мышления, самый характер человека". /Л.Пономарева/

"Особая организация общества, характеризовавшаяся стремлением к максимальному контролю над всеми проявлениями общественной и личной жизни граждан". /А.А.Галкин/

"Коммунисты отнюдь не считают, что при диктатуре пролетариата может существовать только одна партия. Но ... при всех этих условиях руководящая роль в систе-

* На Западе есть множество работ, посвященных партократии XX века. В СССР серьезных работ такого рода немного. Однако внимательный читатель может даже без помощи Самиздата и Тамиздата найти достаточно подтверждений этому мнению в легальной советской научной, публицистической и художественной литературе. Рекомендую для этого хотя бы следующие несколько книг и статей: Хозе Гарсия, "Испания XX века", изд. "Мысль", М., 1967; А. А. Галкин, "Немецкий фашизм", изд. "Наука", М., 1967; Ц. Кин, "Итальянский фашизм и культура", журнал "Иностранная литература", №№ 6,7, 1968 /и другие работы Ц. Кин об Италии 1920–1940 г.г./; интересны также рецензии на эти и подобные книги в журнале "Новый мир" за 1968 год, принадлежащие Л. Пономаревой и Е. Гнедину. В дальнейшем буду ссылаться только на фамилии перечисленных авторов.

ме диктатуры пролетариата в социалистическом обществе должна принадлежать коммунистам". /"Известия", 2.4.1968 г./

"Печать, радио, телевидение являются прежде всего инструментом проведения в жизнь политики партии и государства". /Из резолюции ноябрьского пленума ЦК КПЧ, 1968/.

"Аппарат пропагандистской обработки широких народных масс, занимавшийся формированием общественной идеологии и мировоззрения". /А.А.Галкин/ Речь идет о нацистской Германии, но без специальной оговорки эта реплика может быть отнесена к любой партократии XX века.

"Мы говорили, что режим хотел во что бы то ни стало иметь свою литературу и искусство. Совместимо ли это с неверием в реальное значение идей? Мне кажется, что противоречия не возникает, поскольку перед искусством ставились, так сказать, подсобные задачи: ему полагалось иллюстрировать и воспевать достижения фашизма... Фашизм использовал в своих целях и школьные учебники" /следует ряд примеров, дословно совпадающих с советской идеологической фразеологией/. /Ц.Кин/

Государственные инстанции "зорко следили за тем, чтобы все писатели шли по одной литературной дороге. Тропинки приравнивались к тупикам. При этом дорога была отнюдь не прямой, она петляла в зависимости не только от крупных политических событий, но и от вкусов Сталина, от его настроения, от его отношения к различным авторам". /И.Эренбург, "Люди, годы, жизнь"/

"Каждый испанец может свободно выражать свои идеи, если они не являются посягательством на основные идеи государства". /"Хартия испанцев"/

В своей речи на XXIIIсъезде КПСС /1966 год/ секретарь

ЦК Молдавии Бодюл иронически заметил, что в СССР каждый писатель волен писать, что хочет, но партия, в свою очередь, вольна не разрешать печатать произведения, которые не соответствуют ее идеологии. Он умолчал о том, что писателей при этом сажают в тюрьмы или высылают из страны за ненапечатанные произведения. На том же съезде бывший писатель Михаил Шолохов возмущался либерализмом советской власти, осудившей А. Синявского и Ю. Даниэля на 7 и 5 лет за напечатанные за границей художественные произведения, вместо того, чтобы расстрелять их.

И в "сталинской" конституции 1936 года, и в нынешней – 1977 года – в статье о гарантируемых правах граждан на свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, свободу уличных шествий и демонстраций подчеркнуто, что эти свободы гарантируются "в целях укрепления социалистического строя".

Героические советские правозащитники, опираясь на двусмысленность по сей день сохранившейся бухаринской формулировки пресловутого пункта о "свободах" в первой советской конституции, пытаются обосновать легальность демократических свобод в СССР. Но уточняющее конституцию законодательство, равно как и 63-летняя реальность советского строя, сводят на нет эту аппеляцию правозащитников. Кроме того, в преамбуле к современной советской конституции руководящая роль КПСС во всех сферах жизни советского государства подчеркнута совершенно однозначно: "Ст.6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, всех государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза".

Таким образом, партократия, на якобы "неконституи-

ционность" которой пытаются опереться правозащитники, является в СССР конституционно легализованной основой режима*. Об этом можно было бы не упоминать, если бы это было тайной для партократии и не вводило бы всех остальных в заблуждение относительно ее правовых основ, узаконенных ею конституционно.

"Жизнь – это борьба, и ее надо прожить, не запятнав духа служения и самопожертвования", – это программа испанской фаланги и ХОПС, а не известные всем поколениям советских школьников 1936–1980-х г.г. слова Н. Островского, дословно совпадающие с этим отрывком.

"Нашлись предатели, провокаторы, трусы, карьеристы, фанатики, завистники, прямые агенты фашизма, оказавшие немалые услуги франкизму в создании аппарата слежки и контроля над чужими мыслями и настроениями". /Х. Гарсия/, – у всех находятся...

"Возникает некое единство бездумных людей, заранее считающих всякое сомнение предательством". /Л.Пономарева – о нацистской Германии/.

Возникает впечатление, что все советские книги о фашизме, о нацизме, о франкизме – это лишь вынужденные травестии, исповеди, рассказы о своей стране, поневоле замаскированные чужим интерьером.

* Так же обстоит дело с пресловутым "социалистическим правосознанием", которое почему-то считается юридической принадлежностью ленинско-сталинской эпохи, а не советского партократического режима как такового: УПК РСФСР, разд. 1, ст. 16: "Судьи и народные заседатели разрешают уголовные дела на основе закона в соответствии с социалистическим правосознанием..." Таким образом, отстаивая гражданские свободы, права личности и законность судопроизводства, правозащитники борются за демократическое, а не за советское право, то есть воюют против конституционных основ режима.

Все партократии демагогически оформляют свою политику.

Они всегда от кого-то спасают вверившееся им общество, которое обязано вечно быть им благодарным за это. Они спасают своих подданных от красных, от белых, от черных, от евреев, от буржуев, от китайцев, от русских, от "выродков" /бр. Стругацкие/ — не имеет значение от кого. Идеологический аппарат партократии занят "научным" обоснованием этой "благодарности" и пропагандой такого обоснования, и каждый ее подданный, рассчитывающий на относительное благополучие, должен эту благодарность при каждом подходящем случае проявлять.

"Фашистская диктатура лицемерна,и,уничтожая человека физически и духовно, она делает это только во имя общего блага". /Х. Гарсиа/

"Брань в адрес противника сопровождалась у нацистских пропагандистов неумеренным превозношением целей и задач своей политики, ... немецкий народ в их изображении выступал в качестве самого благородного, самого бескорыстного, самого терпимого. Акции нацистского правительства вызывали "всеобщее восхищение и поддержку", заявления нацистских лидеров "потрясали мир", "прокладывали новые пути", оставались навеки "в анналах истории". ... Заранее отобранные примитивные лозунги вбивались в сознание населения последовательно и методично. Они бросались в глаза со страниц утренних газет, присутствовали в любой радиопередаче, преследовали на улице в виде плакатов и листовок, непрерывно фигурировали в любой официальной речи". /А.А.Галкин/.

Знакомо, не так ли?

А вот еще несколько высказываний, которые можно без опасений транслировать по советскому радио: они

не вызовут ощущения чужеродности ни у одного слушателя внутри СССР.

Пожалуй, советским штирлицам* не к чему было привыкать в третьем рейхе /если они там имелись/, а нынешним гражданам ГДР ни от чего не пришлось отвыкать в царстве социализма:

"... 7. Мы требуем, чтобы государство взяло на себя обязательство в первую очередь заботиться о заработке и о пропитании граждан.

9. Все граждане должны обладать равными правами и нести равные обязанности.

10. Первым долгом каждого гражданина должен быть творческий труд, умственный или физический. Деятельность отдельного лица не должна нарушать интересов общества, она должна протекать в рамках целого и на пользу всех.

. . . .

13. Мы требуем огосударствления всех уже /до сих пор/ обобществленных производств /трестов/.

. . . .

15. Мы требуем широкого и систематического обеспечения престарелых.

. . . .

23. ... Газеты, нарушающие интересы общественного блага, подлежат запрещению. Мы требуем законодательной борьбы против направления в литературе и искусстве, вносящего разложение в жизнь нашего народа, и закрытия издательств, которые нарушают вышеприведенные требования.

24. ... Общее благо выше личной выгоды.

* Советский разведчик в гитлеровской Германии – герой популярного романа и телефильма "Семнадцать мгновений весны".

25. Для проведения всего этого мы требуем создания сильной центральной государственной власти, неограниченной власти центрального политического парламента над всей империей и над всеми ее организациями.

Вожди Германии обещают неукоснительно бороться за осуществление вышеприведенных требований и в случае необходимости пожертвовать за нее собственной жизнью."

"Социалист — это тот, кто готов стоять за свой народ всеми фибрами своей души, кто не знает более высокого идеала, чем благо своего народа...".

Соавтор приведенных выше тезисов и автор последнего отрывка — Гитлер*.

К сожалению, в среде противников всех реализованных социализмов: и нацистского, и фашистского, и коммунистического — все еще идет спор о терминологии. Так, С. Рафальский, убежденный и основательный антагонист марксизма и большевизма /коммунизма/, продолжает считать себя в чем—то социалистом. Примеров тому немало и в среде эмиграции, и в оппозициях к партократическим режимам. Апологеты хорошего, правильного социализма бессчетны и на Западе, и в "третьем мире". Я полагаю, что основа несогласия такого типа, как, например, мое расхождение в оценке социализма с С. Рафальским, является, в основном, терминологической. Исходя из литературного и политического генезиса социализма, я считаю немыслимым называть социализмом строй,исключающий монопартократию и ее абсолютную трехаспектную монополию: в экономике, в политике, в идеологии. Мои /антикоммунистические же/ оппоненты, по-видимому, считают социализмом и некую частично централизо-

* Цитирую по книге А. Белинкова "Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша", Мадрид 1976.

ванную рационализацию и гуманизацию общественных отношений, не исключающую экономического, политического и духовного разнообразия. Следовательно, споря о /каждый о своем/ социализме, мы говорим о разных вещах.

Норберт Винер отождествляет вооруженность диктатуры против всего, что находится вне ее пределов, что не соответствует ее критериям, с "манихейской ересью", подразумевающей во всем, что ей не по вкусу, активное, злокозненное, направленное против нее начало. По убеждению Винера, "любому религиозному строю" /эпитет "религиозный" не связан здесь с верой или неверием в Бога и подразумевает только некий антиплюралистский режим, основанный на догматике, слепо воспринятой "на веру"/, "следующему военному образцу, присуще искушение... ...впасть в манихейскую ересь". Винер имеет в виду злобное и подозрительное отношение к инакомыслию, к независимым толкованиям блага и истины, вообще – к недогматическому мышлению. "Религиозный строй следующий военному образцу", предполагает всеобъемлющее военизированное подчинение общества системе догматов, исходящей от его Центра, – каких – это, по Винеру, не столь важно. Важен принцип, лежащий в основе такой конструкции, – обязательная навязываемость этих догматов всему сущему – внутри и вне подобной структуры.

Благодарное обожествление верховной партократической инстанции, то ли в лице "вождя", то ли в лице олигархии таковых, то ли в лице "единой и неделимой" правящей партии, – обязательный атрибут такой системы.

"Ты поенье сладкое, сердцу милое,

Ты кормленье вечное всенародное..."

Сказ о Сталине в хрестоматии 5-го класса – до 1956 г.

"Самое красное, красное солнце — наш председатель Мао"...

"Я маленькая девочка, играю и пою,
Я Ленина /до 1956 года было "Сталина"/ не видела,
Но я его люблю..."

"Дуче, дуче, алала!.."

"Спасибо фюреру!.."

"Спасибо партии!.."*

При низком уровне жизни, при постоянном уничтожительном терроре или всеподчиняющем давлении, при полном отсутствии свободы — подданные партократии, околдованные ее информационной монополией, подчас глубоко уверены, что, как им ни плохо, — за пределами их отечества людям живется несравненно хуже.

Приходится снова и снова делать вывод: порочно любое воинствующее и принудительное для окружающих избранничество: расы, народа, класса, партии, церкви, идеи, личности...

Любая всеобъемлющая монополия, какой бы она ни была в истоках своих безобидной, благородной и соблазнительной, оборачивается реками крови. Она никогда не оказывается в состоянии выполнить свои обязательства, справиться со своими задачами и неизбежно заболевает смешанной манией преследования, величия и убийства. При этом губительным было бы не помнить, что коммунистическая партократия с изначальных своих истоков декларирует цели свои как цели всемирные и что она никогда ни теоретически, ни практически от этих целей своих не отказывалась.

* В современном СССР это благодарное обожествление отражено множеством анекдотов и частушек, самая удобопечатная (среди известных мне): "Прошла зима, настало лето — спасибо партии за это!"

Последовательная демократия позволяет обществу и человеку быть честными с самими собой и с друг с другом, что само по себе, может быть,их и не красит, но оставляет надежду на улучшение, на достижение понимания. В условиях партократии человек и общество могут быть честными по отношению к власти /и друг к другу/ лишь в том случае, когда притязания Центра счастливо совпадают с миропониманием граждан, что случается крайне редко. При всех отклонениях от этого маловероятного состояния приходится либо отказываться от своих убеждений, либо лгать, либо сопротивляться – более или менее конспиративно, ибо партократия не терпит сопротивления. А конспирация – по строгому моральному счету – это уже безнравственность, тягостная для человека. Одна из массовых форм конспирации в условиях диктатуры – это молчание, но и молчание не спасает, ибо диктатура требует не только слов, но и действия.*

Внутренняя раздвоенность, совершение зла при понимании, что это зло, "минаевщина"** – становятся нормой всякого мало-мальски проницательного человека, не вступающего в войну с партократией или ведущего с ней войну законспирированную, совмещенную с какой–то лояльной деятельностью. А многие ли из нас положа руку на сердце могут сказать, что, даже борясь против партократии, одновременно в чем–то и как–то ей не служили? Не зарабатывали на хлеб или не выполняли свое профес-

* Попытки некоторой части современных внутренних оппозиционеров действовать только открыто, только не конспиративно, сводятся либо к заведомому самопожертвованию, либо к эмиграции, либо – все-таки! – к той или иной форме конспиративности в их действиях. Иначе они обречены безвестной гибели.

К этому вопросу я возвращусь в особой работе.

** См. рассказ Даниила Гранина "Собственное мнение", "Новый мир", № 8, 1956.

сиональное призвание, служа ей? Я о себе не могу этого сказать. Думаю, что только герои, которых можно перечесть по пальцам /или нам неведомые/, имеют право сказать, что никогда не работали на партократию, живя под ее всепроникающей властью.

А ведь помимо заведомой лжи есть еще бесчисленные компромиссы, есть внутренняя борьба, есть постоянное стремление убедить себя, что все вокруг терпимо /если не хорошо/, – чтобы не чувствовать себя подлецом.

И демократия порождает ежечасно сходные психологические ситуации – как в малых группах и учреждениях, так и в более общих рамках. Но условия демократии не предполагают категорически того выбора, который должен совершить человек, чтобы избежать борьбы не на жизнь, а на смерть. Если такая альтернатива и возникает /борьба не на жизнь, а на смерть в ходе защиты своих интересов или своей позиции/, – она возникает не в соответствии с глобальным структурно–юридическим принципом демократии, а в качестве его нарушения, часто заведомо уголовного. Эта ситуация возникает в борьбе лиц против лиц, лиц и групп против лиц и групп, в противостоянии лиц и групп инерции среды, общественному мнению, более сильным лицам и более массовым группам. Но применение террора и силы против демократически законного действия в такой борьбе есть уголовное преступление. В условиях же партократии носителем террора и силы является вооруженная, экономически полновластная, контролирующая все формы гласности, регламентирующая все реальное право государственная власть. Между антидемократическими силами и действиями в условиях демократии и между ними же в условиях партократии существует такая же разница, как между возможностями конкурирующих

поставщиков на свободном рынке и всесильным государством—монокапиталистом на единственном псевдорынке /рынок без выбора это не рынок в демократическом смысле термина/ социализма. Невозможность прямого, открытого диспута долгие годы усугубляется еще и страхом повредить дискуссией, даже конспиративной, не себе, нет а Великой Непогрешимой Идее, гипноз которой, осуществленный посредством лавинообразных потоков массивной, избыточной неправды и полуправды, обрушиваемых всю жизнь на каждого, преодолеть чрезвычайно трудно и не всем под силу.

Искреннейший и прозорливейший Б.Пастернак восклицает: "И разве я не мерюсь пятилеткой, не падаю, не поднимаюсь с ней?".. И тут же кается /перед собой, перед ближайшими, перед родиной и вечностью, а не перед властью/: "Но как мне быть с моей грудною клеткой и с тем, что всякой косности косней?" И делает самоуничтожительный, но логичный вывод: "Напрасно в дни великого Совета, где высшей страсти отданы места, оставлена вакансия поэта: она опасна, если не пуста"!

В.Маяковский, отдавший себя, казалось бы, безраздельно коммунистическому мессианству, пишет: "Хорошо у нас, в Стране Советов: можно жить, работать можно дружно. Только вот поэтов настоящих нету... Впрочем, может, это и не нужно?.." И как искренне он себя ни смирял, "становясь на горло собственной песне", – в конце концов он убил эту непокорную песню, выстрелив в самого себя.

Для кого опасна "вакансия поэта", "если не пуста"?!

Кому не нужны "настоящие поэты"?!

По-видимому, все той же Единственной Великой и Непогрешимой Идее.

И это противоестественное величие, которое боится

пророческого дара поэзии, в глазах третьего поколения непрерывно уничтожаемых и самоуничтожающихся литераторов все еще продолжает оставаться величием!

Таков гипноз повторения одного и того же комплекса догматов в течение жизни трех поколений подданных диктатуры.

"Да, он наступил на горло собственной песне", – говорит К.Паустовский, и это ужасное, ничем не оправданное самоубийство духовное, предшествовавшее самоубийству физическому, Паустовский /а мы привыкли его любить: он тонкий лирик, он порядочный человек, он не конъюнктурщик и не карьерист – таково общее мнение/ называет "подвигом поэтического самопожертвования ради блага своей страны и народа"! Великий поэт заставил молчать свою песню "ради блага страны и народа"! Песня гения, которая могла повредить стране и народу, – непостижимо!

Мне тоже случалось защищать свою противоестественно-слепую веру в утопию в неумелых юношеских стихах: "Но, ограждая высшие черты действительности, тягостной, как камень, мы зажимали собственные рты своими же горящими руками!"

Но не будем же забывать и того, что к любой степени убежденности примешивается в этих условиях и страх! Нормальная человеческая выносливость, нервная и физическая, не рассчитана на тоталитарные методы устрашения, подавления и мучительства человека. Убежденность под напором жизни уходит, а страх становится главным стимулом поведения.

Это говорит китайский писатель Го Мо Жо: "Прошло более 20 лет со дня опубликования "Выступлений на совещаниях по вопросам литературы и искусства в Яньани" председателя Мао. Я читал их много раз. Иногда на словах

я могу говорить о необходимости служить рабочим, крестьянам и солдатам, о необходимости учиться у них. Но все это остается лишь на словах. Только говорить о марксизме-ленинизме, только писать о марксизме-ленинизме — это не значит работать по-настоящему, не значит претворять его на практике, не значит поступать согласно с указаниями председателя Мао, не значит овладевать идеями председателя Мао. ...Моя сегодняшняя речь — это выражение моего состояния. ... Я высказал то, что у меня на душе. Теперь я должен хорошо учиться у рабочих, крестьян и солдат, преклоняться перед ними, как перед уважаемыми учителями. Хотя мне уже за 70, но у меня еще есть мужество и воля; иными словами, если мне нужно поваляться в грязи, то я хочу это сделать; если мне нужно испачкаться мазутом, то я хочу это сделать; и даже если нужно будет обагрить тело кровью в случае нападения на нас американского империализма, то я также хочу бросить в американских империалистов несколько гранат. Таковы мои мысли. Сейчас нужно хорошо учиться у рабочих и крестьян, а если будет возможно, хорошо служить рабочим, крестьянам и солдатам". [10]

От этой сбивчивой задыхающейся скороговорки, от этого стариковского бормотания веет смертельным страхом — перед застенком охранки, перед толпой озверевших подростков—штурмовиков. А мы говорим иногда, что Орвелл утрировал ситуацию. Заметьте: он предусмотрел ее для своей родной цивилизованной Англии, а не для черной Африки...

А это — Юрий Олеша. Здесь как будто нет ни страха, ни потери собственного достоинства: здесь все искренне. Но тем более страшно и горько читать это самоотречение — видеть, как дар художника корчится на внутреннем аутодафе, заженном Единственной Великой и Непогреши-

мой Идеей в его собственном мозге: "И вот сейчас возник вопрос, в который упираешься, что называется, лбом, — вопрос о перестройке, вопрос о приобретении ленинско-марксистского понимания жизни. Я хочу перестроиться.

Конечно, мне очень противно, чрезвычайно противно быть интеллигентом. Это слабость, от которой я хочу отказаться. Я хочу отказаться от всего, что во мне есть, и прежде всего от этой слабости. Я хочу свежей артериальной крови, и я ее найду. У меня поседели волосы рано, потому, что я был слабым. И я мечтаю страстно, до слез, до воя о силе, которая должна быть в художнике, которым я хочу быть". [11]

Послушайте, может быть, это издевательство над читателями и слушателями? Может быть, это чудовищный гротеск в форме авторского монолога? Не будем обольщаться: ниже — мольба о доверии, об отсрочке, о праве "перестраиваться" самостоятельно, по своему разумению: "Я, конечно, перестроюсь, но как у нас делается перестройка? Вырываются глаза у попутчика и в пустые орбиты вставляются глаза пролетария. Сегодня — глаза Демьяна Бедного, завтра — глаза Афиногенова, и оказывается, глаза Афиногенова — с некоторым изъяном. ... Я сам найду путь, без кондуктора... Я себя считаю пролетарским писателем. Может быть, через тридцать лет меня будут читать как настоящего пролетарского писателя".

Бог миловал: через тридцать лет его начали читать снова — как незабываемого Олешу, "Зависть" которого так и осталась — не панегириком пролетарию, а "отходной" интеллигенту*...

Вот что говорит об интеллигенции В.Г.Короленко:

* Интересно, как сильно "Зависть" Ю. Олеши занимала в юности мое поколение: в 1944 году среди отобранных у меня при аресте работ были мои заметки о ней. Этот же писатель и

"Это – дрожжи всякого народного брожения и первый камень в фундаменте всякого строительства. Сократ, Джордано Бруно, Галилей, Робеспьер, наши декабристы, Перовская и Желябов*, все, кто сейчас голодают в ссылке, – с теми, кто в эту ночь сидит над книгой, готовя себя к борьбе за справедливость, а прежде всего, конечно, в тюрьмы, все это – самая живая сила жизни, самое чуткое и острое орудие ее. ... Человечество начало творить свою историю со дня, когда появился первый интеллигент; миф о Прометее – это рассказ о человеке, который нашел способ добывать огонь и тем сразу отделил людей от зверей. Вы правильно заметили недостатки интеллигенции, книжность, отрыв от жизни, – но еще вопрос: недостатки ли это? Иногда для того, чтобы хорошо видеть, надо именно отойти, а не приблизиться". В.Г. Короленко умер в 1918 году после обысков и придирок, но не в отречении от самого себя.

А это – опять Олеша: "Высший ум, высшая интеллигентность в понимании того, что пролетариат – единственная творческая сила и что она перестроит мир". /Ст. "Черный человек", 1932/

Убежденность, искренность, страстность?

Может быть.

Но что же думал и что говорил Олеша, когда вырывая глаза его любимому Мейерхольду?

Как пережил он убийство Бабеля, столь ему симпатичного, не выйдя на площадь и не завопив: "Спасите"?!

"Нет, во мне хватит гордости /???/ сказать, что, несмот-

этот же, в частности, роман годами привлекали внимание покойного А. Белинкова.

* При всем своем уважении к В.Г. Короленко и к российской интеллигенции, я расхожусь с ним в оценке исторической роли и качеств Робеспьера, Перовской, Желябова...

ря на то, что я родился в старом мире, в моей душе, в моем воображении, в моей жизни есть много такого, что ставит меня на один уровень с рабочими и крестьянами". /"Черный человек"/

Все-таки "есть", все-таки "ставит на один уровень"!

Так преломлялась /и преломляется!/ в сознании склонного к самоанализу, самоотречению и самообвинению интеллигента* изуверская идея социальной неполноценности создательницы духовных сокровищ – интеллигенции.

Так овладевает этим ранимым и не склонным к самоуверенности сознанием ничем не оправданное, основанное только на ошибке Маркса чувство мистического мессианского превосходства самых невежественных слоев населения – в первую очередь – над "слабым", "оторванным от жизни" "ничего не производящим" интеллигентом.

Утверждение "превосходства" какой-то профессиональной группы /класса/ как целого над какой-то другой профессиональной группой /классом/ как целым – не более обоснованная позиция, чем расизм или нацизм.

Цивилизованному сознанию не может быть свойственен надличностный /классовый, расовый, национальный и пр./ подход к реальным, конкретным людям.

Личностный подход к человеку /синоним признания прав личности, не зависящих от ее национальности, расы, профессии и других групповых признаков/ по определению должен входить в понятие цивилизованности как человеческого миропонимания, так и законодательства. Но человек убежден в "превосходстве" /?/ "пролетариата" и совершает преступление против себя самого: застав-

* Не специалиста-интеллигентоида, а интеллигента, духовный статус которого предопределяется не профессией.

ляет себя опуститься до миропонимания своих душителей /демьянов бедных, афиногеновых, сталиных и других носителей Благодати Единственной и Непогрешимой Идеи/: "Может быть, сейчас мы должны отказаться от слабости удовлетворять свой вкус ради того, чтобы утверждать идею в самом доходчивом виде". /Там же/.

"В самом доходчивом виде" "идею" выражали в те годы сочинения Сталина, а весь мировоззренческий запас советской официальной идеологии умещался в знаменитой IV главе сталинского "Краткого курса истории ВКП (б) ". Но причем здесь искусство?

Служба преступной идее не может не превратить самого мирного человека в соучастника ее преступлений: в 1937 году Олеша, как и сотни других печатающихся литераторов, пишет о фашизме, а не о "ежовщине", о жертвах Гитлера, а не Сталина, хотя и теряет одного за другим своих ближайших друзей. В 1938 году печатается его некролог о Станиславском, о котором и без того издаются километры строк, а не о Бабеле.

Было от чего умереть. Он не умер, но даже лучшее из того, что ему удавалось опубликовать, изуродовано авторским насилием над самим собой и цензурой, как ноги красавицы-китаянки – бинтами...

Что он мог сделать?

Кто бы стал печатать некрологи о Бабеле, Мандельштаме, Мейерхольде?..

Никто, конечно.

В том-то и ужас возникшего положения. Сегодня есть Самиздат, которого тогда почти не было. Но до нелегальности надо дозреть, решиться на нее, переступить через инстинкт самосохранения, не говоря уже о ее технической трудности в условиях такой всеобъемлющей диктатуры. Пока же человек до нелегальности не дозрел и борь-

ба идет только внутри сознания, он подчинен диктатуре и разделяет ее деяния, активно или пассивно.

Что такой-то подлец, а такой-то — дурак, а третий — смесь того и другого, порою бывает довольно ясно. Панферов, Кочетов, Фирсов, Софронов и т.д. и т.п. недоумения у большинства квалифицированных читателей не вызывают.

Но — Паустовский! Опять — Паустовский: он скорбит /печатно/ об эмиграции Бунина и Куприна, называя ее ошибкой, и не спрашивает себя, мог ли Бунин молча, без протестов и вопросов, вынести столько смертей и казней, сколько вынес он, Паустовский, безмолвно смотревший, как увозили в застенки — одних только членов Союза писателей СССР — более шестисот человек. Паустовский — после 1956 года! — говорит, что Александр Грин умер "на пороге свершения своей мечты" — это в 1932-м году-то! — на пороге "прекрасного будущего", "на пороге социалистического общества, не зная, в какое время он умирает. Он умер слишком рано" /для того, чтобы последовать за Мандельштамом и Бабелем?/ ... "Ожидание нагоняло на него скуку и разрушало поэтический строй его ощущений.

Может быть, в этом заключается причина малопонятной для нас отчужденности его от времени".

Что это — затмение ума? Самовнушение? Прямая и кощунственная ложь? Не мог же Паустовский /если даже поверить, что он прожил слепым всю свою жизнь, дружа с самыми проницательными жертвами времени/ в 1960-х когда он писал о Грине, еще не знать, как своевременно умер Грин и чего он дождался бы, не умри он так вовремя — на самом пороге "Зурбагана и Лисса" 1930-х годов?!

Ни одной не изломанной писательской чести, ни одной

свободной дупли не оставили эти годы – кроме тех, кто умер раньше, чем понял, кто нашел мужество не принять и не соучаствовать /эти в большинстве своем погибли/, а также тех, кому нечего было в себе ломать за полным отсутствием дупли и совести /эти составляли и составляют плоть и дух партократии/.

Впрочем, и на самом верху литературной иерархии диктатуры было не так уж много спокойных и цельных в своей слепоте или подлости душ. Недавно Ираклий Андроников, один из талантливейших конъюнктурщиков "нашей советской эпохи", провел прямую преемственную линию от Пушкина и Некрасова к Фадееву и Асееву. Несколько слов о Фадееве: "Фадеев свято верил, что Сталин умело руководит государством, знает, что нужно делать, видит далеко вперед. Порой А.А. не мог удержаться: в Пензе он заговорил со мной о судьбе Мейерхольда, потом, незадолго перед смертью Сталина припомнил Якира, Штерна, говорил: "Его обманывают"... В конце 40-х г.г. ему многое претило, и, опять-таки, он находил объяснение: "Мутная волна. Сталин ее удерживает" ... К вере примешивался страх: "Я двух людей боюсь – мою мать и Сталина. Боюсь и люблю." Фадеев иногда говорил о какой-нибудь книге: "Конечно, талантливо... Но поймите меня правильно – дело не в абсолютных оценках. Есть государственная точка зрения, и в этом плане книга вредная"[12]

"В 1929 году Фадееву казалось, что он прокладывает дорогу... А в 1949 году, рассердившись на одного критика, он сказал мне: "Считают, что я придираюсь, провожу свою линию, да я регулировщик и только!"

"В 1928 году Фадеев напал на поэму "Хорошо" Маяковского. В 38-м году он назвал эту поэму историческим событием" /напомним, это было после того, как Сталин

посмертно пожаловал Маяковскому титул "лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи"/.

"Фадеев был смелым, но дисциплинированным солдатом, он никогда не забывал о прерогативах главнокомандующего", – говорит Эренбург.

Фадеев был сталинистом, т.е. коммунистом 1930-х – 1953-го г.г., служившим по ведомству литературы и выполнявшим беспрекословно все акции по идеологическому уничтожению писателей, которых другие отделы того же "главнокомандующего" уничтожали физически. Эренбург дружески беседовал с этим человеком, который при первом же указании сверху "урегулировал" бы и уничтожение Эренбурга. То, что генерал этот /а не солдат, и не смелый, а неуязвимый ни для кого, кроме главнокомандующего и его псов, – потому и не боялся он никого, кроме босса/ не был внутренне цельным, спился и в конце концов застрелился, заставляет, конечно, по-человечески о нем пожалеть, но не уменьшает тяжести совершенных им преступлений. Эренбург пишет: "Помню нашу встречу после доклада Фадеева, в котором он обличал "отход от жизни некоторых писателей", среди них Пастернака. Мы случайно встретились на улице Горького, возле дома, где я живу. А.А. уговорил меня войти в кафе, на углу, заказал коньяк и сразу сказал: "Илья Григорьевич, хотите послушать настоящую поэзию?" И начал читать наизусть стихи Пастернака, не мог остановиться, прерывая чтение только затем, чтобы спросить: "Хорошо?" [13]

Фадеев в конце концов застрелился. Эренбург же так и не понял, что обыкновенная человеческая порядочность обязывала его защищать Пастернака перед Фадеевым в Союзе писателей и отказаться слушать Фадеева в кафе, на улице Горького... Он подчеркивает безнравственность по-

ведения Фадеева – вождя ССП*, но не замечает безнравственности своего поведения.

"Как славно быть ни в чем невиноватым – совсем простым солдатом, солдатом"...

* * *

Подданые и вожди партократии /подобно "народу зеков", о котором говорит Солженицын в главе о населении Архипелага ГУЛага, – с одной стороны – и рабовладельцам Архипелага – с другой/ так плотно охвачены своим противоестественным бытием, что поневоле утрачивают моральные критерии, дающие людям представление о том, что можно о себе говорить и чего не следует. Н.С.Хрущев сообщает 22 съезду о личном участии Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова в убийствах ни в чем не повинных людей. Более того: он однозначно "намекает", что Сталин, Молотов и Ворошилов – убийцы Кирова. С наивным цинизмом старого члена мафии, считающего все это чем-то вроде избыточного озорства, он повествует о пытках, об издевательствах над невинно казненными, в которых лично участвовали Молотов, Каганович и Ворошилов, о самоубийстве, до которого был доведен Орджоникидзе, о матерных резолюциях, которые они ставили на аппеляциях осужденных к Сталину, и т.д.[14].

Казалось бы только второй Нюренберг** мог последовать за этими публичными разоблачениями: 20 миллионов репрессированных /только в 1934–1953 г.г./, 10–15 миллионов убитых – это должны были осуществить не

* Союза советских писателей.

** Первый Нюренберг был перечеркнут тем, что в составе суда и обвинителей присутствовали представители таких же преступников, как те, что сидели на скамье подсудимых, – например, нынешний генеральный прокурор СССР Р. Руденко.

менее 1.5 миллионов исполнителей. Так судите же хотя бы инициаторов и самых страшных злодеев! Какая уважающая себя партия помирилась бы без суда с подобными самообвинениями? Естественно, что даже такие матерые волки, как Молотов и Каганович, поджали хвосты и заскулили. Но Хрущев великодушно их успокаивает: "Вы и других мерите на свою мерку. Но вы ошибаетесь. Мы твердо соблюдаем и будем придерживаться ленинских принципов /чудо-синтаксис! – примеч. Д.Ш./. – Вы получите работу, – сказал я Кагановичу, – сможете спокойно работать и жить, если будете честно трудиться, как трудятся все советские люди."

Итак, ленинские принципы требуют, чтобы убийцы миллионов людей, палачи, провокаторы, массовые садисты оставались безнаказанными и жили, "как все советские люди". После этого мы по сей день требуем от ФРГ судов над мелкими нацистскими функционерами/ все крупные давно получили по заслугам на сотнях больших и малых процессов/. Мы возмущаемся, когда в ФРГ хотят амнистировать после 30 лет заключения восьмидесятилетнего гитлеровского деятеля.

О Ворошилове в том же "Заключительном слове" сказано, что он объединился с Молотовым, Кагановичем и Маленковым, "потому что после XX съезда они боялись разоблачения незаконных действий периода культа личности, боялись, что им придется отвечать перед партией". Кроме того, оппозицию "связывало стремление возродить порядки, существовавшие в период культа личности". Но, "когда товарищ Ворошилов увидел монолитность членов ЦК против антипартийной группы, тогда, видимо, сознание подсказывало ему, что он зарвался. Ворошилов понял, что он пошел с теми, кто выступает против партии, и он осудил действия антипартийной группы, при-

знал свои ошибки... Тем самым он в какой-то степени помог ЦК. Нельзя, товарищи, недооценивать такого шага с его стороны, потому что в то время это было поддержкой партии... Давайте и на это доброе дело ответим тем же и облегчим его положение".

Нарочно не придумаешь... И матерого убийцу, соучастника преступлений Сталина, оставляют в партии, при должности, при всех регалиях, – только потому, что он изменил коалиции реставраторов сталинского режима, когда увидел, что их карта бита. Даже города его имени, в свое время лишенные этой чести из-за признания их патрона преступником, получили обратно свои имена*.

* Кстати, о названиях городов: чехословацкие газеты в марте 1968 года опубликовали такие данные: за 5 лет пребывания у власти Клемента Говальда зарегистрировано около 25000 казней и смертей в тюрьме. Напомним: в знаменитой Лидице нацисты уничтожили 200 человек. Правительство Готвальда уничтожало каждые 16 дней по Лидице в собственной стране (по данным советских газет 1968 года, гитлеровцы уничтожили за время оккупации Чехословакии 25000 коммунистов).

В 1977 году украинские партийные власти переименовали старинный украинский город Змиев, имеющий богатейшее историческое прошлое, в город Готвальд. Комментарии, как говорят в СССР, излишни...

* *
*

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

[1] Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. ПСС, т. 37, стр. 101–110.

[2] Ленин В. И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата. 4 марта 1919 г. (I Конгресс коммунистического интернационала). ПСС, т. 37, стр. 498.

[3] Там же, стр. 495–496.

[4] Винер Н. Кибернетика и общество. Изд. ИЛ, М., 1958.

[5] Васильев Ю. М., Гельфанд И. М., Губерман Ш. А., Шик М. Л. Взаимодействие в биологических системах. "Природа" 1969, №№ 6, 7.

[6] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд.II, т.20, стр. 23–178.

[7] Васильев Ю. М., Гельфанд И. М., Губерман Ш. А., Шик М. Л. Взаимодействие в биологических системах. "Природа" 1969, №№ 6, 7.

[8] Стругацкий А., Стругацкий Б. Обитаемый остров. "Нева" 1969, №№ 3, 4, 5.

[9] Маркс К., Энгельс Ф. Всемирное общество коммунистов-революционеров. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. II, т. 7, стр. 551–552.

[10] ЛГ от 5.5.1966.

[11] Олеша Ю. Речь на диспуте "Художник и эпоха", 1931.

[12] Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. Соч., т.9

[13] Там же.

[14] Заключительное слово Хрущева Н. С. от 27.10.1961 г. на XXII съезде КПСС.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
А ЗАТЕМ?!
(О книге В.И. Ленина "Государство и революция"*)

Весь мир насилья мы разрушим
До основанья...
Э. Потье "Интарнационал"

В декабре 1978 года исполнилось 60 лет со дня второго издания Лениным его знаменитой книги "Государство и революция". Сам Ленин придавал этой книге настолько большое значение, что в июле 1917 года писал Л.Б.Каменеву:"Entre nous; если меня укокошат, я прошу Вас издать мою тетрадку: "Марксизм о государстве"... ...Считаю важным, ибо не только Плеханов и Каутский напутали".

Трудно представить себе коммунистического литератора /в том числе и современного/, который оставил бы без упоминания эту бесконечно переиздаваемую и переведенную на множество языков книгу Ленина. Перечитывая неоднократно как "Государство и революцию", так и все новые, и новые панегирики этой книге, я задаюсь вопросом: как читают ее разноязычные авторы этих бесчисленных панегириков? Какие идеи, какие истины несет им эта

* Все ссылки на книгу "Государство и революция", приводимые по изд. IV, т. 23 Соч. В.И.Ленина 1953 г., даны непосредственно в тексте. Ссылки на другие источники вынесены в примечания постранично.

книга? Неужели критерии убедительности и доказательности для всех нас столь несоизмеримо различны?

За 60 лет, истекшие после издания этой книги, силы, ее исповедывающие, подчинили себе треть мира. Еще, и еще, и еще раз я ищу в этой книге признаков их правоты и не нахожу их. Может быть, их обнаружит читатель, рискнувший потратить немного времени на экскурсию по страницам теоретической библии ленинизма?

I

В книге Ленина речь идет, в основном, о зле государства и о способах устранения из общественной жизни этого зла. Приведя пространные цитаты из Энгельса, Ленин многообразно варьирует следующий тезис:

"Государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно не могут быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия непримиримы.

У мещанских и филистерских профессоров и публицистов выходит, – сплошь и рядом при благожелательных ссылках на Маркса! – что государство как раз примиряет классы. По Марксу, государство есть орган угнетения одного класса другим, есть создание "порядка", который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов". /стр. 358–359/.

Без конца рассуждая и споря о том, кто, зачем и в чьих интересах создал государство, Ленин, как чаще всего и Маркс, оставляет вне обсуждения единственно бесспорную общую черту государств всех времен и народов. Эта черта – профессионализация обязанностей управления.

Государство /независимо от его формы, идеологии и классовой сути/ возникает там и тогда, где общество не может решать задачи своего самоуправления без специального аппарата.

Приняв такой взгляд на государство, бессмыслено считать его как таковое /безотносительно к его конкретной форме /злом или добром. Вопрос же об уничтожимости государства, о которой Ленин будет многократно рассуждать в своей книге, поневоле придется перевести из области политической борьбы в область вероятных и невероятных тенденций разделения общественного труда. Остается возможным лишь разговор о желательности той или иной конкретной формы государственной организации, а не об отказе от таковой в принципе.

Ленин решительно отмахивается от функционального подхода к возникновению и существованию государственности, основанного и хорошо разработанного еще в XVIII–XIX веках.

"На вопрос о том, почему явилась надобность в особых, над обществом поставленных, отчуждающих себя от общества, отрядах вооруженных людей /полиция, постоянная армия/, западноевропейский и русский филистер склонен отвечать парой фраз, заимствованных у Спенсера или у Михайловского, ссылкой на усложнение общественной жизни, на диференциацию функций и т.п.

Такая ссылка кажется "научной" и прекрасно усыпляет, затемняя главное и основное: раскол общества на непримиримо враждебные классы.

Не будь этого раскола, "самодействующая вооруженная организация населения" отличалась бы своей сложностью, высотой своей техники и пр. от примитивной организации стада обезьян, берущих палки, или первобыт-

ных людей, объединенных в клановые общества, но такая организация была бы возможна". /стр.361/

Удивительно, что в декабре 1918 года, после года единодержавия РКП/б/, Ленин не исключает из своей работы этой наивной количественной экстраполяции. Он упрямо твердит, что родо-племенная организация, расширяясь, не породила бы государства, если бы не возникли классы. Но, ведь если оставаться на собственной почве марксизма, то и класс – категория прежде всего функциональная и правовая! Класс возникает, когда возникает функция. "Равное право есть неравное право для неравного труда", – пишет Маркс. Именно "сложность, высота техники и пр.", о которых говорит Ленин, и оказываются несовместимыми с "самодействующей вооруженной организацией населения".

Они и требуют разделения функций на управление и исполнение, а не "угнетательские классы", ни с того ни с сего возникнув, изобретают для своих надобностей государство! У Маркса и Энгельса обнаруживаются по этому поводу два ряда высказываний: в одном классы получают функциональное обоснование; в другом – корыстно-захватническое /последнее, в основном, в работах пропагандистских/. Ленину и по складу его характера, и по его политической задаче ближе второе, сугубо "махихейское", обоснование возникновения классов и государственности. Потому он цитирует в качестве решающего довода в пользу угнетательского и классового характера государства следующее рассуждение Энгельса.

"Итак, государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, го-

сударство стало *в силу этого раскола* необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится *прямой помехой производству*. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором". / стр. 366/

Это рассуждение Энгельса содержит роковую ошибку, лишающую логики все дальнейшее построение: мы не "приближаемся теперь" /ни в 19, ни в 20 веках/ "к такой ступени развития производства, на которой существование классов ...становится прямой помехой производству". Более того, мы еще не имеем данных, чтобы судить о том, возникнет ли когда-нибудь такая ступень развития производства, на которой исчезнет разделение общественного труда, связанное с различной мерой реальной общественной инициативы, с различной мерой реального права /в его экономическом, престижном и функциональном выражении/. Опираясь только на ложное суждение Энгельса и ни на что более, все умозаключения Ленина оказываются висящими в воздухе. Несколько ниже Ленин приводит еще одно рассуждение Энгельса, которое, по его мнению, исчерпывающе обосновывает "отмирание" государства после взятия пролетариатом государственной власти в свои руки:

"Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само се-

бя делает излишним. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества, – взятие во владение средств производства от имени общества, – является в то же время последним самостоятельным актом его, как государства.

Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другою излишним и само собою засыпает. Место правительства над лицами заступает распоряжение вещами и руководство процессами производства. Государство не "отменяется", оно отмирает". /стр. 367–368/

Ленин посвящает много восторженных строк этому рассуждению Энгельса. У нас это вызывает новый поток недоуменных вопросов. Первый из них: почему государство, получив в свои руки всю полноту распоряжения общественным достоянием, сделает "само себя излишним"? Казалось бы, его полномочия и правовые возможности после этого неизмеримо вырастут! Только потому, что, по мнению Энгельса /ничем, кстати, технологически не обоснованному/, к этому времени "не будет ни одного общественного класса, который надо бы держать в подавлении"? Но, даже, если поверить, что все классообразующие разделения труда к этому времени исчезнут, – останутся государство и общество – две силы с разными обязанностями и возможностями! Почему всемогущее государство, овладевшее всеми средствами производства, вдруг начнет "засыпать" или "отмирать"? Даже в том случае, если бы объективно возникла возможность для общества обойтись без профессионализации управления, порождающей нужду в государстве, последнее стало бы бешено сопротивляться своей гибели. История являет нам бесчисленные примеры агрессивности и политической жизнеспособности сил, социальных институтов и образо-

ваний, ненужных никому и ничему, кроме себя самих!

Следующий недоуменный вопрос: как "распоряжение вещами и процессами производства" может не быть одновременно "правительством над лицами"? Разве не "лица" осуществляют процессы производства, делают и потребляют вещи?

Все последующие рассуждения Ленина, все его вариации на темы, заданные Марксом и Энгельсом, не вносят ясности в эти вопросы. Поскольку постулаты об исключительно репрессивной роли государства как такового, о неизбежном исчезновении классообразующих разделений труда, о "засыпании" и стихийном "отмирании" последнего /наиболее полномочного!/ государства ничем не доказываются, то, казалось бы, можно не принимать всерьез и всего того, что возводится Лениным на их фундаменте. Но все рассмотренные выше рассуждения сводятся Лениным к одной центральной идее, политически чрезвычайно важной:

"Буржуазное государство может "уничтожить" только революция. Государство вообще, т.е. самая полная демократия, может только "отмереть". /стр. 369—370/

Итак, уничтожено должно быть только государство буржуазии, а "пролетарское" "полугосударство" /которое мы с вами более шестидесяти лет наблюдаем в действии/ "отомрет" "само собой", когда сочтет нужным. Это чрезвычайно удобное положение для партократической диктатуры, в начале 7-го десятилетия своего существования никаких признаков сонливости, к сожалению, не проявляющей.

* *
*

II

Как нельзя более импонирует Ленину апология революционного насилия, характерная для Маркса и Энгельса. Он говорит:

"В том же самом сочинении Энгельса, из которого все помнят рассуждения об отмирании государства, есть рассуждение о значении насильственной революции. Историческая оценка ее роли превращается у Энгельса в настоящий панегирик насильственной революции. Этого "никто не помнит", о значении этой мысли говорить и даже думать в современных социалистических партиях не принято, в повседневной пропаганде и агитации среди масс эти мысли никакой роли не играют. А между тем они связаны с "отмиранием" государства неразрывно, в одно стройное целое.

Вот это рассуждение Энгельса:

... "Что насилие играет также в истории другую роль" /кроме свершителя зла/, "именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы, – обо всем этом ни слова у господина Дюринга... Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйничанья понадобится, может быть, насилие – к сожалению, изволите видеть! ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет. И это говорится, несмотря на тот высокий нравственный и идейный подъем, который бывал следствием всякой победоносной революции! И это говорится о Германии, где насильственное столкно-

вение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижений тридцатилетней войны. И это тусклое,дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история?" /стр. 193, по 3-му нем. изд., конец 4-ой главы II отдела/ /стр. 371/.

И далее:

" – этот панегирик отнюдь не "увлечение", отнюдь не декламация, не полемическая выходка. Необходимость систематически воспитывать массы в таком и именно в таком взгляде на насильственную революцию лежит в основе всего учения Маркса и Энгельса. Измена их учению господствующими ныне социал–шовинистским и каутскианским течениями особенно рельефно выражается в забвении и теми и другими такой пропаганды, такой агитации.

Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т.е. уничтожение всякого государства, *невозможно иначе, как путем "отмирания".* /стр. 372–373/.

Эти слова Ленина, Маркса и Энгельса редко останавливают на себе наше внимание. Мы склонны приписывать революционерам взгляд на насилие как на **зло** – неизбежное, но все-таки **зло**. В цитируемых же отрывках высмеивается сожаление о неизбежности насилия. В них утверждается, что насилие оздоровляет своих носителей, что оно порождает "высокий нравственный и идейный подъем"!

Но, несмотря на то, что массовое революционное насилие порождает "высокий нравственный и идейный подъем"

/а не одичание, что имело место и в гражданской войне/, за одой насилию следует трезвое напоминание: к уничтожению "пролетарского государства" революционное насилие отношения не имеет и не может иметь: "пролетарское" государство "отомрет" только "само собой".*

III

С одной стороны, Ленин, следуя Марксу, утверждает, что свобода и государственность несовместимы /не предлагая разумеется, читателю своего определения гражданской свободы/:

"Всякое государство есть "особая сила для подавления" угнетенного класса. Поэтому *всякое* государство *не*свободно и *не*-народно. Маркс и Энгельс неоднократно разъясняли это своим партийным товарищам в 70-х годах." /курсив Ленина, стр. 370/**

С другой стороны, комментируя те же первоисточники, он постулирует широчайший демократизм и несом-

* Не хочу никого обидеть, но подозреваю, что Ленин был бы сегодня весьма доволен. С одной стороны, в свободном мире господствует всеобщее попустительство по отношению к террористическому, партократическому и прочему мафиозно-"революционному" насилию. С другой стороны, демократы и диссиденты категорически, принципиально отрицают всякое силовое сопротивление партократиям. Следовательно, за партократиями сохраняется даже их оппонентами запланированное марксизмом право "отмереть" исключительно по собственному желанию!

** По словам Ленина, это замечание Маркса наиболее прочно забыто современными /Ленину/ "оппортунистами". Не менее прочно забыто оно и идеологами КПСС, давно объявившими СССР "всенародным" государством трудящихся. Однако и сам Ленин достаточно непоследователен в этом вопросе, называя свое государство "диктатурой пролетариата". Исходя из тактических соображений, он не стал бы винить в непоследовательности и КПСС.

ненную, истинную народность послереволюционного государства "диктатуры пролетариата", или "полугосударства". Чем же и как должна обеспечиваться народность и демократичность этого социального образования?

Вот ответ Ленина на этот вопрос:

... "Рабочий класс, – пишет Маркс в "Нищете философии", – поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность; не будет уже никакой собственно политической власти, ибо именно политическая власть есть официальное выражение противоположности классов внутри буржуазного общества"*.

... "Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение" /буквально: повышение/ "пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии".

"Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. организованного, как господствующий класс, пролетариата,и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил"**.

Здесь мы видим формулировку одной из самых замечательных и важнейших идей марксизма в вопросе о государстве, именно идеи "диктатуры пролетариата" /как стали говорить Маркс и Энгельс после Парижской Коммуны/, а затем в высшей степени интересное определение государства, принадлежащее тоже к числу "забытых слов" марксизма. "Государство, то есть организованный в господствующий класс пролетариат" /стр. 373–374/.

* К. Маркс, "Нищета философии", нем. изд. 1885 г., стр. 182

** К. Маркс, "Нищета философии", нем. изд. 1906г., стр. 31 и 37.

Как "рабочий класс" исключит "классы и их противоположность"?

Допустим, что он /как это и было сделано Лениным, а не "рабочим классом"/ отменит частную собственность на основные средства общественного производства. Но разве замена частного собственника "идеальным совокупным капиталистам" в лице партократического государства заменяет всю технику и изменяет всю технологию производства? Разве она создает новую, без функциональной дифференциации, структуру занятости? Уничтожает профессионализацию политической власти и управленческой деятельности других видов? Где и когда "мы видели уже" "повышение" "пролетариата в господствующий класс" /кроме как в сочинениях авторов приведенного отрывка/? Почему Ленин в конце 1918 года продолжает жонглировать цитатами из сочинений Маркса, а не апеллирует к собственному опыту большевиков, начисто Маркса опровергающему? Короток опыт? Уж во всяком случае не короче/ и существенно ближе/ пресловутого опыта Парижской Коммуны, которым оперирует Маркс.

Впрочем, следующие высказывания Ленина позволяют ему снять акцент с "немедленного отмирания" государства диктатуры пролетариата и перенести этот акцент на необходимость экспроприации и подавления прежних "хозяев жизни", требующую от "пролетарского" государства жесточайших принудительно-репрессивных мер*.

"Пролетариату необходима государственная власть,

* Через пару лет Ленин /а не, как принято утверждать, Сталин/ декларативно распространит эру революционного насилия и принуждения на весь период уничтожения мирового капитализма, а не только российского, ибо без такого распространения ему нечем будет "теоретически" оправдывать свою диктатуру, уже пережившую отечественную буржуазию.

централизованная организация силы, организация насилия и для подавления сопротивления эксплоататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле "налаживания" социалистического хозяйства". /стр. 375–376/.

Как же совместить "государственную власть" в качестве "централизованной организации силы" с "государством, то есть организованным в господствующий класс пролетариатом"?

И Ленин делает переход, нейтрализующий все его последующие рассуждения о контроле рабочих над "своим" государством, которые по сей день потрясают своим демократизмом коммунистических либералов:

"Воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает *авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплоатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии".* /стр. 376/.

Подчеркнутые нами слова свидетельствуют о том, что для Ленина слова о власти рабочего класса категорически тождественны мысли о власти коммунистической партии – мнимого авангарда пролетариата.

Только и исключительно отождествление власти партии с властью рабочего класса – отождествление исторически, функционально и идеологически неправомерное – позволяет Ленину внести какое-то подобие логики в его рассуждения и как-то соотносить эти рассуждения с государственной практикой коммунистов конца 1918-го года.

Характерно, что Ленин делает важнейшую оговорку об "авангарде" мельком, походя, хотя она-то и есть полити-

чески самая главная часть его комментариев к Марксовой теории государства и революции. Зато многократно повторяется и разъясняется мысль о необходимости уничтожения всех аппаратов свергнутой власти.

"... если пролетариату нужно государство, как особая организация насилия против буржуазии, то отсюда сам собой напрашивается вывод, мыслимо ли создание такой организации без предварительного уничтожения, без разрушения той государственной машины, которую создала себе буржуазия? К этому выводу вплотную подводит "Коммунистический Манифест" и об этом выводе говорит Маркс, подводя итоги опыту революции 1848–1851 годов" /стр. 377/.

"Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве" /стр. 378/.

IV

Что же должно было следовать за разрушением, чтобы не позволить восстановиться разрушенному?

Отвечая на этот вопрос /или, точнее, полагая, что он на него отвечает/, Ленин сначала приводит "следующее замечательное рассуждение" /Ленин/ Маркса:

"Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1/ что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства (historische Entwicklungsphasen der Produktion), 2/ что

классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3/ что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов..." /стр. 383/.

И присовокупляет к нему свой комментарий:

"Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое главное отличие марксиста от дюжинного мелкого /да и крупного/ буржуа. На этом оселке надо испытать действительное понимание и признание марксизма. И неудивительно, что когда история Европы подвела рабочий класс практически к данному вопросу, то не только все оппортунисты и реформисты, но и все "каутскианцы" /колеблющиеся между реформизмом и марксизмом люди/ оказались жалкими филистерами и мелкобуржуазными демократами, отрицающими диктатуру пролетариата.

... Сущность учения Маркса о государстве усвоена только тем, кто понял, что диктатура одного класса является необходимой не только для всякого классового общества вообще, не только для пролетариата, свергнувшего буржуазию, но и для целого исторического периода, отделяющего капитализм от "общества без классов", от коммунизма. Формы буржуазных государств чрезвычайно разнообразны, но суть их одна: все эти государства являются так или иначе, но в последнем счете обязательно диктатурой буржуазии. Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата." /стр. 384–385/.

Для того, чтобы комментарий Ленина к рассуждению Маркса о диктатуре пролетариата на фоне собственной

практики Ленина не утратил подобия смысла, следует, как уже говобилось, помнить, что Ленин поставил знак равенства между "диктатурой пролетариата" и диктатурой коммунистической партии – как "авангарда пролетариата". Но и после такой терминологической операции реальность диктатуры большевиков не уподобляется реальности, "предсказанной" "Коммунистическим манифестом" Маркса и Энгельса. В "Манифесте" /и в ряде ленинских дореволюционных толкований марксизма/ речь шла о диктатуре абсолютного большинства народа над его эксплоататорским меньшинством. В России же 1918–1923 гг. пролетарии составляют 2–3% населения, а крестьяне – 70–75%. Следовательно, диктатура пролетариата в России могла быть только диктатурой ничтожного меньшинства ее населения против его огромного большинства. Сопоставьте это с уже приведенным нами утверждением Ленина, что руководить этой диктатурой будет "авангард пролетариата" – коммунистическая партия, т.е. доля процента всех трудящихся России.

И окажется, что так называемая "диктатура пролетариата" означает /как зто и получилось/ небывало узкую для российской истории олигархию, ибо капиталисты и помещики, которые были, по Ленину же, правящим классом дооктябрьской России, составляли /по его расчетам/ примерно 17% ее населения.

Когда Ленин переходит вплотную к выводам Маркса из опыта Парижской коммуны, он называет соответсвующий раздел своей работы вполне конкретно:

"Чем заменить разбитую государственную машину?"

Действительно, чем ее заменить?

Трудно найти другой столь убедительный пример теоретического банкротства марксизма, как те рассуждения

Маркса /и комментарии к ним Ленина/, которые мы сейчас процитируем:

"В чем именно состояла эта "определенная" форма пролетарской социалистической революции? Каково было государство, которое она начала создавать?

... "Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

... Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стоят их программы, лучше всего видно из поведения наших эсеров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования! /стр. 389–390/."

Напомним: днем создания Красной Армии с ее профессиональным офицерским составом и рядом приданных ей училищ, курсов и академий, в том числе и военно-политических, считается 23 февраля 1918 года, а не декабрь этого же года – месяц переиздания "Государство и революция". Но особенность Ленина, политика и литератора, в том и состоит, что, перечеркивая Маркса практически, он никогда не полемизирует с ним литературно:

" ... По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми".

"Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время... То же самое – чиновники всех остальных отраслей управления..."

Процитировав эти /и много других – сходного содержания/ отрывки из Марксова "Опыта гражданской войны во Франции", человек, решительно все перечисленные шаги Коммуны отвергший и опровергший собственным опытом, тем не менее заключает /уже от себя/:

"Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа само подавляет своих угнетателей, то "особой силы" для подавления уже не нужно! В этом смысле государство начинает отмирать. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства /привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии/, само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти тем меньше становится надобности в этой власти". /стр. 390–391/

Не удивительно ли, что никаких попыток соотнесения этих высказываний Ленина с его же действиями, с реальностью его собственного управления, не делает ни один из его /по сей день/ сторонников? Между тем такое сопоставление неизбежно приводит к мысли не о заблуждении автора этих сентенций, а о сознательной демагогической логоэквилибристике, долженствующей заслонять факты.

* *
*

V

Понимая, разумеется, что пролетарии не смогут управлять обществом без помощи специалистов, Маркс и комментирующий его Ленин, как им представляется, выходят из положения следующим образом:

"Капитализм упрощает функции "государственного" управления, позволяет отбросить "начальствование" и свести все дело к организации пролетариев /как господствующего класса/, от имени всего общества нанимающей "техников, надсмотрщиков, бухгалтеров". /стр.393–397/.

"Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и все должностные лица, получали жалованье не выше "заработной платы рабочего", под контролем и руководством вооруженного пролетариата – вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией" /стр.397–398/.

"Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых "надсмотрщиков и бухгалтеров" /конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней/ – вот *наша,* пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к посте-

пенному "отмиранию" всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, – порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, – такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей". /Там же, курсив Ленина/.

Но ведь рабочие не могут нанимать для себя надсмотрщиков" /над собою же/ и "бухгалтеров"! Они не располагают ни рабочим временем, ни информацией, необходимой для деятельности нанимателей и "надсмотрщиков над надсмотрщикам"! Они неизбежно будут вынуждены – как то и произошло в историческом развитии всего мирового хозяйства – выделить из своей среды /допустим, что из своей среды – какая разница?/ как профессионалов, "работающих государственную работу" /Ленин/, так и профессионалов по управлению производством! Последнее и произошло сразу же после монокапиталистических переворотов во всех нынешних коммунистических странах, повторив на кратчайшем отрезке времени процесс общеисторический /профессионализацию управления/.

Такое же недоумение вызывает и следующее положение Маркса, восторженно комментируемое "великим практиком" /Маяковский/:

... "Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества". /стр. 399/.

Эти "чисто угнетательские органы" для государственной власти отнюдь не являются чем-то внешним /как, до-

пустим, коса для девушки/. Их нельзя "отсечь", не предопределив тем самым абсолютной импотенции государственной власти в ее профессиональном деле /Маркс и Ленин имеют в виду постоянную армию, полицию, суд/.

"Отсечение" это и вовсе немыслимо для ленинского диктаторского монополистского /в предельно высокой степени/ государства. В 1918 году Ленин изо всех сил наращивает и усиливает все, по Марксову определению, "чисто угнетательские" органы своей диктатуры. Впрочем, затратив десятки страниц на переписку и истолкование Марксовых рецептов "диктатуры пролетариата", Ленин вдруг с завидным простодушием объявляет:

"Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения /перехода от государства к не-государству/ будет "организованный в господствующий класс пролетариат". Но открывать политические формы этого будущего Маркс не брался."

Это утверждение заведомо освобождает большевиков от обвинений в непоследовательности по отношению к первоисточникам их учения.

Можно сколько угодно сердиться на Ленина за неправильное толкование рецептов Маркса, но всегда приходится соглашаться с ним в том, что иначе сохранить советскую власть он не смог бы. Спор с Лениным возможен только как спор о том, следовало ли сохранять диктатуру большевиков, а не о том, какими средствами ее следовало сохранять, ибо в выборе наилучших /и чаще всего — единственно мыслимых/ способов ее установления и сохранения и состоит его политическое превосходство над другими современными ему партийными и государственными деятелями.

VI

Странно, но "исторический материалист" Ленин при каждой попытке дать, наконец, прямой и более или менее правдоподобный ответ на вопрос о том, как же все-таки отомрет государство, не находит ни одного аргумента в пользу его отмирания, кроме мифического упрощения управленческих функций в современном обществе и... "привычки" обходиться вовсе без профессионального управления:

"В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникает у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т.е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т.е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства боль-

шинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения.*

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, "выросшем в новых, свободных общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности", – всякой государственности, в том числе и демократически–республиканской государственности." /стр. 428. Курсив Ленина/.

Мы уже говорили: пролетариат и его партия составляли в 1918 году незначительное меньшинство российского населения /2–3% рабочих против 70–75% крестьян/, и, чтобы быть последовательным в своем определении "диктатуры пролетариата" как демократии для подавляющего большинства населения, Ленин должен был бы немедленно отказаться от диктатуры своей партии.

Современная демократия, действительно, "НЕ тождественна с подчинением меньшинства большинству". Но не потому, что в этом определении забыто государство, как считает Ленин. Дело в том, что современная демократия оставляет место в своих пределах всякому инакомыслящему и инакодействующему меньшинству, не нарушающему ее очень широкого в правовом отношении законодательства. Кроме того, она предоставляет несогласным весьма широкое поле легального обсуждения и осуждения своих законов, борьбы за их изменение. Ставя вне закона только уголовных преступников, современная демократия как правило не распространяет своих запре-

тов на область производства идей и образов."Отмирание" /точнее – убиение/ демократии большевиками, действительно, было обеспечено весьма надежно и оперативно, но, разумеется, вне всякой связи с отмиранием государственности как таковой. Переиздавая свою книгу, Ленин укрепляет партократическую государственность самыми жестокими средствами. Когда же ему в его знаменитой книге приходится, отбросив декламацию, полемику и демагогию, сказать нечто конкретное и прямое об уничтожении этой государственности, – выступают на сцену "привычка", "перерастание", "новое поколение" с его принудительным "привыканием к исполнению "старых заповедей" "человеческого общежития", "решимость" потомков "выкинуть вон весь хлам государственности" и тому подобная "литература". В этой расплывчатой патетике, сколько ни ищи в ней точных понятий, не обнаруживается "рационального зерна": листья патетики отпадают, а мыслей, способных выдержать серьезную критику, за ними нет.

* * *

Поскольку историки изучали по фактическим данным лишь становление государственности, а отмирания ее еще никто не видел, то все научно корректные и попросту добросовестные о нем рассуждения должны быть чисто предположительными. Для Ленина же, как и для его учителей, характерна, однако, категорическая однозначность в "предвидении" безгосударственного коммунизма. Ленин пишет: "Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется" /стр.430/. И далее: "Только в коммунистическом обществе, когда сопротивление капита-

листов уже окончательно сломано, когда капиталисты исчезли, когда нет классов /т.е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства/, – *только* тогда "исчезает государство и *можно говорить о свободе*" /стр. 433–434. Курсив Ленина/.

Для Ленина "отношение к средствам общественного производства" означает /он это не раз объяснял/ только и исключительно наличие или отсутствие /у групп, слоев, лиц/ права частной собственности на средства общественного производства. Если это так, то Россия находится в бесклассовом состоянии с момента окончания коллективизации, и с тех пор следовало бы говорить об "отмирании" государства...

Да и при Ленине собственностью на земле крестьяне не обладали: она ими только обрабатывалась /тогда – единолично, позднее – коллективно/. Но коммунисты не соотносят написанного с содеянным...

* * *

Ленин пишет: "...вполне возможно, немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их – в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* труда и продуктов – вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом. /Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим./" /стр. 444, курсив Ленина/.

В условиях партократии, действительно, сплошь и рядом знающие больше безвыходно и насильственно подчинены /и в своем деле, и в общественной жизни/ знающим

меньше: партийным чиновникам и сотрудникам органов госбезопасности. Но при чем здесь "вооруженные рабочие"? Впрочем, приставив к "научно образованному персоналу", вместо партийно-гебистских администраторов, "вооруженных рабочих", много ли общество выиграло бы? Кстати, когда "вооруженные рабочие" в Саратове, Кронштадте или Питере пытались откорректировать политику самого Ленина, он расправлялся с ними не менее оперативно, чем с остальными своими противниками.

Насколько отчетливо представлял себе Ленин сложность учета и контроля в условиях национализированной экономики? Вот что говорит об этом он сам: "Учет и контроль – вот *главное*, что требуется для "налажения", для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковыми являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного "синдиката". Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок."

Прим. Ленина: "Когда государство сводится в главнейшей части его функций к такому учету и контролю со стороны самих рабочих, тогда оно перестает быть "политическим государством", тогда "общественные функции превращаются из политических в простые административные функции" /ср. выше, гл.4, § 2, о полемике Энгельса с анархистами/". /стр.444–445. Курсив Ленина/.

Можно ли представить себе, что ничего более глубоко-

го по части пролетарского руководства национализированными предприятиями в знаменитейшей книге Ленина нет? Бесчисленные советские плановые, учетные, контролирующие, следящие, научные, организующие и пр. хозяйственно-экономические инстанции, со всеми их экономико-математическими кафедрами, факультетами и НИИ, вплоть до академических, с их компьютерной техникой, 60 лет безуспешно решают задачу, для которой достаточно "знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок!" Ну не саботажники ли?

Предупреждая вероятные возражения, позволю себе свидетельствовать, что и в поздних работах Ленина на хозяйственно-административные темы нет продуктивных мыслей. Его особо заботит: "... учет, ... контроль за капиталистами */превращенными теперь в служащих/ и за господами интеллигентиками, сохранившими капиталистические замашки".* /стр. 445/

Это понятно: в 1918 году отношения между большевиками и "господами интеллигентиками" были особенно напряженными. Еще не смирились, не ушли в эмиграцию, не пали в бою, не были уничтожены самые независимые и прозорливые...

VII

Я оставляю в стороне все второстепенные вопросы, затронутые Лениным: о демократическом централизме, о принципах распределения при "низшей" и "высшей" "фазах" коммунизма, о заселении буржуйских квартир, об оппортунизме и ренегатстве социалистов-некоммунистов и пр. Эти части книги с их казуистикой представляют какой-то интерес только для специалистов. Но несколько основополагающих /по убеждению Ленина/ его суждений

позволю себе процитировать. Вот, например, его представление о распределении продуктов на первой стадии коммунизма:

"Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал". /стр. 436–437/

А это еще одно обоснование и описание перехода от первой стадии коммунизма ко второй:

"С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, "наладили" контроль за ничтожным меньшинством капиталистов, господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, – с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще.

... Ибо, когда *все* научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль тунеядцев, баричей, мошенников и тому подобных "хранителей традиций капитализма", – тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием, /ибо вооруженные рабочие – люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят/, что *необхо-*

димость соблюдать основные, несложные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой.*

И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства". /стр. 445–446. Курсив Ленина/.

И вдруг после всех безапелляционных пророчеств – трезвая нотка – окрик, звучащий неожиданным диссонансом всему сказанному ранее: ..."обещать", что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и не теперешнюю производительность труда и *не теперешнего* обывателя, способного "зря" – вроде как бурсаки у Помяловского – портить склады общественного богатства и требовать невозможного." /стр. 441. Курсив Ленина/.

В марте-октябре 1917 года Ленин только и делал, что "обещал невозможное", побуждая массы "требовать невозможного" у правительства. И никаких трезвых предупреждений относительно "рвача-обывателя", никаких саркастических и даже аристократических ссылок на Помяловского в своей массовой газетно-речевой продукции он себе до 25 октября 1917 года не позволял. Разве что редкие алиби перед властью вроде призывов соблюдать "порядок" при разделе земли и грабеже имений... До своего прихода к власти он обрушивал на усталых, голодных, измученных войной и опьяненных революционным хаосом людей лишь самые безудержные обещания всего, чем богата Россия и что злостно утаивает от народа предательское буржуазное Временное правительство.

Теперь же, после восторженного и лишенного всяких сомнений пророчества Маркса: "... На высшей фазе ком-

мунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, – лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамении: "Каждый по способностям, каждому по потребностям" /стр. 439–440/, – снова следует трезвое и осторожное "алиби": *"Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем"*.

Куда же вы тянете человечество такой ценой?!?

К чему все предыдущие и последующие категорические констатации Маркса, Энгельса и своей прозорливости и правоты? Ведь, по собственному своему признанию, столпы учения, включая и автора этих констатаций, не только о строе, но и о пути к строю, призванному увенчать собой кровавую реконструкцию мира и человечества, которую они затеяли, ничего не знают и знать не могут!!!

VIII

Что кажется наиболее удивительным в шестидесятилетней истории ленинской книги?

То же, что и во всей истории учения, одним из плодов которого эта книга явилась.

Несообразности книги и учения, которые столь очевидны, что большинство вдумчивых читателей считают из-

лишним о них рассуждать, остаются в тени /хотя еще 120 лет назад основные из этих несообразностей были подвергнуты неуязвимой по сей день критике/. Лозунги же, вытекающие из этих несообразностей, продолжают завоевывать мир. Не свидетельствует ли этот парадокс в пользу того, что высокомерное молчание пора нарушить? Но разговор о невмешательстве тех, кто видит угрозу, в действиях тех, кто сеет угрозу, выходит за рамки анализа книги Ленина.

ИТАК – О "ВЕЛИКОЛЕПНОЙ ТЕОРИИ"

(ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Теперь мы можем вернуться к Яну Прохазке – точнее к его знаменательному вопросу: "Почему такая замечательная теория столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?"

Долгий путь /от слепого доверия к плохо прочитанным книгам, сомнений и размышлений – к серьезному их прочтению и соотнесению прочитанного с пережитым/ убеждает, что "великолепная теория" содержит ряд фундаментальных ошибок и не привести к результатам, "прямо противоположным" обещанному, не может.

Первоначально предполагалось, что:

общественные отношения, в том числе и отношения собственности, определяются структурой общественной занятости, которая, в свою очередь, есть функция определенного уровня развития и характера общественных производительных сил;

общественные производительные силы находятся в состоянии постоянного изменения и развития, а потому не вечны никакие общественные отношения;

главными двигателями этого развития и изменения являются различные антагонизмы, заключенные в природе каждого явления и его связей.

Однако, как показал исторический опыт, марксисты в последующем развитии своего учения и в его практических приложениях не остались верны ни одному из его исходных положений.

1/ Учение придало решающее значение отношениям собственности, перестав замечать, что отношения собственности представляют собой лишь одно из следствий общественного разделения труда – одну из форм экономического управления.

2/ Оно ошибочно предположило /уже в 1840 г.г./, что настало время для прямого повседневного совмещения управления с исполнением в жизни каждого члена общества – подобно тому, как, по его представлению, совмещались эти обязанности в деятельности членов первобытной общины.

3/ Маркс и Энгельс ошибочно приняли пролетариат /класс наемных фабрично-заводских рабочих/ за силу, способную взять на себя управление обществом и его производством – на весь тот период, пока будет "строиться" общество безгосударственное, бесклассовое, лишенное антагонизмов и не подлежащее поэтому дальнейшим принципиальным изменениям.

4/ Они неправильно предположили, что национализация всех средств общественного производства автоматически упростит и демократизует управление обществом и его производством, позволит отбросить государственный принцип организации и перейти к расплывчатому "самоуправлению ассоциированных производителей".

5/ Поскольку другого выхода у них не было, последователи Маркса и Энгельса неправильно отождествили соб-

ственность государственную с собственностью общественной.

6/ Марксизм неправильно оценил роль конкурентного свободного рынка в самоорганизации общественной экономики.

7/ Исходя из этого, он ошибся в своей оценке перспектив, потенций и реальных трудностей конкурентного капитализма.

8/ Предложив упрощенное, утопическое представление о "плановом" /?/ управлении сложной экономической системой, не предвидя фундаментальных трудностей этого управления /которые в те же годы предвидели и описали другие авторы/, приписав ему несуществующие абсолютные преимущества, марксизм в то же время не выработал сколько-нибудь отчетливых представлений о той системе производства и распределения, которую он рекомендовал обществу в качестве идеала.

9/ Неправильно оценив роль и значение идеологической конкуренции, рыночного идеологического и политического отбора, которые свойственны современной, или конкурентнорыночной, демократии, марксизм необоснованно отождествил эту демократию с диктатурой класса капиталистов.

10/ Оказавшись бессильным выполнить свои предреволюционные декларации, марксизм-ленинизм был вынужден /при категорически свойственном ему стремлении сохранить свое единовластие в обществе/ навязать обществу безвыходный трехсторонний монополизм: в области экономической, в области политической и в области информационной. Был создан новый тип государства, объединившего в своем лице рабовладельца, феодала и капиталиста – "совокупный идеальный" монокапиталист, располагающий неограниченной властью над человеком

и обществом. В то же время этот всемогущий распорядитель судьбами общества и своих подданных бессилен что-либо в этом обществе изменить в лучшую сторону, не отказавшись от своего всевластия, т.е. не перестав быть самим собой – не изменив общественных обстоятельств в сторону их демонокапитализации.

Энгельс говорил о Марксе: "Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, так Маркс открыл закон развития человеческой истории – тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями простой факт, что люди, в первую очередь, должны пить, есть, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусствами, религией и т.д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая степень экономического развития народа или эпохи образуют основу, на которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей, а не наоборот, как это делалось /?/ до сих пор".

Для марксизма весьма характерно подчеркивание именно "производства непосредственных материальных средств к жизни" как фундаментальной основы общественной жизни и игнорирование того информационного запаса /тезауруса/ любого, даже самого примитивного, общества, который лежит в основе всех его умений. О духовном же потенциале человека и общества как о чем-то определяющем и первоосновном марксизм не говорит вообще. Духовное для него всегда вторично и категорически производно от материального и даже просто технолого-экономического начала. Без постановки работы впереди знания неоткуда было взять идею о мессианстве пролетариата и характерное для марксизма–ленинизма подозри-

тельное, неуважительное и даже брезгливое /не класс, а "прослойка", – нечто социально неполноценное/ отношение к интеллигенции.

Маркс же, как было уже упомянуто, писал о себе: "Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие борьбы классов, а буржуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал, состояло в доказательстве/?/ следующего: что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; что диктатура эта сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов".

Если это так, если у Маркса, действительно, других заслуг перед наукой нет, то о нем можно лишь пожалеть, ибо это заслуга мнимая...

* *
*

ДОРА ШТУРМАН – филолог и историк. Родилась в 1923 году на Украине. В 1944 году была осуждена в Алма-Ате на пять лет за исследование творчества Б. Пастернака и В. Маяковского, связанное с системным анализом советской действительности. После освобождения закончила университет и преподавала русский язык и литературу в сельских и городских учебных заведениях Украины. Одновременно продолжала нелегально заниматься исследованием ряда фундаментальных проблем советского строя.

В Израиле с марта 1977 года. В настоящее время работает в Иерусалимском университете. Д. Штурман издала на протяжении 1977–1981 гг. в журналах и газетах Израиля, Европы и США более сорока работ, большая часть которых была переправлена за пределы СССР в 1975–1977 гг.

В 1979 году Центром по изучению СССР и стран Восточной Европы при Иерусалимском университете издана ее книга "Сельская школа в СССР в 1948–1967 гг." (см. список публикаций).

Первоначальный вариант книги ≪"Наш новый мир". Теория. Эксперимент. Результат≫ циркулирует в Самиздате с начала семидесятых годов под псевдонимом В. Е. Богдан и был нелегально вывезен из СССР в 1975 году.

В статье "По поводу марксистско-ленинской вульгаты" ("Русская мысль" № 3357 от 23 апреля 1981 года) В. Рыбаков писал: "У нас, в тоталитарном мире вообще, коммунистическая власть своей практикой уничтожила в сотнях миллионов людей саму возможность принятия ее "философии", но она этим затруднила свободное восприятие людьми других идей, мировоззрений – породила некое отвращение к теории вообще. Поэтому как в тоталитарных, так и в демократических странах необходимо разработать в противовес марксистской вульгате простой, ясный для любого (доступна ему свободная информация или нет) язык свободы, терминологию демократии. Эту идею прекрасно разработала в одной из своих статей в журнале "Время и мы" Дора Штурман."

Статья, о которой говорит В. Рыбаков, является отрывком из книги ≪"Наш новый мир". Теория. Эксперимент. Результат≫, полностью посвященной выработке "языка свободы, терминологии демократии".

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ Д. ШТУРМАН

1. Менахем Бегин и его книга "Восстание". *"Неделя в Израиле" декабрь 1977.*
2. Мои дорогие. *Там же, январь 1978.*
3. Из окна ульпана. *Там же, февраль 1978.*
4. Минаевщина. *"Время и мы" № 27.*
5. Этот самый человечный человек. *Там же, № 28.*
6. Любовь без взаимности. *Там же, № 30.*
7. Победа и крушение Ленина. *Там же, № 32-33.*
8. Моя школа. *Там же, № 34.*
9. Хаос вместо демократии. *Там же, № 36.*
10. Оппозиция Ее Величества. *Там же, № 38.*
11. Николай Бухарин – любимец партии. *Там же, № 39-40*
12. Стукачи и гонг справедливости. *Там же, № 42.*
13. Далекие и близкие Андрея Седых. *Там же, № 45.*
14. Его еретичество анекдот. *Там же, № 46.*
15. Советолог на карнавале детанта. *Там же, № 48.*
16. Тетрадь на столе. *Там же, № 52-53-55.*
17. Спор о социализме. *Там же, № 57.*
18. Рассеянный свет. *Там же, № 61.*
19. Ленин и Шпенглер как социалисты. *"Посев" №3-4,1979*
20. Еврокоммунизму верить нельзя. *Там же, № 6, 1979.*
21. Реплика в споре. *Там же, № 3, 1980.*
22. Красные полковники и свобомыслие. *Там же,№5,1981 .*
23. Моя школа. *"Сучасність" ч. 4 (220), 1979.*
24. Харківська трагедія. *Там же, ч. 11 (239), 1980.*
25. Но сила прежняя в соблазне. *"Континент" № 22, 1979.*

26. В поисках упорядоченности. *"Грани" № 120, 1981.*
27. Уничтожение классов и диктатура пролетариата. *"Голос зарубежья" № 10, 1978.*
28. Просто, как все великое. *Там же, № 11, 1978.*
29. Ленин. Детали этико-психологического портрета. *Там же, № 12-13, 1979.*
30. Некоторые количественные итоги полувекового приложения марксизма к практике. *Там же, № 15,1979.*
31. Американец на рандеву с Россией. *Там же, № 17,*
32. Что такое демократия? *Там же, № 19, 1980.*
33. "С кем вы, мастера культуры?". *Там же, №20-21,1981.*
34. Советская пропаганда и антисемитизм в советском обществе. (Доклад на межуниверситетском семинаре по антисемитизму в СССР). *"22 Москва–Иерусалим" № 3, 1978.*
35. Крушение стереотипов. *Там же, № 5.*
36. К вопросу о некоторых комплексах и их носителях. *Там же, № 6, 1979.*
37. Альтернативы или варианты. *Там же, № 6, 1979.*
38. О, Русская земля. *Там же, № 8, 1979 (Статья была переведена на иврит и публиковалась в сб. "Еврейская интеллигенция в СССР. 1970-1980 г.г.")*
39. Размышления над рукописью. *Там же, № 12, 1980.*
40. И мы, и они. *Там же, № 16, 1981.*
41. Сельские школы на Украине. 1948-1962. *Иерусалимский университет. Центр исследования СССР и стран Восточной Европы. 1978.*
42. Bureaucratic Utopia. *"Crossroads" № 4, 1979.*
43. Об открытости и конспиративности. *"Новое русское слово" от 29.4.1981.*